

ВОЙНА И МИР • ПУТЕШЕСТВИЯ ГУЛЛИВЕРА • СТО ЛЕТ ОДИНОЧЕСТВА • БОЖЕСТВЕННАЯ КОМЕДИЯ • ЛОЛИТА
БРАТЯ КАРАМАЗОВЫ • ДЕКАМЕРОН • РОМЕО И ДЖУЛЬЕТТА • МАЛЕНЬКИЙ ПРИНЦ
ФАУСТ • ЧЕЛОВЕК БЕЗ СВОЙСТВ • ГОСПОЖА БОВАРИ • МЕТЬВЬЕ ДУШИ • ОДИССЕЯ

100 главных книг

ОТНЫНЕ И ВОВЕК
РЭЙ БРЭДБЕРИ

УЛИСС • МОБИ ДИК • В ПОИСКАХ УТРАЧЕННОГО ВРЕМЕНИ
МАСТЕР И МАРГАРИТА • ГАМЛЕТ • БОЛЬШИЕ НАДЕЖДЫ • МАХАБХАРАТА • ДОН КИХОТ • ПРОЩАЙ, ОРУЖИЕ!
МЕТАМОРФОЗЫ • ГАРГАНТУА И ПАНТАГРУЭЛЬ • ЗАМОК

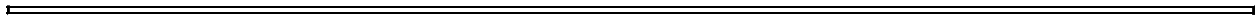
Annotation

В книгу вошли две повести великого Рэя Брэдбери, работа над которыми велась более полувека. Повесть «Где-то играет оркестр», написанная о журналисте, попавшем в идиллический городок, где никто не стареет и не умирает, изначально задумывалась как сценарий для романтической мелодрамы с Кэтрин Хепберн в главной роли, а «Левиафан-99» – как радиопьеса, своего рода космический римейк «Моби Дика».

- [Рэй Брэдбери](#)
 -
 - [Где-то играет оркестр](#)
 - [«Где-то играет оркестр»](#)
 -
 - [Глава 1](#)
 - [Глава 2](#)
 - [Глава 3](#)
 - [Глава 4](#)
 - [Глава 5](#)
 - [Глава 6](#)
 - [Глава 7](#)
 - [Глава 8](#)
 - [Глава 9](#)
 - [Глава 10](#)
 - [Глава 11](#)
 - [Глава 12](#)
 - [Глава 13](#)
 - [Глава 14](#)
 - [Глава 15](#)
 - [Глава 16](#)
 - [Глава 17](#)
 - [Глава 18](#)
 - [Глава 19](#)
 - [Глава 20](#)
 - [Глава 21](#)
 - [Глава 22](#)

- [Глава 23](#)
 - [Глава 24](#)
 - [Глава 25](#)
 - [Глава 26](#)
 - [Глава 27](#)
 - [Глава 28](#)
 - [Глава 29](#)
 - [Глава 30](#)
 - [Глава 31](#)
 - [Глава 32](#)
 - [Глава 33](#)
- [Левиафан-99](#)
 - [Радиомечта](#)
 -
 - [Глава 1](#)
 - [Глава 2](#)
 - [Глава 3](#)
 - [Глава 4](#)
 - [Глава 5](#)
 - [Глава 6](#)
 - [Глава 7](#)
 - [Глава 8](#)
 - [Глава 9](#)
 - [Глава 10](#)
 - [Глава 11](#)
- [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
 - [10](#)
 - [11](#)
 - [12](#)
 - [13](#)

- [14](#)
- [15](#)
- [16](#)
- [17](#)
- [18](#)
- [19](#)
- [20](#)
- [21](#)
- [22](#)
- [23](#)
- [24](#)
- [25](#)
- [26](#)
- [27](#)
- [28](#)
- [29](#)
- [30](#)
- [31](#)

Рэй Брэдбери

Отныне и вовек (сборник)

Ray Bradbury
NOW AND FOREVER

Copyright © 2007 by Ray Bradbury

© Петрова Е., перевод на русский язык, 2016

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Э»,
2016

Где-то играет оркестр

«Где-то играет оркестр»

Некоторые истории, будь то рассказы, повести или романы, создаются, как вы, наверное, догадываетесь, в результате какого-то одного, мгновенного, ясного озарения. Другие же рикошетом отскакивают от самых разных событий, составляющих нашу жизнь, и лишь по прошествии времени объединяются в законченное произведение.

Когда мне исполнилось шесть лет, мой отец, заядлый путешественник, перевез нас по железной дороге в Тусон, штат Аризона, где мы прожили ровно год в эпоху значительных перемен; для меня это было время увлекательных открытий. Городок, тогда еще совсем небольшой, стремительно развивался. Что может быть интереснее, чем расти вместе с городом? Там было вольготно, да к тому же у нас подобралась отличная компания.

Через год мы вернулись в Уокеган, штат Иллинойс, где я родился и провел первые годы жизни. Но в двенадцать лет меня опять увезли в Тусон, и новый переезд принес мне еще более увлекательные открытия, потому что жили мы за городом и я бегал в школу через пустыню, разглядывая по дороге дикие кактусы, проворных ящериц, пауков, а иногда и змей; именно тогда, в седьмом классе, я начал писать.

Много позже, когда я провел почти год в Ирландии, где писал для Джона Хьюстона сценарий по роману «Моби Дик», мне попались на глаза произведения канадского юмориста Стивена Ликока. Среди всего прочего я обнаружил совершенно очаровательную книжицу, озаглавленную «Солнечные зарисовки маленького города».

Увлечшись этой книжкой, я даже пытался уговорить студию «Метро-Голдвин-Майер» снять по ней фильм. Напечатал несколько пробных страниц, чтобы показать, какой видится мне будущая экранизация. На студии не проявили к этому ни малейшего интереса, и у меня осталось начало сценария, воссоздающего атмосферу провинциального городка. При этом я не мог выкинуть из головы полюбившийся мне Тусон, исхоженный мною вдоль и поперек сначала в шесть лет, а потом в двенадцать, и сам начал писать пьесу и рассказ о городе, затерянном среди пустынь.

В те годы я нередко видел Кэтрин Хепберн, как в жизни, так и на экране; ее неувядаемая юность вызывала у меня огромное восхищение.

В 1956 году, когда ей было уже под пятьдесят, она снялась в фильме «Лето»^[1]. Эта роль, можно сказать, заставила меня сделать ее главной

героиней рассказа, тогда еще безымянного, но с очевидностью приближавшего меня к повести «Где-то играет оркестр».

А лет тридцать назад я посмотрел фильм «Ветер и лев» с Шоном Коннери; там звучала потрясающая музыка Джерри Голдсмита. Она так меня захватила, что я подобрал ее по слуху и сочинил слова – длинное стихотворение, которое легло на эту волшебную мелодию.

Так образовался еще один фрагмент мозаики под названием «Где-то играет оркестр»; между тем я начал работу над произведением, замысел которого еще не имел четких очертаний, хотя эпизоды, с моей точки зрения, наконец-то связались воедино: год жизни в Тусоне, когда мне было шесть лет; еще один год жизни там же, но уже в двенадцатилетнем возрасте; калейдоскоп впечатлений от Кэтрин Хепберн, в том числе и от ее блистательной актерской работы в фильме «Лето», а также мои стихи на музыку из фильма «Ветер и лев». Все это удачно сложилось вместе и подтолкнуло меня к написанию объемного пролога, за которым появилась на свет и сама повесть.

Сегодня, оглядываясь назад, я понимаю, как мне повезло: у меня скопились разные наметки, которые все время были под рукой и в конечном счете срослись в единое повествование – «Где-то играет оркестр». Еще мне повезло в том, что на моем пути встретилось немало помощников и помощниц. Одна из них, причастная к появлению этой повести, – моя добрая фея Энн Хардин, которая в последние годы приложила немало усилий к тому, чтобы это произведение увидело свет. Недаром ее имя стоит в посвящении.

Не скрою, у меня долгие годы теплилась надежда закончить повесть в обозримые сроки, чтобы сделать по ней пьесу или сценарий для Кэтрин Хепберн без оглядки на ее возраст. Кэти терпеливо ждала, но время шло, она стала уставать и в конце концов покинула этот мир. Единственное, что теперь в моих силах, – посвятить ей эту историю.

Посвящается Энн Хардин и Кэтрин Хепберн, с любовью

Глава 1

В пустынной местности вольготно было ветру, солнцу и кустам полыни, да еще тишине, которая робко тянулась кверху вместе с полевыми цветами. Сквозь эту тишину пролегали рельсы, и сейчас они задрожали.

Направлением с востока мчался, пыхтя огнем и паром, темный железнодорожный состав, который с грохотом проскочил мимо станции. Он едва-едва замедлил ход у платформы, усыпанной кружочками конфетти, – здесь проводники в незапамятные времена компостировали билеты. Локомотив притормозил ровно настолько, чтобы из вагона, как из катапульты, успел вылететь одинокий саквояж, за которым выпрыгнул и по инерции пробежал вперед молодой человек в неглаженном летнем костюме; поезд с ревом помчался дальше, словно знать не знал ни этой платформы, ни саквояжа, ни его владельца, а тот, спотыкаясь, сделал еще несколько шагов и остановился, чтобы оглядеться, благо пыль уже слегка осела и в предрассветной дали проступили силуэты домов.

– Черт побери, – забормотал он. – Оказывается, тут что-то есть.

Ветер развеял пыль, приоткрыв еще какие-то крыши, шпили и верхушки деревьев.

– Зачем? – спросил он шепотом. – Почему я здесь?

И еле слышно ответил самому себе:

– Потому что.

Глава 2

Потому что.

В полусне прошлой ночи ему являлись слова, проступавшие на внутренней стороне век. С закрытыми глазами он читал бегущие строки:

Где-то играет оркестр,
И трубы его слышны
Подсолнухам и матросам
На службе чужой луны.

Частая дробь барабана
Дрожит под пятой времен
И летние помнит туманы,
И год, что еще не рожден.

– Погоди-ка, – услышал он свой голос. Стоило ему открыть глаза, как слова исчезли. Он оторвал голову от подушки, но передумал и снова улегся.

И опять на внутренней стороне закрытых век читалось, как по писаному:

Грядущее видится былью
И пахнет седой стариной
И древней египетской пылью,
Сиренью и мглой ледяной.

Персик, созревший на ветке,
Солнцем согрел мирок,
Где мумия в каменной клетке
О будущем даст урок.

Тут веки у него дрогнули и сами собой крепко зажмурились, словно желая кое-что подправить, а то и стереть дочиста.

Потом он стал глядеть в темноту, и строчки заново поплыли в сумерках его сознания, а слова были такие:

Дети выходят на берег,
Чертят судьбу на песке,
Смерти они не верят,
Что бродит невдалеке.

Где-то играет оркестр.
Лето плывет вперед.
Здесь никому не спится
И больше никто не умрет.

Слышится стук сердечный,
Бьет в барабан луна.
Рядом проходит Вечность,
Но поступь ее не слышна.

– Это уж слишком, – услышал он свой шепот. – Это чересчур. Больше не могу. Неужели вот так и сочиняются стихи? Откуда что берется? Надеюсь, это все? – размышлял он.

И безо всякой уверенности, опустив голову на подушку, закрыл глаза – а в них опять поплыли строки:

Где-то скитается старость,
Летний обходит зной
И спит на полях пшеничных,
Чтоб там молодеть с луной.

Где-то печалится детство,
Знавшее скорбь и прах,
И мечется, как в лихорадке,
А рядом маячит страх.

Жизнь приготовит им ужин,
Застолье на много миль.
Бессилье наполнится силой,
А яства покроет гниль.

Где-то играет оркестр –
Кто слышит, тот вечно юн,

И в танце кружится с ветром
Июнь... И опять... июнь.

И Смерть, не в ладах с собою,
Умолкнет перед судьбою.
Июнь... И опять... июнь...

В глазах осталась только непроглядная темень. Сумерки выдались тихими.

Он лежал и недоуменно смотрел в потолок, широко раскрыв глаза. Повернулся на бок, взял с тумбочки почтовую открытку и принялся разглядывать изображение.

Наконец он приглушенно спросил:

– А счастье-то мне выпало?

И сам себе ответил:

– *Нет.*

Он медленно-медленно выбрался из постели, оделся, спустился по лестнице, поехал на вокзал, купил билет и сел в первый поезд направлением на запад.

Глава 3

Потому что.

Странное дело, подумал он, разглядывая убегающие вдаль рельсы. Этой точки на карте нет. Но, как только поезд притормозил, я спрыгнул, потому что...

Он обернулся и над обветшалым привокзальным домиком, утопающим в песчаных волнах, заметил истерзанный ветрами указатель: «САММЕРТОН, ШТАТ АРИЗОНА».

– К вашим услугам, сэр, – послышался голос.

Опустив взгляд, путешественник увидел светловолосого, ясноглазого человека средних лет, который сидел на хлипком крыльце, отклонившись назад, в тень. Над ним висела целая коллекция форменных фуражек с различными надписями: «КАССИР», «НОСИЛЬЩИК», «СТРЕЛОЧНИК», «ДЕЖУРНЫЙ», «ВОДИТЕЛЬ ТАКСИ». А на голове у него красовалась фуражка с ярко-красной надписью, вышитой на кокарде: «НАЧАЛЬНИК СТАНЦИИ».

– Чего изволите, – продолжал он, пристально глядя на незнакомца, – билет на ближайший поезд? Или такси до «Герба египетских песков»? Два квартала езды.

– Сам не знаю. – Молодой человек утер пот со лба и, прищурившись, огляделся вокруг. – Я только что сошел с поезда. Точнее, спрыгнул. Неизвестно зачем.

– Всегда надо действовать по наитию, – сказал начальник станции. – Глядишь – и повезет: из огня попадешь не в полымя, а в озерную прохладу. Ну, что будем делать?

Ему пришлось долго ждать ответа.

– Такси до «Герба египетских песков», два квартала езды, – скороговоркой выпалил приезжий. – Решено!

– Отлично, хотя египтян в здешних песках не встретишь ^[2] и дельту Нила не увидишь. А до Каира, что в штате Иллинойс, тысяча миль на восток. Зато гербов, на мой взгляд, у нас предостаточно.

Местный житель поднялся с кресла и, сняв фуражку начальника станции, сменил ее на другую, таксистскую. Когда он наклонился за саквояжем, приезжий спросил:

– Разве можно вот так покидать?..

– Станцию? А что ей сделается? Рельсы ведут куда следует, красть тут

нечего, а ближайший поезд – только через пару дней. Пошли.

Он подхватил саквояж и направился из этого уныния за угол.

Позади станции никакого такси не было и в помине. Там стоял довольно симпатичный статный белый конь, ожидавший ездоков. Он был запряжен в небольшую крытую повозку с высокими бортами и выписанной сбоку рекламой: «Пекарня Келли. Свежий хлеб».

По знаку водителя такси приезжий запрыгнул на козлы. Устроившись в тени под козырьком, он втянул носом воздух.

– Необыкновенный запах, правда? Большая редкость в наше время, – сказал водитель такси. – Только что развез пять дюжин хлебов!

– Благоухание, – откликнулся молодой человек, – как в райском саду наутро после творения.

Таксист вскинул брови.

– Интересно, – произнес он, – почему газетчик с задатками писателя решил посетить город Саммертон, штат Аризона?

– Потому что, – ответил приезжий.

– Потому что? – переспросил пожилой таксист. – Это одна из самых веских причин на свете. Оставляет большой простор для толкования.

Взобравшись на облучок, он с нежностью посмотрел на заждавшегося конягу, цокнул языком и негромко скомандовал:

– Н-но, Клод.

И конь, услышав свое имя, повез их в город Саммертон, штат Аризона.

Глава 4

Воздух, раскаленный с самого утра, постепенно сменился прохладой, когда дорога нырнула под сень деревьев.

Приезжий подался вперед:

– А как вы угадали?

– Что? – спросил кучер.

– Что я писатель, – пояснил молодой человек.

Кучер глянул на проплывавшие мимо деревья и понимающе кивнул.

– У тебя язык шлифует слова на выходе. Ты говори, говори.

– О Саммертоне чего только не болтают, я сам слышал.

– Много кто слышит, да редко кто приезжает.

– Например, что ваш город словно из другого пространства и времени – исчезающий, что ли. Хочу верить, он уцелеет.

– Дай взглянуть тебе в глаза, – попросил возница.

Газетчик повернулся и посмотрел прямо на него.

Извозчик опять кивнул:

– Ага, еще не замутились. Надеюсь, ты видишь то, на что смотришь, и говоришь от сердца. Милости прошу. Фамилия моя Калпеппер. Зовут Элиас.

– Мистер Калпеппер, – молодой человек дотронулся до его плеча, – Джеймс Кардифф.

– Надо же! – изумился Калпеппер. – Звучные фамилии. Калпеппер и Кардифф. Можно подумать, дорогие адвокаты, архитекторы, издатели. Прямо как по расчету. Был Калпеппер, теперь добавился Кардифф.

В тени деревьев коняга Клод прибавил ходу.

Пока они ехали по улицам, Элиас Калпеппер, указывая то направо, то налево, не умолкал ни на миг.

– Вот тут конверты делают. Отсюда ведет начало вся наша переписка. Это парогенераторная станция, когда-то пар давала. Позабыл, для чего. А сейчас проезжаем редакцию «Калпеппер Саммертон ньюс». Если раз в месяц случается новость, она попадает в газету! Четыре полосы крупного набора, удобного для чтения. Как видишь, мы с тобой, так сказать, одного поля ягоды. Только ты, разумеется, не правишь лошадьми и не компостируешь билеты.

– Где уж мне! – сказал Джеймс Кардифф, и они добродушно посмеялись.

– А это, – продолжал Элиас Калпеппер, когда Клод, описав дугу, свернул в переулок, где соединялись кронами вязы, дубы и клены, вплетая голубое небо в свой причудливый зеленый узор, – это Нью-Санрайз. Самый богатый район. Вот здесь живет чета Рибтри, по соседству – семейство Таунвей. А там...

– Боже! – воскликнул Джеймс Кардифф. – Эти лужайки перед домами! Взгляните, мистер Калпеппер!

На всем пути за каждым забором толпились подсолнухи; их круглые, как циферблат, физиономии караулили солнце, чтобы открыться с рассветом и замкнуться в себе с наступлением сумерек: на одном пятачке, под вязом, их уместилось не менее сотни, на другом – сотни две, а далее – до пяти сотен.

Вдоль обочин тоже выстроились мощные стебли, увенчанные темноликими циферблатами в желтой оправе.

– Как будто вышли поглазеть на уличную процессию, – сказал Джеймс Кардифф.

– И впрямь, – отозвался Элиас Калпеппер. Он сделал неопределенный жест рукой.

– Кстати сказать, мистер Кардифф. Давненько у нас не бывало репортеров. В наших краях ничего не происходит аж с тысяча девятьсот третьего года, когда случился Малый потоп. Или с две тысячи второго, если говорить о Большом потопе. Мистер Кардифф, что журналисту ловить в городке, где никогда ничего не происходит?

– Так уж и ничего, – смешался Кардифф.

Он поднял глаза, вглядываясь в открывающийся перед ним город. Сейчас ты здесь, подумал он, а вскоре тебя как пить дать не будет. Я кое-что знаю, но не скажу. Суровая правда может тебя погубить. Мой разум открыт, но рот на замке. Будущее неясно и шатко.

Мистер Калпеппер вытащил из кармана пластик мятной жевательной резинки, отправил в рот, сняв обертку, и стал жевать.

– Вы знаете что-то, чего не знаю я, мистер Кардифф?

– Правильнее будет сказать, – заметил Кардифф, – это *вы* знаете о Саммертоне нечто такое, чего не сказали мне.

– Коли так, мы оба, надеюсь, раскроем карты.

С этими словами Элиас Калпеппер слегка натянул вожжи, направив Клода к покрытой гравием подъездной дорожке, которая вела сквозь подсолнухи к частному дому с вывеской над крыльцом: «Герб египетских песков». Сдаются комнаты».

Калпеппер не обманул.

Река Нил вблизи не просматривалась.

Глава 5

В этот самый миг на двор въехал, разинув темную заиндевелую пасть окошка над прилавком, допотопный фургон-ледник, который тащила кляча, мечтающая освежиться своим антарктическим грузом. Впервые за долгие годы Кардифф явственно ощутил на языке вкус льдинки.

– Вот и мы, – сказал развозчик льда. – Денек-то жаркий. Давай налетай.

Он кивнул на заднюю часть своего фургона. Словно что-то его подтолкнуло, Кардифф спрыгнул с хлебной повозки, обежал фургон и почувствовал, как его рука – рука десятилетнего мальчишки – тянется в темноту, за прилавок, и хватает острую сосульку. Отступив назад, он протер ею лоб. Другая рука сама собой полезла в карман и вытащила носовой платок, чтобы не холодило пальцы. Причмокивая сосулькой, Кардифф отошел в сторону.

– Ну и как ощущение? – донесся до него голос Калпеппера.

Кардифф лизнул лед еще раз:

– Как от прохладных крахмальных простыней.

И только потом обернулся в сторону тротуара.

А улица оказалась такой, что уму непостижимо. Крыши всех без исключения домов, будто только сегодня просмоленные, были покрыты свежей дранкой или новехонькой черепицей. Детские качели на каждой террасе висели безупречно ровно. Окошки блестели, словно щиты Вальхаллы^[3], что вспыхивают золотом в лучах рассвета и заката, а в полдень серебрятся, как зеркальный родник. За оконными рамами виднелись полки домашних библиотек, на которых в тесноте, да не в обиде соседствовали безмолвные хранительницы мудрости. Под каждой водосточной трубой стояла бочка для сбора дождевой воды. На каждом заднем дворике были в этот день разложены ковры, выбитые так тщательно, что начинало казаться, будто выколоченную из них старину унесло ветром, а на месте прежних узоров проросли новые, еще затейливее. С каждой кухни доносились запахи, сулившие утоление любого голода, а позже тихий вечер для размышлений о тех пиршествах, что ждут к юго-юго-западу по направлению от души.

Все, все безупречное, гладкое, свежее, с иголочки, красивое – идеальный город посреди идеального сочетания тишины и невидимых глазу хлопот и забот.

– Ну, что высмотрел? – спросил Элиас Калпеппер.

Не открывая глаз, Кардифф покачал головой, потому как ничего не высмотрел, а просто размечтался.

– Не могу объяснить, – прошептал в ответ Кардифф.

– А ты попробуй, – настаивал Элиас Калпеппер.

Кардифф еще раз покачал головой, переполняемый почти невыразимым счастьем.

Размотав носовой платок, он бросил в рот остаток сосульки, с хрустом разгрыз и стал подниматься по ступеням крыльца, гадая, что же будет дальше.

Глава 6

Джеймс Кардифф замер в молчаливом изумлении.

Никогда в жизни он не видел такой длинной веранды, какая тянулась вдоль стены «Герба египетских песков». Там уместилась целая шеренга белых плетеных кресел-качалок – он даже сбился со счета. В креслах отдыхали моложавые, еще не достигшие преклонных лет мужчины, щегольски одетые, свежие, будто только что из душа, с зачесанными назад волосами. Кое-где сидели и женщины, лет за тридцать, но еще не под сорок; их открытые платья были выкроены будто из одних и тех же обоев с розочками, орхидеями или гардениями. Стрижки всех мужчин выдавали руку одного парикмахера. Изящные укладки женщин, как блестящие шлемы парижской работы, были выполнены задолго до рождения Кардиффа. Все кресла дружно раскачивались вперед-назад, подобно легким волнам прибоя, которые беззвучно и безмятежно повинуются одному и тому же океанскому бризу.

Как только Кардифф ступил на веранду, все кресла-качалки разом замерли, все лица, сверкая улыбками, повернулись к нему, и множество рук взметнулось в молчаливом приветствии. Он кивнул, и белые летние кресла опять закачались под шелест тихой беседы.

Разглядывая это собрание элегантных людей, Кардифф думал: «Странно – так много мужчин средь бела дня просиживает без дела. Непривычное зрелище».

В сумраке за дверным проемом, забранном защитной сеткой, раздался звон крохотного хрустального колокольчика.

– Суп готов, – объявил женский голос.

В считанные секунды плетеные кресла опустели, и отдыхающие гуськом устремились в дом, не прерывая беседы.

Он хотел было последовать за ними, но помедлил и обернулся.

– Что это? – прошептал он.

Позади стоял Элиас Калпеппер, бережно опустивший саквояж на пол, к ногам владельца.

– Эти звуки, – продолжал Кардифф. – Где-то...

Элиас Калпеппер тихо рассмеялся:

– Да это же городской оркестр – у него выступление в четверг вечером. Репетирует сокращенную версию «Тоски»: Тоска бросается вниз с башни и через две минуты приземляется.

– «Тоска», – повторил Кардифф и прислушался к далеким звукам духовых инструментов. – «Где-то...»

– Заходи, – сказал Калпеппер, придерживая для Джеймса Кардиффа дверь с сеткой.

Глава 7

В сумраке холла Кардиффу показалось, будто он вошел в прохладную летнюю кухню, где пахнет сливками, что хранятся в больших флягах, спрятанных подальше от солнца, где ледники сочатся тайной влагой, где на кухонных столах лежат свежеевыпеченные хлебцы, а на подоконниках остывают пироги.

Кардифф сделал еще шаг и вдруг понял: в здешних краях он будет спать по девять часов кряду и вскакивать, как в детстве, с восходом солнца, ликуя оттого, что жизнь не кончается, что мир по утрам рождается вновь, что в груди бьется сердце, а в запястьях стучит пульс.

Тут он услышал чей-то смех. Это смеялся он сам, ошеломленный своей неизъяснимой радостью.

Откуда-то сверху донеслись звуки шагов. Кардифф поднял взгляд.

По ступеням спускалась – но при виде его замерла – самая прекрасная женщина на всем белом свете.

Где-то, когда-то, от кого-то он слышал: закрепи изображение, пока не поздно. Так говорили первые фотоаппараты, которые ловили свет и переносили озарение в камеру-обскуру, чтобы реактивы в фаянсовых площадках могли вызвать пленных призраков. Лица, пойманные в полдень, проявлялись в кислотном растворе: глаза, губы, а вслед за тем и таинственная плоть – сама красота, или надменность, или детская резвость, принужденная к неподвижности. В темноте эти фантомы трепетали под химической рябью, пока ритуальные жесты не извлекали их на поверхность, преображая время в вечность, которую можно брать в руки когда пожелаешь – даже после того, как теплая плоть исчезнет.

Вот так же и с этой женщиной: в яркий полдень на ступенях мелькнуло чудо; оно сошло в прохладную тень холла, чтобы явиться в пучке солнечного света у порога столовой. Навстречу руке Кардиффа медленно выплыла ладонь, следом показались запястье, локоть, плечо и, наконец, словно из фотографического проявителя, возникли призрачные очертания милого лица – так цветок раскрывает свою красоту, встречая рассвет. Пронзительные, яркие, летне-синие глаза весело сияли, разглядывая его, будто бы и сам он только что появился из той волшебной ряби, в которой плавают воспоминания, готовые спросить: «Узнаешь?»

«Узнаю!» – подумал он.

«Неужели?» – послышался ему отклик.

«Конечно! – воскликнул он, не произнося ни слова. – Я всегда надеялся тебя вспомнить».

«Ну, что ж, – сказали ее глаза, – будем друзьями. Возможно, в другом времени мы уже встречались».

– Нас ждут, – поторопила она вслух. «Именно так, – подумал он, – нас с тобой вместе!»

И он заговорил:

– Как вас зовут?

«Можно подумать, ты не знаешь», – ответила она молча.

Это было имя женщины, умершей четыре тысячи лет назад; образ ее затерялся в египетских песках, а теперь, в летний полдень, появился снова, но уже в другой пустыне, где обветшал перрон и замолчали рельсы.

– Нефертити, – выговорил он. – Дивное имя. Означает «Прекрасная пришла».

– Надо же, – откликнулась она, – вы угадали.

– Когда мне было три года, меня повели смотреть сокровища Тутанхамона, – сообщил он. – Я разглядывал его золотую маску и воображал, что это мое лицо.

– Ну правильно, так и есть, – ответила она. – Просто вы никогда этого не замечали.

– Не верю своим ушам!

– Надо верить, тогда все сбудется. Есть хотите?

«Так хочу, что просто умираю», – подумал он, не сводя с нее глаз.

– Тогда вперед, – рассмеялась она, – пока не расхотелось.

И повела его на летний пир богов.

Глава 8

Столовая, как и веранда, была самой длинной из всех, что ему доводилось видеть.

Люди, до этого сидевшие на открытом воздухе, расположились теперь по обе стороны необъятного стола и уставились на Кардиффа и Неф, когда те появились на пороге.

В дальнем торце этого стола ждали два пустых стула, и, как только Кардифф и Неф сели, все пришло в движение: раздалось звяканье приборов, над скатертью поплыли блюда.

Салат был умопомрачительно вкусен, омлет таял во рту, а суп оказался бархатно-нежным. Из кухни доносились ароматы, обещавшие на десерт подлинную амброзию.

В полном изумлении Кардифф сказал сам себе: «Стоп, это уже перебор. Надо осмотреться».

Поднявшись со своего места, он направился через всю столовую в сторону кухни.

А в кухне его взгляду предстала смутно знакомая дверца в стене.

Кардифф уже знал, куда она ведет. В кладовую.

Да не в какую-нибудь, а, скорее всего, в кладовку его бабушки. Мыслимое ли дело?

Он шагнул вперед и толкнул дверцу, почти не сомневаясь, что бабушка уже хлопчет внутри, в этих дебрях изобилия, где висят бананы в леопардовых пятнышках, а под барханами сахарной пудры скрываются пончики. Где, уложенные в ведра, поблескивают боками яблоки, а персики похваляются теплым летним румянцем. Где, ряд за рядом, полка за полкой, возносятся к вечно сумрачному потолку приправы и специи.

Его голос стал нараспев читать этикетки на баночках и мешочках – ни дать ни взять имена индийских князей и арабских кочевников.

Кардамон, анис, имбирь – чего только там не было. Кайенский перец, карри. А вдобавок еще корица, и паприка, и тимьян, и чистотел.

Просто песня, которую он будто бы начал во сне, а поутру завел сначала.

Раз за разом просмотрев все полки, он глубоко вздохнул и обернулся через плечо в полной уверенности, что теперь-то увидит знакомую фигуру, колдующую над кухонным столом, где готовится десерт для этого восхитительного раннего обеда.

Дородная немолодая женщина заливала пышный желтый бисквит темной шоколадной глазурью, и он подумал: стоит только позвать – и бабушка обернется, бросится к нему, поспешит обнять.

Но он не сказал ни слова – просто смотрел, как она управляется с работой, как сооружает напоследок шоколадную завитушку и передает готовый торт прислуге для подачи к столу.

Возвращаясь обратно к Неф, он почувствовал, что аппетит пропал, словно утоленный зрелищем съестных припасов, которых в кладовой было с избытком.

«Неф, – думал он, не сводя с нее глаз, – женщина из женщин, красавица из красавиц. Ты – как пшеничное поле, которое снова и снова писал Моне, пока оно не стало единственным. Ты – как церковь, повторенная точь-в-точь, раз за разом, и ставшая самой совершенной за всю историю зодчества. Ты – как наливное яблоко и легендарный апельсин Сезанна, которые не потускнеют никогда».

– Мистер Кардифф, – услышал он ее голос, – садитесь ешьте. Не заставляйте себя ждать. Я и так ждала слишком долго.

Он подошел вплотную, не в силах оторвать от нее глаз.

– Великий боже, – произнес он, – сколько же вам лет?

– А как по-вашему? – спросила она.

– Ума не приложу! – воскликнул он. – Вы появились на свет лет двадцать назад. Ну тридцать. Или позавчера.

– Совершенно верно.

– То есть как?

– Я ваша сестра, дочь и одноклассница, правда? Я – та девушка, которую вы пригласили на выпускной бал, но она предпочла другого.

– Это же мое личное. Все так и было. Как вы угадали?

– Я никогда не гадаю, – ответила она. – Я знаю. Самое главное – что вы наконец здесь.

– Вы как будто ожидали моего появления.

– Целую вечность, – был ее ответ.

– Но до вчерашнего дня у меня и в мыслях не было сюда ехать. Решение пришло во сне. Что-то подтолкнуло в самый последний момент. Я собрался написать повесть...

Она тихо рассмеялась:

– Неужели так и было? Как в наивном романе, сочиненном наивной домохозяйкой. Что вас подвигло выбрать Саммертон? Ведь не только название?

– Увидел открытку – кто-то, очевидно, купил ее, будучи у вас

поездом.

– О, это, наверное, было очень давно.

– Вид города мне понравился – приятное местечко, где можно отдохнуть и подышать воздухом пустыни. Потом я решил посмотреть по карте, где это. И знаете что? Ни на одной карте не смог его отыскать.

– У нас даже поезд не останавливается.

– И сегодня не остановился, – подтвердил Кардифф. – Просто избавился от пары вещей – от меня и моего саквояжа.

– Путешествуете налегке.

– Так ведь мне только переночевать. А потом дождусь обратного поезда и запрыгну на ходу.

– Нет, – мягко возразила она, – так не должно быть.

– Мне надо вернуться домой и закончить повесть, – настаивал он.

– Ах да, – сказала она. – И что же вы напишете про этот город, которого никто не может найти?

Небо затянуло тучами, окна столовой потемнели, на лицо Кардиффа легла тень. У него на самом-то деле было два ответа, но произнести вслух он мог только один.

– Что городок очень милый, – промямлил он. – Что в наше время таких не бывает. Что люди должны это помнить и радоваться, что он есть. Но как вы узнали, что я приеду?

– Проснулась на рассвете, – отвечала она, – издалека слышала шум поезда. Ближе к полудню поезд был уже за горой: до меня долетел паровозный гудок.

– И вы ожидали человека по имени Кардифф?

– Кардифф? – удивилась она. – Был такой великан, давным-давно^[4]...

– Это газеты раздули историю. Обман.

– Значит, вы, – спросила она, – тоже обманщик?

Он не смог выдержать ее взгляда.

Глава 9

Когда он поднял глаза, стул, на котором сидела Неф, оказался пуст. Все постояльцы тоже разошлись из-за стола – вернулись к своим креслам-качалкам или, возможно, отправились вздремнуть.

– Как же так? – пробормотал он. – Эта женщина так молода – сколько ей лет? Она так стара – сколько же ей лет?

Внезапно до его локтя дотронулся Элиас Калпеппер:

– Не хочешь поехать на экскурсию по городу? Клод сейчас начинает вторую доставку свежего хлеба. Поднимайся!

Хлебная повозка приняла благоухающий груз. Десятка три-четыре хлебцев – с пылу с жару, в воцеленных обертках с именами заказчиков – лежали аккуратными штабелями в пахнущем печкой кузове. А рядом высились коробки с кексами и тортами, заботливо перевязанные бечевкой.

Несколько раз втянув носом этот запах, Кардифф почувствовал себя так, будто объелся.

Калпеппер вручил ему небольшой сверток и нож.

– Это зачем? – удивился Кардифф.

– Не проедешь и квартала, как хлеб тебя соблазнит. Держи ножик для масла. А это целый хлебец. Обратнo не привози.

– Я себе аппетит испорчу перед ужином.

– Нет. Только нагуляешь. Лето снаружи. Лето внутри.

Кардифф получил в руки список имен с адресами.

– На всякий случай, – сказал Калпеппер.

– Посылаете меня одного? Откуда я знаю, куда ехать?

– Не беспокойся. Клод найдет дорогу. Еще ни разу не сбился. Верно я говорю, Клод?

Конь обернулся – не удивленный, не мрачный, просто готовый к работе.

– Вожжи сильно не натягивай. У Клода своя система. Ты с ним не спорь. По крайней мере, город посмотришь без моей трескотни. Залезай!

Кардифф запрыгнул на облучок. Клод сделал шаг; повозка дернулась.

– Ничего не понимаю. – Кардифф повертел в руках список, просматривая имена и адреса. – Где же первая остановка?

– Пошел!

Хлебная повозка двинулась вперед, распространяя пьянящий дух

дрожжей и зерна.

Клод припустил рысцой, словно ему не терпелось себя показать.

Глава 10

Все так же, рысцой, Клод миновал два квартала и уверенно свернул направо.

Его взгляд указывал на почтовый ящик у парадного входа: «Аберкромби».

Кардифф сверился со списком:

Аберкромби!

Ну и ну!

Он выпрыгнул из повозки с караваем в руке; в этот миг женский голос прокричал:

– Спасибо, Клод!

У калитки особа лет сорока ожидала доставки хлеба.

– И вам спасибо, мистер?..

– Кардифф, мэм.

– Клод, – позвала она, – не обижай мистера Кардиффа. А вы, мистер Кардифф, не обижайте Клода. Удачи вам!

И повозка, подпрыгивая на брусчатке, затарахтела дальше под переплетением ветвей, кружевом занавесивших солнце.

– Следующий – Филлмор, – объявил Кардифф, заглянув в список, и уже готов был натянуть вожжи, когда конь сам остановился у калитки.

Кардифф сунул хлебец в почтовый ящик Филлмора и бросился вдогонку за Клодом, который продолжил путь, не дожидаясь кучера.

Дальше все пошло без сучка без задоринки. Брэмбл. Джонс. Уильямс. Айзексон. Мередит. Хлеб. Торт. Хлеб. Кексы. Хлеб. Торт. Хлеб.

Клод свернул за последний угол.

На пути оказалась школа.

– Тпру, Клод!

Кардифф сошел с подножки и заглянул на школьный двор, где обнаружил положенную на бревно доску, некогда выкрашенную синей краской, и растрескавшиеся от старости деревянные качели на ржавых цепях.

– Вот, значит, как, – прошептал Кардифф. Школа оказалась двухэтажной. Входные двери были закрыты, а все восемь окон облепила пыльная короста.

Кардифф подергал дверь. Заперто.

– Сейчас ведь только май, – сказал он себе. – Каникулы еще не

начались.

Досадливо заржав, конь начал удаляться от школы – не иначе как в пику Кардиффу.

– Клод! – грозно окликнул Кардифф. – Тпру!

Коняга остановился и стал бить передними копытами по мостовой.

Кардифф опять повернулся к зданию школы. На балке над центральным входом было вырезано: «Гимназия. Основана 1 января 1888 года».

– Тысяча восемьсот восемьдесят восьмой, – пробормотал Кардифф. – Подумать только.

Напоследок обведя взглядом запыленные окна и ржавые цепи, он приказал:

– Еще один круг, Клод.

Клод не двигался.

– В чем дело – у нас больше нет хлеба и новых адресов? Ты только доставляешь заказы из пекарни, а на большее не способен?

Даже тень Клода не шелохнулась.

– Ну, тогда будем стоять, пока ты не уступишь. Именитый гость желает пересечь этот треклятый городишко из конца в конец. Ну и чего ты ждешь? Кто упирается, тому ни воды, ни овса.

Вода и овес подействовали.

Конь побежал бодрой рысью.

Они пронеслись с ветерком по Кlover-авеню, потом вдоль Гибискус-уэй аж до Роузвуд-плейс, свернули направо по Джун-глейд, налево по Сэндалвуд, а оттуда выехали на Лог – бульвар, получивший свое название от неглубокого лога, размытого дождями в незапамятные времена. Кардифф оглядывал лужайку за лужайкой: сочная, изумрудная, безупречно подстриженная трава. Ни одной бейсбольной биты. Ни одного бейсбольного мяча. Ни одного баскетбольного кольца. Ни одного баскетбольного мяча. Ни одной теннисной ракетки. Ни одного крокетного молоточка. На тротуарах ни следа расчерченных мелом «классиков». Ни одной шины, подвешенной на дереве.

Клод привез его обратно к «Гербу египетских песков», где уже поджидал Элиас Калпеппер.

Кардифф соскочил с подножки.

– Ну как?

Оглянувшись на летнее ожерелье зеленых лужаек, живых изгородей и золотистых подсолнухов, Кардифф спросил:

– А где же дети?

Глава 11

Мистер Калпеппер ответил не сразу.

Потому что сначала их ждал полдник: тарталетки с абрикосами и персиками, земляничное суфле, кофе вместо чая и портвейн вместо кофе; потом ужин – настоящее пиршество, которое затянулось далеко за девять вечера, а там уже постояльцы «Герба египетских песков» стали один за другим отправляться к себе, ища спасения от вечерней духоты в желанной прохладе постелей; Кардифф тем временем расположился на лужайке, где не было разбросано ни цветных обручей, ни молоточков для игры в крокет, и сверлил взглядом мистера Калпеппера, который сидел на открытой веранде и неторопливо курил трубку за трубкой.

В конце концов Кардифф не выдержал: вразвалочку подошел к перилам крыльца и всем своим видом изобразил нетерпение.

– Ты спросил, почему здесь не видно детей? – заговорил Элиас Калпеппер.

Кардифф кивнул.

– Дотошный газетчик не стал бы так долго ждать ответа на столь серьезный вопрос.

– А времечко и сейчас тикает, – беззлобно заметил Кардифф, поднимаясь по ступенькам.

– Это точно. Угощайся.

На перилах стояли две маленькие рюмки и бутылка вина.

Кардифф залпом осушил свою порцию и устроился рядом с Элиасом Калпеппером.

Тот выпустил дым.

– Всех ребятишек, – сказал он, тщательно взвешивая каждое слово, – мы отправили учиться.

Кардифф в недоумении уставился на него:

– Всех разом? Со всего города?

– Можно и так сказать. Отсюда до Финикса сто миль езды. До Тусона – это в другую сторону – двести. Дорога – сплошные пески да сухостой. А детям нужна школа в зелени. Зелени, впрочем, и у нас хватает, только учителей не найти – не хотят здесь работать. Раньше приезжали, да от скуки долго не выдерживали. Коли учителя к нам не едут, приходится детей отправлять за тридевять земель.

– А если я наведаюсь к вам в конце июня, то увижу, как дети

возвращаются домой на каникулы?

Калпеппер застыл и сделался похожим на Клода.

– Я спросил...

– Я понял. – Калпеппер выбивал трубку, из которой сыпались искры. – Если отвечу «да», ты согласишься?

Кардифф отрицательно покачал головой.

– По-твоему, я намеренно уклоняюсь от ответа?

– По-моему, – ответил Кардифф, – каждый из нас тянет резину. Мне интересно, какой у вас будет рекорд.

Калпеппер усмехнулся.

– Дети не приедут на каникулы. Они уже выбрали для себя летние школы и разъедутся кто куда – в Амхерст, в Провиденс, в Сэг-Харбор. А один мальчуган – даже в Мистик-Сипорт^[5]. Неплохо звучит, а? *Мистик*. Когда-то застрял я там в грозу и читал «Моби Дика», перескакивая через главы.

– Дети не приедут на каникулы, – повторил за ним Кардифф. – Можно, я угадаю, по какой причине?

Старик кивнул и пожевал незажженную трубку.

Кардифф достал свой блокнот и сверился с записями.

– Местные ребята, – выговорил он наконец, – вообще не вернутся домой. Никто. Ни один. Никогда.

Захлопнув блокнот, он продолжил:

– Дети не вернутся по той простой причине, – он проглотил застрявший в горле ком, – что их здесь нет. В давние времена что-то произошло. Бог его знает, что это было, но что-то произошло. Семейных встреч тут не бывает. Самые юные – кто не покинул здешние места – давно успели повзрослеть. Вы – один из них.

– Это вопрос?

– Нет, – сказал Кардифф. – Это ответ.

Калпеппер откинулся на спинку кресла и закрыл глаза.

– Ты – самый дотошный, – изрек он, не замечая, что трубка давно остыла, – из самых первоклассных газетчиков.

– А еще... – начал Кардифф.

Глава 12

– Достаточно, – перебил Калпеппер. – На сегодня.

Он снова наполнил рюмку искристо-янтарным вином. Кардифф выпил. Услышав мягкий щелчок входной двери, он поднял глаза. Кто-то проскользнул наверх. Вокруг ничего не изменилось.

Кардифф подлил себе вина.

– Никогда не вернутся домой. Никогда, – прошептал он.

И отправился спать.

Приятных снов, пожелал кто-то в глубине дома. Но Кардиффу не спалось. Он лежал не раздеваясь и решал философские задачи на потолке: стирал, исправлял, опять стирал и наконец не выдержал: резко спустил ноги и стал всматриваться в город-луг, где среди тысяч цветов поднимались, тонули и снова поднимались дома – парусники на волнах лета.

Сейчас встану и пойду, решил Кардифф, только не на поляну, где жужжат пчелы. А совсем в другое место, где витает земное молчание и дрожит пыльца на крыльях ночной бабочки, что зовется «мертвая голова».

Он босиком прокрался по ступеням в холл, вышел за порог и беззвучно задвинул дверь-ширму, а потом сел на траву и обулся при свете поднимающейся луны.

«Вот и славно, – подумал он, – даже фонарик не понадобится».

На середине улицы он обернулся. Кто-то, глядя ему вслед, маячил тенью у входной двери – или показалось? Он двинулся дальше, а потом перешел на бег.

«Держись той же дороги, что и Клод, – тяжело дыша, мысленно говорил он себе. – Здесь за угол, теперь сюда, еще раз направо – вот и оно...»

Кладбище.

При виде холодного мрамора у него защемило сердце и перехватило дыхание. Захоронения даже не были обнесены железной оградой.

Бесшумно ступив на дорожку, он приблизился к первому могильному камню. Пальцы тронули надпись:

БЬЯНКА ШЕРМАН БЕЙТС

И дату:

3 ИЮЛЯ 1882

А еще ниже:

ПОКОЙСЯ С МИРОМ

Даты смерти не было.

Луну затащило облаками. Он перешел к следующему надгробью:

УИЛЬЯМ ГЕНРИ КЛЭЙ

1885–

МИР ПРАХУ ТВОЕМУ

И опять без скорбной даты.

Коснувшись третьего надгробия, он прочел:

ГЕНРИЕТТА ПАРКС

13 АВГУСТА 1881 УШЛА НА НЕБЕСА

Но Кардифф уже знал наверняка, что она еще не ушла на небеса.

Луна помрачнела, однако собралась с силами. Она высветила небольшой склеп в античном стиле, шагах в двадцати: образчик изысканности, миниатюрный акрополь, поддерживаемый четырьмя жрицами-весталками, а может, богинями – прекрасными девами, чарующей красоты женщинами. У него бешено застучало сердце. Все четыре мраморные фигуры, словно разбуженные бледным светом, вдруг ожили и, нагие, приготовились разбрестись в разные стороны среди камней с именами и недописанными годами.

Он затаил дыхание. Сердце колотилось все сильнее.

Потому что у него на глазах одна из богинь, вечно прекрасных дев, задрожала от ночной прохлады и ступила на лунную дорожку.

Трудно сказать, что он испытал в этот миг: восторг или ужас. Как-никак этот ночной час застал его в мертвом царстве. Но она? В такую погоду она оставалась обнаженной, если не считать прикрывавшего грудь шелкового облачка, которое обвивалось вокруг бедер, когда она удалялась от бледных каменных подруг.

Проплыв меж надгробий, молчаливая, как мрамор, еще совсем недавно служивший ей плотью, она остановилась прямо перед ним: ее темные

волосы слегка растрепались над изящными ушками, а фиалковые глаза были широко распахнуты. Она приветливо подняла ладонь и улыбнулась.

– Ты, – задохнулся он. – Почему ты здесь?

Она тихо сказала:

– А где же мне быть?

Протянув ему руку, она молча повела его прочь от могил.

Не останавливаясь, он оглянулся на заброшенную мозаику имен и таинственных дат.

«Все родились – и никто не умер, – думал он. – На каждом камне – пустое место, куда будет вписан тот день, когда чей-нибудь призыв отправится на встречу с Вечностью».

– Да, – раздался голос. Но она не разомкнула губ.

«Ты пришла за мной для того, – молча говорил он, – чтобы я не читал эти надписи и не задавал лишних вопросов. А что прикажешь думать о детях, которые не вернутся домой?»

Скользя, как по льду, по безбрежному морю лунного света, они миновали стайку подсолнухов, не обернувшись на их легкие шаги, прошли по дорожке, поднялись на крыльцо, пересекли веранду, а там вверх – второй, третий, четвертый этаж – и оказались в мансарде, где дверь стояла нараспашку, а за ней сугробом белела постель с откинутым покрывалом, островок снежной прохлады среди душной летней ночи.

– Да, – еще раз промолвила она.

В комнату он вошел как лунатик. Поглядев через плечо, заметил на паркетном полу свою одежду, словно разбросанную неряшливым мальчишкой. Застыл у льняного сугроба и подумал: «Еще один, последний вопрос. Кладбище. Лежат ли под надгробьями мертвецы? Покоятся ли в могилах усопшие?»

Но было уже слишком поздно. Не успел он и рта раскрыть, как рухнул в сугроб.

И начал, захлебываясь белизной и заходясь криком, погружаться в пучину, но вскоре налетел спасительный шторм, который принес тепло; были какие-то прикосновения и сближения, но он не видел, кто или что привлекает его к себе; он больше не сопротивлялся и уходил в глубину.

Пробудившись, он понял, что уже не может шевельнуть ни рукой ни ногой, а просто отдается на волю волн. И все потому, что он прыгнул со скалы, а вместе с ним кто-то другой, невидимый, и, чтобы выплыть, пришлось грести что есть мочи, пока не ударила молния, которая расколола его на полустрах-полувосторг и бросила на это ложе обнаженность тела и души.

Он проснулся еще раз: шторм утих, падение прекратилось, в его ладони замерла чья-то тонкая рука, и он, даже не открывая глаз, понял, что рядом лежит *она* и ее дыхание неотличимо от его собственного. За окном еще не рассвело.

Она заговорила:

– Ты что-то хотел спросить?

– Не сейчас, – шепнул он. – Потом спрошу.

– Да, – тихо сказала она. – Потом.

И тут – кажется, впервые за все время – она приникла к его губам.

Глава 13

Проснулся он в лучах солнца, бивших сквозь высокое чердачное окно. На языке вертелись вопросы.

В постели рядом с ним было пусто. Ушла.

«Бойтся?» – мелькнуло у него в голове.

«Вряд ли, – ответил он самому себе. – Наверняка оставила записку на дверце холодильника. – Почему-то он был в этом уверен. – Надо поглядеть».

Записка оказалась именно там.

Мистер Кардифф!

Сегодня большой наплыв приезжих. Я должна их встретить.

Все вопросы – за завтраком.

Неф

Не донеслись ли до его слуха приглушенные жалобы паровозного гудка, едва различимый ропот локомотива?

Выйдя на крыльцо, Кардифф прислушался, и вновь над горизонтом поплыл слабый паровозный крик.

Он поднял глаза к верхнему этажу. Неужели она побежала на этот крик? А постояльцы тоже его слышали?

Дойдя до железнодорожной станции, он остановился прямо посередине, между рельсами, заклиная паровозный гудок протрубить еще раз. На этот раз – тишина.

«Для всего есть отдельные поезда – но для чего конкретно?» – задумался он.

«Я успел первым», – похвалил он себя за расторопность.

А дальше что?

Он ждал, но воздух был тих, а горизонт безмятежен; пришлось возвращаться в «Герб египетских песков».

Из всех окон в тревоге выглядывали постояльцы.

– Все в порядке, – объявил он. – Ничего страшного не произошло.

С верхнего этажа чей-то голос негромко спросил:

– Это точно?

Глава 14

Неф не пришла ни к завтраку, ни к обеду, ни к ужину.
Он лег спать на пустой желудок.

Глава 15

Когда пробило полночь, в окно влетел легкий ветер и пошептался с занавесками, наказав им не пускать в комнату лунный свет.

За дальней окраиной города лежало кладбище, которое скалилось гигантскими белыми зубами, торчавшими среди свежей, залитой лунным серебром травы.

Четыре десятка мертвенных – но не мертвых – камней.

Все – обман, твердил он.

А ноги уже несли его вниз по лестнице, сквозь мерное дыхание спящих.

В тишине освещенной луной кухни из ледника падали в поддон капли талой воды. Цветные стекла слухового окошка над входной дверью окрашивали пол лимонно-желтым и сиреневым.

Наедине с собственной тенью вышел он на пыльную дорогу.

Добрел до кладбищенских ворот. И вот он уже посреди кладбища, а в руках невесть откуда взялась лопата. Он копал до тех пор...

...пока лезвие, вонзившееся в пыльный грунт, не ударилось с глухим стуком о твердую поверхность.

Тогда он быстро раскидал землю и нагнулся, чтобы взяться за край гроба, как вдруг до его слуха донесся шорох.

Всего один шаг.

Да! – радостно пронеслось у него в голове.

Она снова здесь. Разыскала меня, чтобы отвести домой. Ей пришлось...

Его сердце застучало как молот, потом утихомирилось.

Кардифф медленно выпрямился на краю могилы.

У железных ворот стоял Элиас Калпеппер, так и не сумевший подобрать нужных слов, чтобы окликнуть Кардиффа, который орудовал лопатой там, где копать не дозволено.

Лопата выскользнула у Кардиффа из рук.

– Мистер Калпеппер?

Элиас Калпеппер отозвался:

– Давай, давай, не останавливайся. Поднимай крышку. Что же ты? – И, видя, что Кардифф пришел в замешательство, поторопил: – Ну!

Наклонившись, Кардифф потянул кверху крышку гроба. Ее не прибили гвоздями и не заперли на замок. Откинув крышку, Кардифф

заглянул внутрь.

Элиас Калпеппер подошел и остановился рядом.

Они оба смотрели... В пустой гроб.

– Подозреваю, – сказал Элиас Калпеппер, – что тебе сейчас будет не вредно опрокинуть рюмочку.

– Две, – сказал Кардифф. – Не меньше.

Глава 16

Среди ночи они курили добрые сигары и потягивали безымянное вино. Откинувшись на спинку плетеного кресла, Кардифф прикрыл глаза.

– Заметил какие-нибудь странности? – осведомился Элиас Калпеппер.

– Чертову дюжину. Когда Клод взял меня на развозку хлеба и сдобы, мне бросилось в глаза отсутствие лечебных учреждений – нигде ни одной вывески. И похоронных контор нет.

– Ну, где-то должны быть, – протянул Калпеппер.

– В телефонном справочнике не числятся ни терапевт, ни хирург, ни похоронный агент.

– Наше упущение.

Кардифф сверился со своими заметками.

– Господи, это прямо город-призрак: даже больницы нет!

– Есть, но маленькая.

Кардифф подчеркнул каждый пункт своего списка.

– Амбулатория на десяти квадратных метрах? Разве этого достаточно? Неужели здесь никто не страдает тяжелыми недугами?

– Я бы, – сказал Калпеппер, – примерно так и выразился.

– Ничего серьезнее порезанного пальца, укуса пчелы и растяжения лодыжки?

– Описание довольно скупое, – отметил старший из двоих, – но по сути верное. Продолжим.

– И этим, – сказал Кардифф, оглядывая город с высокой веранды, – именно этим объясняется, что надгробные надписи неполны, а гробы так и стоят пустыми!

– Ты раскопал один-единственный гроб.

– А что толку проверять остальные? Правильно я мыслю?

Калпеппер молча кивнул.

– С ума сойти, Калпеппер! – вырвалось у Кардиффа. – У меня нет слов!

– По правде говоря, – сказал Калпеппер, – у меня тоже. Раньше никто не задавал таких вопросов. Мы жили себе и жили; могло ли нам прийти в голову, что какой-то приезжий поплюет на руки, возьмет заступ и начнет копать!

– Виноват.

Наверное, тебе не терпится услышать подлинные факты. Что ж,

расскажу. А ты записывай, мистер Кардифф, записывай. Все путешественники, которые за долгие годы побывали в наших краях, быстро впадали в тоску и спешили унести ноги. Мы старались, чтобы наш городок выглядел как любой другой. Даже устраивали фальшивые похороны, с катафалком, с живыми цветами, с оркестром, но гробы-то были пустыми – только для видимости. Вот и на завтра наметили бутафорское погребение, напоказ, чтобы ты поверил, будто и нас порой не минует смерть...

– Порой? – встрепнулся Кардифф.

– Пожалуй, и не припомню, когда в последний раз кто-нибудь из наших скончался. Бывает, кого-то машина собьет. Кто-то со стремянки навернется.

– А болезни – коклюш, пневмония?

– Да мы вроде не кашляем. Увядаем, правда... но медленно.

– Насколько медленно?

– Ну, по скромным прикидкам, примерно...

– *Насколько* медленно?

– Лет за сто, за двести.

– А точнее?

– Пожалуй, лет за двести. Еще время не пришло подводить черту. Мы ведем отсчет всего лишь года с тысяча восемьсот шестьдесят четвертого – шестьдесят пятого, по календарю Линкольна.

– Все местные жители?

– Все.

– И Неф тоже?

– Не стану обманывать.

– Да ведь она моложе меня!

– Почитай, в бабки тебе годится.

– Ужас какой!

– Такими нас сотворил Господь. Но на самом деле климат тоже играет свою роль. И еще – вино, разумеется.

Кардифф устался на свою пустую рюмку:

– Кто пьет это вино, тот живет до двухсот лет?

– Если не употребляет до завтрака. Да ты пей в охотку, мистер Кардифф, не стесняйся.

Глава 17

Элиас Калпеппер подался вперед, изучая записи в блокноте Кардиффа.

– Какие еще будут сомнения, вопросы или соображения?

Кардифф в задумчивости перечитывал свои заметки.

– В Саммертоне, по-моему, бизнес на нуле.

– Теплится кое-что по мелочи; но настоящих зубров нет.

– Бюро путешествий отсутствуют, железнодорожный перрон только один, да и тот грозит рассыпаться в прах. Главная дорога – сплошные колдобины. Никто никуда не ездит, да и сюда почти никто не заглядывает. Как вы умудряетесь держаться на плаву?

– Пораскинь мозгами. – Калпеппер пососал трубку.

– Да я пытаюсь, черт побери!

– Ты ведь слышал про полевые лилии. Мы не трудимся, не прядем^[6]. Как и ты. Тебя не тянет скитаться по свету, правда? Разве что в редких случаях, вот как теперь. В основном все путешествия совершаются у тебя меж двух ушей. Верно я говорю?

– Как же я не догадался! – вскричал Кардифф, хватая блокнот. – Отшельники. Анахореты. Затворники. Каких десятки и сотни. Вы – писатели!

– Верно мыслишь.

– Занимаетесь сочинительством!

– В каждой комнате и мансарде, на каждом чердаке, в подвале и чулане, по обеим сторонам дороги, от центральной площади до городских окраин.

– Все жители? Целый город?

– За исключением горстки неграмотных лентяев.

– В жизни о таком не слышал.

– Теперь услышал.

– Зальцбург – город музыкантов, композиторов, дирижеров. Женеву населяют банкиры, часовых дел мастера, неудачливые горнолыжники. Нантакет – по крайней мере, в прежние времена – это флотилия, матросы, вдовы китобоев^[7]. Но здесь-то, здесь!

Вскочив с кресла, Кардифф, словно безумец, вперился во мрак ночного города.

– Не жди услышать треск пишущих машинок, – предупредил Калпеппер. – У нас тишина.

«Карандаш, авторучка, записная книжка, лист бумаги, – подумал Кардифф. – Шепоты грифеля и чернил. Неслышные, как лето, мысли в неслышный, как лето, полдень».

– Писатели, – пробормотал Кардифф себе под нос, – без нужды не скитаются по свету. А рукопись не выдаст, какого ты роду-племени, какого пола, какого роста. Хоть лилипут, хоть великан. Писатели! Черт меня раздери!

– Не чертыхайся.

Кардифф обернулся к своему собеседнику:

– Уж не хотите ли сказать, что все они печатаются?

– Большинство.

– Назовите какие-нибудь имена – может, я знаю?

– Ты не знаешь, а я не скажу.

– Заповедник талантов, – выдохнул Кардифф. – Но что их всех сюда привело?

– Гены, хромосомы, склонности. Разве тебе не известно о литературских поселках? Вот и у нас такой, только размерами побольше. Мы – единомышленники. Родственные души. Никто никого не зажимает. Кстати, алкоголиков у нас не встретишь, попоек и оргий не бывает.

– Иначе говоря, Скотту Фитцджеральду сюда путь заказан?

– Близо не подпустим.

– С тоски повеситься можно.

– Только если лишиться карандаша и бумаги.

– А вы тоже пишете?

– В меру своих скромных возможностей.

– Поэт, не иначе!

– Зачем так громко? Еще услышат.

– Вы – поэт, – повторил Кардифф шепотом.

– Мой конек – хайку. В полночь нацепляю очки, берусь за перо.

Правда, слоги не укладываются в размер.

– Ну-ка, ну-ка?

Калпеппер продекламировал:

Милый кот, любимец мой.

Канарейка, ненаглядная моя,

Почему ты у кота в зубах?

Кардифф оценивающе присвистнул:

- Как бы я ни старался – мне такого не сочинить!
- А ты не старайся. Просто сочиняй.
- Обалдеть! Еще что-нибудь!

Подушка – снег под теплой щекой.
Руки мои ласкают метель;
Ты ушла.

- Калпеппер умолк и, пряча смущение, взялся набивать трубку.
- Второе я редко вслух читаю. Слишком грустно.
- Чтобы только заполнить паузу, Кардифф спросил:
- А как здешние писатели поддерживают связь с миром?
- Взгляд Калпеппера устремился вдаль – туда, где безмолвная дорога подходила к бесполезным рельсам.
- Раз в месяц я сам складываю в грузовичок рукописи и везу в Джайла-Спрингс, так что почта уходит из того места, где нас нет; а назад привожу кипы чеков и гору отказов. Гонорары поступают в наш единственный банк, где служат кассир и управляющий. Деньги хранятся на черный день – на случай, если придется нам сниматься с места.
- Кардиффа отчего-то бросило в жар.
- Надумал что-то сказать, мистер Кардифф?
 - Не сейчас.
 - Я не тороплю.
- Раскурив трубку, Калпеппер прочел:

Мать поминает сына.
Далеко ли успел он уйти,
Зоркий мой ловец стрекоз?

- Это не мое. К сожалению. Японское. Вечное.
- Зашагав из одного конца веранды в другой, Кардифф обернулся:
- Надо же, все сходится. Писательское ремесло – единственное, на чем может держаться такой уединенный городок. У вас тут налажена служба почтовой доставки.
- Писательское ремесло и само по себе – как служба почтовой доставки. Выписываешь чек, заказываешь, чего душа просит; и вот уже фирма «Джонсон Смит» из города Расин, штат Висконсин, шлет тебе

посылку. Окуляры заднего вида. Гироскопы. Карнавальные маски. Лоскутные куклы. Эпизоды из фильма «Собор Парижской Богоматери». Колоды карт для фокусов. Ходячие скелеты.

– Полезнейшие вещи, – улыбнулся Кардифф.

– Полезнейшие вещи.

Оба негромко посмеялись. Кардифф выдохнул:

– Значит, это писательская колония.

– Решил остаться?

– Нет, решил уехать.

Осекшись, Кардифф зажал рот ладонью, будто сболтнул лишнего.

– Это еще что за явление? – Элиас Калпеппер чуть не выпрыгнул из кресла.

Кардифф и ахнуть не успел, как возникшая на лужайке перед верандой бледная фигурка взлетела по ступеням крыльца.

У него вырвалось ее имя.

С порога дочь Элиаса Калпеппера произнесла:

– Когда будешь готов, поднимайся наверх.

– «Когда буду готов? – растерялся Кардифф. – Когда буду готов!»

Дверь-ширма скользнула на место.

– Возьми, тебе не повредит, – сказал Элиас Калпеппер.

И, в последний раз наполнив рюмку, передал ее Кардиффу из рук в руки.

Глава 18

И опять в теплую летнюю ночь широкое ложе превратилось в снежный сугроб.

Она неподвижно лежала на краю и смотрела в потолок. Он сидел на другом краю, не произнося ни слова, а потом откинулся на спину, опустил голову на подушку и решил выждать.

В конце концов Неф заговорила:

– Тебя, как я посмотрю, тянет на городское кладбище. Что ты там ищешь?

Для начала изучив голый потолок, он ответил:

– А тебя, как я посмотрю, тянет на станцию, где и поезда-то, считай, не ходят. Что ты там ищешь?

Она даже не повернулась, но ответила:

– Похоже, мы оба что-то ищем, но не хотим или не можем признаться.

– Да, похоже на то.

И снова молчание. Наконец она покосилась в его сторону:

– Кто первый?

– Давай ты.

Она тихонько рассмеялась:

– Моя правда – длиннее и удивительнее твоей.

Посмеявшись вместе с нею, он покачал головой:

– Зато моя ужаснее.

Она встрепенулась, и он почувствовал, как ее бросило в дрожь.

– Ты меня пугаешь.

– Я не хотел. Но что есть, то есть. И если я тебе все выложу, ты, боюсь, от меня сбежишь и больше я тебя не увижу.

– Никогда? – прошептала Неф.

– Никогда.

– Если так, – сказала Неф, – расскажи, что сможешь, только не пугай меня.

Но в этот миг из далекого ночного мира донесся одинокий крик паровоза – поезд шел в их сторону.

– Слышал? Это за тобой?

Над горизонтом пролетел второй гудок.

– Нет, – ответил он, – наверное, это тот поезд вне расписания. Господи, только бы он не принес дурные вести.

Она медленно села на краю кровати и прикрыла глаза.

– Схожу узнаю.

– Не ходи, – сказал он. – Не надо. Я сам.

– Но сначала... – шепнула она. И мягко увлекла его на свою сторону кровати.

Глава 19

Среди ночи он вдруг почувствовал, что снова остался один.

Проснулся он на рассвете, в смятении думая: «Опоздал. Поезд уже прибыл и ушел. Но нет...»

Когда солнце поднялось над песками, до него сквозь расстояние донесся скорбный крик паровозного гудка, будто возвещавший о похоронной процессии.

Еще ему было слышно – или почудилось? – как из поезда, промчавшегося без остановки, выбросили саквояж – точь-в-точь как его собственный, – который с глухим стуком упал на перрон.

А еще ему было слышно – или почудилось? – как кто-то приземлился трехсотфунтовой кувалдой на дощатый настил.

И тут до Кардиффа дошло. Голова его упала на подушку, словно отрубленная.

– О господи! За что такое наказание, господи!

Глава 20

Они стояли на перроне пустого вокзала. Кардифф в одном конце, здоровяк-приезжий – в другом.

– Джеймс Эдвард Маккой? – осведомился Кардифф.

– Кардифф! – воскликнул Маккой. – Ты ли это?

Оба натужно улыбнулись.

– Какими судьбами? – спросил Кардифф.

– Можно подумать, ты не догадывался, что я буду наступать тебе на пятки, – ответил Джеймс Эдвард Маккой. – После твоего отъезда прошел слух, будто ты поехал кого-то хоронить. Тут и я мигом подхватился.

– Зачем?

– Давай начистоту. Я давно понял: у нас с тобой разные цели. Да еще у тебя расплывчатые, а у меня четкие. Терпеть не могу лицемеров.

– Ты хочешь сказать, «оптимистов»?

– Не зря все-таки я тебя на дух не переносу. Мир – это сточная яма, в которой мы барахтаемся, пытаюсь прибиться к берегу. Господи прости, да где он, этот берег? Никогда к нему не прибиться, потому что берега нет! Мы – крысы, тонущие в нечистотах, а тебе все маяки грезятся. Для тебя «Титаник» – это речной пароходик Марка Твена. Для тебя Свенгали^[8], Раскольников и Гитлер – это тройка марионеток. Жаль мне тебя. Вот я и приехал, чтобы открыть тебе истину.

– С каких это пор тебя влечет истина?

– Истина, практичность и здравый смысл. Не играй в азартные игры, не бросай нищим раскаленные монеты, не сталкивай хозяйку в лестничный проем. Светлое будущее? Черт побери, будущее уже наступило, и оно омерзительно. Итак, какой у тебя интерес в этом захолустье? – Маккой брезгливо обвел глазами безлюдную станцию.

Кардифф сказал:

– Уезжай-ка ты следующим поездом.

– Сперва я должен тебя обойти: у меня на это ровно сутки.

Прищурившись, Маккой оглядел частокол еще не раскрывшихся подсолнухов вдоль дороги в город.

– Показывай, где тут остановиться. Я за тобой – по трупам пойду.

Подхватив саквояж, Маккой без промедления устремился вперед; Кардиффу даже пришлось слегка пробежаться, чтобы его догнать.

– Редактор мне сказал открытым текстом: привезешь забойный

материал – получишь тысячу баксов; раскопаешь сенсацию – не пожалею и трех тысяч. – На ходу Маккой разглядывал непослушные предрассветному дуновению, застывшие кресла-качалки на открытых верандах и высокие окна без проблесков света. – Городишко-то, похоже, на три куска потянет.

Поспевая за ним, Кардифф твердил про себя: «Не дышать. Не высовываться». Город его услышал.

В садах не дрогнул ни один листок. Не упало ни одно яблоко. Под кустами лежали собачьи тени, а собак не было. Трава прижалась к земле, словно шерсть к спине рассерженной кошки. Кругом царило безмолвие.

Довольный от сознания, что с его приездом городок замер, Маккой остановился на перекрестке под густыми кронами деревьев. Осмотрев эти зеленые своды, он задумчиво протянул «так-так», а потом выудил из кармана рубашки химический карандаш, лизнул грифель и стал делать записи в блокноте, проговаривая по слогам:

– Заброшенный город. Мертворожденный, Небраска. Воспоминания, Огайо. Оживленное движение на запад с тысяча восемьсот восьмидесятого по тысяча восемьсот девяностый. Сообщение прекращено в тысяча девятьсотом. Связи нет.

У Кардиффа свело челюсти.

Маккой бросил на него испытующий взгляд.

– Денежки, считай, у меня в кармане, верно? По твоей mine вижу. Ты приехал хоронить Цезаря, а я – ворошить кости. Тебя позвал сюда внутренний голос, а меня – карьерный зуд. Тебе тут в кайф, ты наверняка будешь помалкивать, когда вернешься домой. А мне тут не в кайф. Прошедшее время.

Сунув карандаш за ухо и спрятав блокнот в карман брюк, Маккой снова взялся за ручку саквояжа. Будто подгоняемый звуками собственного голоса, он широко шагал по улицам Саммертона, разглагольствуя на ходу:

– Нет, ты только посмотри – какой идиот это проектировал: безвкусица, на крышах дранка в пейзажном стиле, какие-то мещанские финтифлюшки – помесь рококо с барокко. С карнизов свисают резные сосульки – придумают же такое. Не позавидую тем, кто застрянет здесь на всю жизнь, даже на две недели отпуска! Эй, а тут что? – Он резко остановился и поднял голову.

Вывеска над крыльцом гласила: «Герб египетских песков». Сдаются комнаты».

Маккой покосился на Кардиффа; тот напрягся.

– Вот, значит, где ты окопался. Поглядим.

Не успел Кардифф опомниться, как Маккой уже взбежал на крыльцо и

рванул в сторону скользящую дверь.

Кардифф придержал створку, чтобы не было грохота, и вошел следом. Тишина. Похороны закончились. Усопший лег в землю.

Ни одна пылинка не шелохнулась в гостиной – если там вообще можно было найти пылинку. Причудливые лампы не горели, цветочные вазы стояли пустыми. Услышав, что Маккой хозяйничает в кухне, Кардифф поспешил туда.

Маккой уже сунул свой нос в ледник. Льда внутри не оказалось, равно как и сливок, молока и масла; внизу даже не было поддона, из которого собака ночью могла бы напиться талой воды. В кладовке тоже не обнаружилось ни спелых бананов с леопардовыми пятнышками, ни цейлонских или индийских специй. Словно беззвучный поток ветра ворвался в дом и сдул все мало-мальски ценные припасы.

Черкнув что-то в блокноте, Маккой пробормотал:

– Доказательства налицо.

– Доказательства?

– Все попрятались. И съестное заныкали. А стоит мне отсюда убраться – мигом газончики подстригут и ледник набьют жратвой. Как они только пронюхали о моем приезде? Ладно.

«ВестернЮнион» в этой глуши и не ночевал, так ведь? – В коридоре Маккой высмотрел телефонный аппарат, снял трубку и приложил к уху. – Сигнала нет. – Через входную дверь-ширму он выглянул на улицу. – И почтальона не видно. Я здесь как в изоляторе, черт побери.

Маккой выскочил на крыльцо и уселся на перила, которые жалобно закрипели, грозя рухнуть. Ответ Кардиффа он прочел по глазам.

– Благодетель хренов, – бросил Маккой. – Суетишься, дергаешься, спасаешь людишек, которые этого недостойны. Чем же это захоlustье подкупило Армию спасения имени Кардиффа? К гадалке не ходи – зияет в этой истории брешь. Злодея не хватает.

Кардифф затаил дыхание. Маккой вытащил блокнот и сосредоточенно пролистал записи.

– Сдается мне, злодея вычислить нетрудно, – пробормотал он. – Департамент...

Он поиграл у Кардиффа на нервах.

– ...дорожного строительства?

Кардифф сделал выдох.

– В точку, – шепнул Маккой. – Уже вижу заголовки: «Бесстрашный журналист защищает город-рай». Ниже – мелким шрифтом: «Ведомственная комиссия постановила: крушить и ломать». А через

неделю – «Саммертон: в иске отказано». И подзаголовок: «Бесстрашный журналист захлебнулся джином». Он захлопнул блокнот.

– Всего-то час пошастали, а накопили уже немало, скажи?

– Немало, – сказал Кардифф.

Глава 21

– Это будут самые горячие новости, – предвкушал Джеймс Эдвард Маккой. – За моей подписью выйдет серия репортажей о том, как в штате Аризона городишко Саммертон напоролся на скалы и пошел ко дну. Наводнение в Джонстауне просто отдыхает. Землетрясение в Сан-Франциско уже никто не вспомнит. Возьму за жабры правительство, которое сломало жизнь ни в чем не повинным людям и сровняло с землей их сады. Для затравки – «Нью-Йорк таймс», потом лондонские, парижские, московские и даже канадские газеты. Обыватель сам не свой до чужих бед: вот и пусть читает, как политиканы, одержимые жаждой наживы, снесли целый город. Раструблию об этом по всему миру.

– И это все, что ты способен здесь узреть?

– На зрение не жалуюсь!

– Да ты оглядись, – сказал Кардифф. – Вокруг ни души. Нет людей – нет и сенсации. Кому какое дело, если снесут дома, где никто не живет? Твои «горячие новости» продержатся от силы один день. Ни договор на книгу, ни телесериал, ни права на экранизацию тебе не светят. Этот город все равно не будет расти. Как и твой банковский счет.

Маккой перевернуло.

– Сукин ты сын, – пробормотал он. – Куда, к дьяволу, все подевались?

– Тут никого и не было.

– Это сейчас их след простыл, но дома-то покрашены, газоны подстрижены? Как пить дать людишки сюда навевываются. А ты с ними заодно – просто дуришь мне башку. Сам-то, вижу, разнюхал, что к чему.

– До недавнего времени ничего не знал.

– Так чего темнишь? Небось решил в одиночку окутить этот заштатный город-призрак, чтобы сделать себе имя?

Кардифф кивнул.

– Дубина! Ну и прозябай в нищете. Без тебя обойдусь. Счастливо оставаться!

Маккой опрометью ринулся с крыльца. Бросившись к соседнему дому, дернул на себя дверную ручку и присмотрелся, прежде чем ступить через порог. Через минуту он появился, в сердцах грохнул дверь и побежал к другому дому, сдвинул в сторону дверь-ширму, запрыгнул внутрь и тут же выскочил; его багровая физиономия стала мрачнее тучи. Так он обошел с полдюжину пустых домов, распахивая и захлопывая двери.

В конце концов Маккой вернулся на крыльцо «Герба египетских песков». Там он остановился, едва переводя дух, и крепко выругался. Ответом ему было молчание, и только птичка, пролетавшая над головой Джеймса Эдварда Маккоя, уронила ему на жилет свою визитную карточку.

Кардифф смотрел вдаль, на пустынные луга. Ему представилось, как из поезда вываливаются толпы горластых репортеров. Он явственно видел, как заработали на полную мощь печатные машины, намывая город на свои валики и постепенно стирая его с лица земли.

– Говори. – Маккой стал прямо перед ним. – Где жители?

– В том-то и загадка, – ответил Кардифф.

– Тогда я немедленно отправляю свой первый репортаж!

– Каким же образом, интересно знать? Здесь ни телеграфа, ни телефона.

– Тьфу ты! Как же они живут в такой дыре?

– Они – аэрофилы, как орхидеи: все необходимое получают из воздуха. Впрочем, погоди. Ты ведь кое-чего не видел. Не пори горячку, есть еще одно место, прямо сейчас тебя отведу.

Глава 22

Кардифф привел Маккоя в широкие владения застывших камней и недвижимых ангелов. Маккой стал разглядывать надгробья.

– Чертовщина какая-то. Сплошь имена – и ни одной даты. Кто когда умер?

– Они не умерли, – вполголоса ответил Кардифф.

– Скажешь тоже! Дай-ка поближе гляну.

Маккой сделал шесть шагов на запад, четыре на восток – и перед ним возникла...

Свежевырытая могила, в ней открытый гроб, а рядом лопата.

– Час от часу не легче! Кого сегодня хоронят?

– Это я раскопал, – сказал Кардифф. – Искал кое-что.

– Кое-что? – Носком сапога Маккой спихнул в могилу несколько комков земли. – Говорю же: темнишь. Какой у тебя тут интерес?

– Могу только сказать, что я, возможно, здесь останусь.

– Если останешься, у тебя язык не повернется выложить местным всю правду: что едут сюда бульдозеры и бетономешалки, похоронная команда на службе у прогресса. А если все же надумаешь отсюда сдернуть, то когда им скажешь? В последний момент?

Кардифф покачал головой.

– Что же, мне самому лечь костями за их добродетели? – спросил Маккой.

– Боже упаси.

Кардифф приблизился к разверстой могиле. Комья земли посыпались на дно гроба.

Маккой отшатнулся, с опаской покосившись на зияющую могилу и пустой гроб.

– Постой-ка. – Его лицо исказилось. – Не иначе как ты меня сюда заманил, чтобы я не добрался до телефона или, еще чище, сгинул в этой дыре? Да ты...

С этими словами Маккой резко развернулся и потерял равновесие.

– Осторожней! – вскричал Кардифф. Маккой свалился прямо в гроб и вытаращил глаза, потому что заметил, как сверху на него летит лопата, то ли ненароком задетая, то ли брошенная рукой убийцы. Лезвие угодило ему в лоб. От удара содрогнулась крышка гроба. И захлопнулась перед его изумленным и теперь уже бесцветным взором.

А от удара крышки гроба содрогнулась вся могила; комья земли градом посыпались на гроб.

Где-то высоко-высоко Кардифф, сам не свой, застыл от ужаса.

Отчего упал Маккой: от собственной неловкости или от толчка?

Из-под ботинок опять полетели сырые комья. Вроде бы из гроба донесся крик – или померещилось? Кардифф заметил, что его ноги сами собой сбрасывают землю с краев могилы. Когда крышки гроба уже не стало видно, он, застонав, попятился, уперся взглядом в приготовленное надгробье с неподходящим именем и подумал: «Придется заменить».

А потом развернулся и бросился прочь, спотыкаясь и не разбирая дороги, лишь бы убраться подальше от кладбища.

Глава 23

«Я совершил убийство», – думал Кардифф.

«Нет, нет. Маккой сам себя похоронил. Оступился, упал и захлопнул крышку».

Кардифф, можно сказать, пятился до середины улицы, не отводя глаз от кладбища, будто страшился, что Маккой того и гляди поднимется – воскреснет, как Лазарь.

Добравшись до «Герба египетских песков», он заковылял к порогу и едва сообразил, где искать кухню.

В духовке запекалось что-то вкусное. На подоконнике красовался горячий пирог с абрикосами. Из-под ледника слышалось негромкое чавканье: это собака лакала воду, спасаясь от летнего зноя. Кардифф попятился. «Аки краб, – подумал он, – всю дорогу задом наперед».

Сквозь застекленную дверь, которая вела на обширную лужайку за домом, он увидел десятка два цветных одеял, расстеленных в шахматном порядке, а еще приготовленные вилки, ножи, расставленные тарелки, хрустальные кувшины с лимонадом и вином – хоть сейчас начинай пикник. Где-то вблизи зацокали конские копыта.

Кардифф вернулся на крыльцо – посмотреть, что делается на улице. Там стоял Клод, деликатный и необыкновенно умный конь, запряженный в пустую хлебную повозку.

Клод поднял голову и уставился в его сторону.

– Хлеба-то не привез? – обратился к нему Кардифф.

Клод молча смотрел на него влажными карими глазами.

– Уж не по мою ли душу? – едва слышно прошептал Кардифф.

Он сошел с крыльца и забрался в повозку. Так и есть.

Клод тронулся с места и повез его по городу.

Глава 24

Путь лежал мимо кладбища.

«Я совершил убийство», – подумал Кардифф.

И в смятении выкрикнул:

– Клод!

Клод так и замер, а Кардифф, спрыгнув с повозки, бросился в сторону могил.

Склонившись над гробом, он протянул руку и с ужасом приподнял крышку.

Маккой оказался на месте – не покойник, а просто спящий: сдался и прилег вздремнуть.

Переведя дух, Кардифф обратился к своему заклятому врагу, радуясь, что тот не умер.

– Лежи, как лежишь, – сказал он. – Тебе это еще неизвестно, но ты отправляешься домой. – Он бережно опустил крышку, вставив под нее прутик – для воздуха.

Потом он заспешил туда, где оставил Клода, который, почуяв, что промедление будет недолгим, уже тронулся с места, цокая копытами.

Вокруг не было ни души: во двориках пусто, на верандах никого.

«Куда же, – подумал Кардифф, – все запропастились?»

Ответ нашелся сам собой, стоило только Клоду остановиться.

А остановился он перед большим и весьма примечательным кирпичным зданием, которое охраняла пара лежащих египетских сфинксов – полульвов, полубогов – с поразительно знакомыми физиономиями.

На вывеске Кардифф прочел: «Мемориальная библиотека «Надежда»».

И ниже, мелкими буквами: «Питай надежду, всяк сюда входящий».

Взбежав по лестнице, он столкнулся с Элиасом Калпеппером, который стоял перед массивным двустворчатым порталом. Калпеппер, словно готовый к визиту молодого посетителя, кивком предложил ему присесть на ступеньку.

– Мы уж заждались, – сказал он.

– Мы? – переспросил Кардифф.

– Горожане, большинство местных жителей, – пояснил Калпеппер. – Где ты пропадал?

– На кладбище, – признался Кардифф.

– Что ж так долго? Какие-то неприятности?
– Теперь уже никаких – вы только помогите мне отправить сообщение домой. Поезд скоро будет?
– Если сегодня и будет, то один-единственный, – ответил Элиас Калпеппер. – Да и тот вряд ли остановится. Обычно пролетает мимо, вот уж сколько...

- А можно его остановить?
- Разве что зажечь сигнальные огни.
- Мне нужно послать мелкий пакет.
- Попробую запалить факелы, – сказал Калпеппер. – А пакет-то куда?
- Домой, – повторил Кардифф. – В Чикаго.

Нацарапав на вырванном из карманного блокнота листке имя и адрес, он протянул бумажку Калпепперу.

– Будет сделано. – Поднимаясь со ступеньки, Калпеппер добавил: – Что ж, пора тебе зайти.

Кардифф повернулся к массивным библиотечным дверям и шагнул через порог.

Надпись над стойкой гласила: «*Carpe diem*^[9]. Лови день». А может, там было сказано: «Лови книгу. Найди судьбу. Отчекань метафору».

Обведя взглядом зал, он понял, что за двумя десятками столов сидит добрая половина горожан: они склонились над раскрытыми книгами и, как предписывала табличка, соблюдали тишину.

Словно привязанные к одной нитке, читатели дружно подняли головы, кивнули Кардиффу и вернулись к своему занятию.

За библиотечной стойкой дежурила молодая женщина неопишущей красоты.

– Боже, – прошептал он. – Неф!

Указав куда-то рукой, она сделала ему знак идти следом.

Можно было подумать, у нее с собой фонарь: от ее лица исходил свет, озарявший мрачноватые стеллажи. Стоило ей повернуть голову, как тьма расступалась и тиснение на корешках книг начинало поблескивать теплым золотом.

Первое книгохранилище называлось «Александрия-1».

Второе – «Александрия-2».

И последнее – «Александрия-3».

– Молчи, – выдавил он. – Я сам угадаю. Александрийская библиотека, пятьсот или тысяча лет до Рождества Христова, пережила три пожара, если не больше, и все рукописи погибли в огне.

– Верно, – отозвалась Неф. – В первом хранилище – те книги, что

погибли при первом пожаре, возникшем по неосторожности. Вот здесь, во втором хранилище, находятся все исчезнувшие произведения и утерянные тексты, погибшие в страшный год второго пожара, тоже случайного. А в третьем, последнем хранилище – все книги, сгоревшие при последнем пожаре, который устроила толпа в четыреста пятьдесят пятом году до нашей эры, вознамерившись уничтожить историю, искусство, поэзию, театр. В четыреста пятьдесят пятом году до нашей эры, – негромко повторила она.

– Уму непостижимо, – выговорил он. – Кто же спас эти ценности, кто переправил их сюда?

– Мы сами.

– Но каким образом?

– Мы – расхитители гробниц. – Неф провела пальцем вдоль стеллажей. – Во имя разума, во имя возвышения души – и неважно, как понимается душа. Этим словом мы лишь пытаемся обозначить тайну. Задолго до Шлимана, который раскопал не одну Трою, а двадцать, наши предки, считавшие, что находка рук не тянет, устроили у себя величайшую библиотеку всех времен, которая никогда не сгорит, будет жить вечно и дарить всякому, кто сюда вошел, счастье прикоснуться и смотреть, открывать для себя новые горизонты сущего. Это здание неподвластно огню. В разном обличье оно принадлежало и Моисею, и Цезарю, и Христу; оно будет ждать следующего «Аполлона», который, как огненная колесница, перенесет его на Луну.

– И все-таки, – упорствовал он, – те библиотеки были уничтожены. Выходит, здесь хранятся копии копий? Потери удалось восстановить, но как?

Неф тихонько рассмеялась.

– С большим трудом. Веками собирали по крупичкам: где-то книгу, тут поэму, там пьесу. Сводили воедино, как гигантскую мозаику, не пропуская ни одного квадратика.

Легко касаясь пальцами имен и заглавий, она двинулась дальше в мягких предзакатных лучах, проникавших сквозь высокие библиотечные окна.

– Помнишь историю, как жена Хемингуэя забыла в поезде рукопись его романа, которую так и не удалось найти?

– И что он предпринял – развод или убийство?

– Некоторое время они еще прожили в браке. Как бы то ни было, эта рукопись хранится здесь.

Кардифф посмотрел на потрепанную папку с наклейкой, отпечатанной

на пишущей машинке: «Предгорья Килиманджаро».

– Ты это читала?

– Нет, у нас никто не решается. Если эта книга под стать его величайшим произведениям, мы этого не переживем, потому что ей суждено остаться в забвении. Если же она не столь хороша – тем мучительнее для нас. Не иначе как Папа Хемингуэй сам решил, что лучше ей считаться утерянной. Он потом написал другую книгу, изменив заглавие на «Снега Килиманджаро».

– Откуда тебе знать, как он сам решил?

– На той же неделе, когда он хватился рукописи, мы дали объявление. «Папа» не сделал и такой малости. Отправили мы ему экземпляр по почте. Он даже не ответил, а год спустя опубликовал «Снега».

Она снова пошла дальше, пробегая пальцами по переплетам.

– Последнее стихотворение Эдгара Аллана По, отвергнутое. Последняя повесть Германа Мелвилла, так и не увидевшая свет.

– Откуда это взялось?

– В последние часы жизни каждого мы оказывались у их смертного ложа. Умиравшие, бывает, произносят что-то нечленораздельное. Кому знаком язык беспамятства, тот поймет эти странные, печальные истины. Мы, как ночные хранители, стояли рядом, ловили последнюю искру жизни и, обращаясь в слух, запоминали каждое слово. С какой целью? Раз уж мы – странники во времени, нам казалось разумным сохранять все, что можно, на пути к вечности, спасать то, что исчезнет навек, если останется незамеченным, и отдавать этому хотя бы маленький кусочек своей бесконечной кочевой жизни. Так мы охраняли Трою и ее развалины, просеивали египетские пески, чтобы найти камешки мудрости, которые надо держать под языком для чистоты речи; а кроме всего прочего, мы по-кошачьи вбирали в себя последнее дыхание смертных, улавливали, а потом и публиковали их шепоты. Коль скоро достался нам дар долгожительства, мы должны хотя бы наделить им безжизненные сущности: романы, стихи, пьесы – книги, которые оживают только под живым взором. Принял дар – отплати за него сторицей. Со времен Иисуса из Назарета и до завтрашнего полудня наше главное сокровище – эта библиотека и ее беззвучная речь. Каждый том – как Лазарь, понимаешь меня? Ты, читатель, открыв первую страницу, призываешь Лазаря к воскрешению. И он воскресает раз за разом, книга продолжает жить, мертвые слова оживают от теплого взгляда.

– Никогда не задумывался... – начал Кардифф.

– А ты задумайся, – улыбнулась она и продолжила: – Теперь пора на пикник – отмечать неизвестно что. Но не пойти нельзя.

Глава 25

Пикник был устроен на лужайке позади «Герба египетских песков».

– Тебе слово! – выкрикнул кто-то из собравшихся.

– Не знаю, с чего начать, – замялся Кардифф.

– С самого начала! – По лужайке прокатился негромкий смешок.

Набрав побольше воздуха, Кардифф решился.

– Очевидно, вы уже знаете, что Департамент дорожного строительства произвел замеры от Финикса к востоку и северу, а также от Гэллапа – к северу и западу. Новая автомагистраль пройдет по касательной к восьмьдесят девятой широте в восьмидесяти милях к западу от сороковой долготы.

На дальнем краю лужайки кто-то выронил сэндвич и закричал:

– Господи, да ведь это прямо здесь!

– Ни за что! – выкрикнул другой голос, и десяток других шепотом подхватил: – Ни за что!

– Это невозможно, – отрезал кто-то еще.

– Для власть имущих, – тихо сказал Кардифф, – возможно все.

– Нет у них такого права! – воскликнула одна из женщин.

– Право у них есть. В вашем штате вопросы дорожного строительства никогда не выносились на референдум. Люди с большой дороги – вдумайтесь в эти слова! – люди с большой дороги действуют на свой страх и риск.

– И ты специально приехал, чтобы нас предостеречь? – уточнил Элиас Калпеппер.

– Нет, – вспыхнул Кардифф.

– Значит, собирался умолчать?

– Просто хотел посмотреть ваш город. У меня не было определенных планов. Я думал, вам и так все известно.

– Ничего нам не известно, – бросил Элиас Калпеппер. – Боже правый. Ты с таким же успехом мог объявить: в этом городе ожидается извержение Везувия.

– Должен признаться, – сказал Кардифф, – что, увидев ваши лица, разделив с вами завтрак, обед и ужин, я понял, что не смогу утаить от вас правду.

– Повтори-ка с самого начала, – распорядился Калпеппер.

Кардифф нашел глазами Неф, и та еле заметно кивнула.

– Ведомственная комиссия...

Полыхнула молния. Твердь содрогнулась. На Землю упала комета.
Кошки попрыгали с крыш. Собаки, прикусив хвосты, подошли.

Зеленеющая сочной травой лужайка опустела.

«Господи, – молча вскричал Кардифф, – неужели это из-за меня?»

– Идиот, придурок, урод, безмозглый тупой болван! – забормотал он.

А открыв глаза, увидел стоящую на зеленом склоне Неф, которая обращалась к нему:

– Иди-ка сюда, в тень. А то заработаешь солнечный удар.

И он перебрался в тень.

Глава 26

«Бравый, – думал Кардифф, – подсолнухи – и те от меня отвернулись». Их физиономии были ему не видны, но он не сомневался, что они сурово нахмурились.

– Я пуст, – в конце концов произнес он. – Вывернул душу наизнанку. Теперь, Неф, твой черед.

– Ну что ж, – согласилась она и принялась вынимать из корзины сэндвичи, отрезать ломти хлеба и намазывать их маслом, чтобы накормить его, не прерывая рассказа. – В нашем городке весь народ пришлый, – начала она. – Перебирались сюда один за другим. Когда-то давным-давно селились мы и в Риме, и в Париже, и в Афинах, и в Далласе, и в Портленде, пока не прознали, что есть уголок в штате Аризона, где можно собраться всем вместе. Сперва назвали это место Обителью, но поняли, что звучит нелепо. Саммертон, по моему разумению, тоже нелепо, но как-то приросло. «Летний город» – тут тебе и цветы, и продолжение жизни. Мы-то выросли кто где: одни в Мадриде, другие в Дублине, третьи в Милуоки, а иные во Франции, в Италии. На первых порах, давным-давно, рождались у наших детишки, но чем дальше, тем реже. Вино и цветы тут ни при чем, равно как и природа, и семейные перипетии; правда, со стороны могло показаться, будто это у нас наследственное. Думаю, про таких, как мы, говорят «мутанты». Так по-научному называют все, что не поддается объяснению. Дарвинисты утверждали, что жизнь развивается прыжками, рывками и генетическими скачками, безо всяких переходов. Ни с того ни с сего в роду, где никто не дотягивал до восьмого десятка, люди стали доживать до девяноста, а то и до ста. Если не больше. Но вот ведь в чем странность: начали появляться среди нас молодые парни и девушки, которые с годами почти не старели, а потом и вовсе перестали меняться. Наши друзья-подруги болели, дряхлели, а мы, чудные, отставали. Для нас жизнь превратилась в нескончаемую прогулку по Америке и Европе. И мы, одиночки, сделали исключение из правила «расти-старей-умри». На первых порах и сами не замечали своего непостижимого долголетия, разве что отличались здоровьем и свежестью, а наши ровесники между тем сходили прямиком в могилу. Мы, иные, остановились посреди весны: лето маячило за углом, а осень даже не давала о себе знать – обреталась где-то у горизонта. Понимаешь, о чем я?

Увлеченный этим рассказом, Кардифф кивнул: размеренность и

складность ее речи почему-то заставляли верить каждому слову.

– Встречи наши были в основном случайными, – продолжила она. – Путешествовали на одном пароме или океанском лайнере, входили вместе в лифт, сталкивались в дверях, оказывались за одним столиком в кафе, ловили мимолетный взгляд на средневековой улочке, но в какой-то момент, затаив дыхание, спрашивали: откуда ты родом, чем занимаешься, сколько тебе лет – и читали в глазах друг у друга ложь... «Мне двадцать лет, мне двадцать два, мне тридцать», – говорили мы за чашкой чая или за бокалом вина в баре, но это было далеко от истины. Кто-то из наших застал правление королевы Виктории, кто-то появился на свет в год убийства Линкольна, кто-то видел, как Генрих Восьмой отправляет жену на плаху. Истина открывалась не сразу: тут крупница, там две – так и узнавали, что к чему. «Боже милостивый! – вырывалось у нас. – Да ведь мы во времени – что близнецы! Тебе девяносто пять, а мне, положим, сто десять». Вглядывались в чужое лицо, как в зеркало, и видели теплые апрельские ливни и солнечный май, а не октябрьскую морось, не сумрак ноября и не рождественский мрак без огоньков. Прямо слезы наворачивались. А после начинали вспоминать, как поколачивали нас в детстве за то, что не похожи мы на других, а в чем наша отличка – того никто не понимал. Друзья стали нас чураться: им исполнялось по пятьдесят-шестьдесят, а мы все цвели, как на выпускном балу. Но семейная жизнь у нас не ладилась, ряды сверстников таяли. Жили мы, словно в исполинском склепе, где отзывались эхом голоса школьных приятелей – и тех, кто превратился в горстку пепла, и тех, кто еще прозябал на этом свете, но передвигался на костылях, а то и в инвалидной коляске. Чутье подсказывало, что лучше нам не сидеть на одном месте, а переезжать из города в город, примерять на себя новую жизнь, пряча старую душу в юном теле, и плести небылицы о своем прошлом. Счастья это не приносило. Счастье пришло позже. Каким образом? Миновал век-другой, и прослышали мы про новый город. Говорили, будто основал его некий всадник, который сошел со своего коня посреди необъятной пустыни, выстроил на голом месте хижину и стал поджидать остальных. Он дал объявление в журнале: превозносил климат молодости, эпоху свежести, дух новизны. Разбросал по тексту многочисленные намеки, понятные только нам, чудикам из Освего и Пеории, одиночкам, которые устали провожать друзей в последний путь и не могли больше слышать, как стучат комья земли о крышку гроба. Они ощупывали свои руки и ноги, послушные, как в школьные годы, и задумывались о собственной неприкаянности. Читали и перечитывали это странное объявление, сулившее рай в новой, пока безымянной местности.

Небольшой, но растущий город. Заявки принимаются от лиц в возрасте двадцати одного года. Оно самое, верно? Сплошные намеки! Ни слова впрямую. А между тем на одиночек из самых разных мест, от Дедфолла в штате Дакота до Уинтершейда, что в Англии, напал какой-то зуд: они начали паковать чемоданы. Хотя и не ближний свет, думали они, но дело, похоже, того стоит. В захолустье, у объездной дороги появилась почта – отделение «Пониэкспресс», а потом и шаткий дощатый перрон, на который выходили приезжие, смотрели друг на друга – и видели вчерашний восход, а не завтрашнюю полночь. Их приводило сюда не только сродство, но и кое-что поважнее. Их приводила сюда одна жуткая и бесспорная истина: время показало, что они не могли рассчитывать на продолжение рода.

– Неужели дошло до этого? – прошептал Кардифф.

– Да, этому суждено было случиться. Мы жили дольше остальных, но платили за это дорогой ценой. Без детей мы сами себе становились детьми. Год за годом прибывали сюда новые поселенцы – кто поездом, кто верхом, а кто и на своих двоих проделывал этот долгий путь в один конец, не оглядываясь назад. К тысяча девятисотому году в Саммертоне уже колосились поля, плодоносили сады, красовались беседки, бурлила жизнь – вести о нашем поселении разлетелись по миру, но до нас никаких вестей не долетало. Ну, почти никаких – у нас ни радио, ни телевидения, ни газет. Правда, Калпеппер издавал – и по сей день издает – местный листок, «Калпеппер Саммертон ньюс», только новостей там с гулькин нос: никто у нас не рождался и почти никто не умирал. Бывало, скатится кто кубарем с чердака или свалится со стремянки, но ссадины заживали, как на собаке. Даже в аварию никто не попадал – машины-то нам без надобности. Но скуки мы не знали: возделывали землю, ходили в гости, творили, мечтали. И романы крутили, не без этого. Потомства у нас не было, но страсти кипели нешуточные. Вот такое образцовое население стянулось со всех концов света: как идеально подогнанная разрезная картинка без острых углов. У каждого была работа, многие сочиняли и печатали в дальних краях стихи и повести, все больше про чудо-города, а читатели думали: надо же, как у автора воображение разыгралось; но мы-то этим жили.

О том и речь вели. Вот оно все, здесь. Идеальная погода, идеальный городок, идеальная жизнь. Долгая жизнь. Кое-кто из наших пожимал руку Линкольну, провожал в последний путь Гранта, а теперь...

– Что теперь? – поторопил Кардифф.

– Теперь явился ты, чтобы все это уничтожить, – как послание Страшного суда.

– Сам-то я – не послание, Неф. Я всего лишь приношу послания, это

правда.

– Понятное дело, – вполголоса произнесла Неф. – Но я мечтаю об одном: чтобы ты сейчас уехал, а потом вернулся с добрыми вестями.

– Если, с Божьей помощью, все образуется, буду только рад, Неф.

– Уезжай, – сказала она. – Прошу тебя. Отыщи добрые вести и привези сюда.

Но он не нашел в себе сил подняться с вечнозеленой травы вечного лета и даже не стал сдерживать слезы.

– А теперь... – начала Неф.

Глава 27

– Что теперь? – поторопил Кардифф.

– Я должна доказать, что не собираюсь убивать гонца, принесшего дурные вести. Пойдем-ка.

И она повела его через лужайку, где после пикника, словно после шторма, валялись разметанные, скомканные одеяла, на которых вольготно чувствовали себя многочисленные собаки и полчища муравьев; три-четыре кошки сидели поодаль и выжидали, когда уберутся недруги. Неф проложила себе дорогу, отперла парадную дверь «Герба египетских песков», и Кардифф, красный от смущения, пригнул голову и торопливо шагнул через порог, но она его опередила и взлетела до середины лестницы, когда он только лишь поставил ногу на нижнюю ступеньку, и вот они уже оказались у нее в мансарде, и он, оглядевшись, заметил, что широкая кровать не застелена, окна распахнуты настежь, а занавески треплет ветер; городские часы как раз пробили четыре пополудни; тут Неф взмахнула руками, и необъятная мягкая простыня летним облаком взмыла над ложем; поймав другой край, он вместе с нею бережно опустил белое полотнище прямо на обращенный кверху лик ее кровати. Потом их заворожило дыхание дня, которое то втягивало в себя, то раздувало над кроватью кружевные занавески, похожие на несбыточный снегопад; на каждом прикроватном столике поблескивал стакан лимонада, и, поймав его вопрошающий взгляд, она со смехом покачала головой. Только лимонад и ничего больше.

– Другое ни к чему, – сказала она, – ты захмелеешь от меня.

Его падение на кровать было бесконечным. Вечность спустя Неф упала следом. Утопая в белоснежных простынях, он разом увидел всю свою жизнь, словно память подстегнули хлыстом.

– Скажи, – услышал он приглушенный слезами голос.

– О Неф, Неф, – выговорил он, – я люблю тебя!

Глава 28

Ему снился сон. Будто едет он по железной дороге направлением на восток, но вдруг оказывается в Чикаго и – вот ведь удивительно – прямо перед Институтом искусств; поднимается по лестнице и, пройдя коридорами, останавливается у огромного полотна «Воскресная прогулка в парке»^[10].

Перед картиной уже стоит какая-то девушка; она оборачивается – и он узнает в ней свою невесту.

У него на глазах она начинает взрослеть, стареть, а сама говорит ему:

– Как ты изменился.

А он ей:

– Что ты, ничуть я не изменился.

– Прямо не узнать. Ты пришел проститься.

– Нет, всего лишь решил тебя повидать.

– Это ложь, ты пришел проститься.

Он не сводит с нее глаз: она вконец одряхла, а он, как ребенок, стоит перед знакомым полотном и не знает, что сказать.

И вдруг она исчезает.

Тогда он выходит из музея и на лестнице встречает человек семь-восемь своих приятелей.

Старая у него на глазах, они твердят то же самое:

– Ты пришел проститься.

– Да что вы, – повторяет он, – ничего подобного.

С этими словами он, молодой парнишка, разворачивается, бежит обратно по ступеням – и среди старых картин сам превращается в старика.

Тут он проснулся.

Глава 29

Он долго сидел и слушал, как в трубе завывает ветер, а по крыше барабанит дождь.

Старый дом со скрипом опустился в глубокий ночной мрак, а потом сдвинулся с места и уплыл далеко-далеко от земли и света.

На стенах крысы учились письменам, а пауки перебирали струны арфы, но уловить такие высокие ноты могли разве что подрагивающие волоски у него в ушах.

«Одно потеряешь, другое найдешь, – размышлял он. – Что-то покинешь, к чему-то придешь».

«Что же выбрать?» – крутилось в уме.

«Думай, – подхлестывал он. – Что выбрать? И ради чего?»

В голове – ни просвета. Ни отзвука.

Только шепот:

Спать.

И он заснул, выключив свет позади своего взора.

Его сны прервал паровозный гудок.

Скользя в ночи, поезд петлял на поворотах, мчался стрелой по озаренным луной перегонам, вздымал пыль, высекал искры и будоражил эхо, а он дремал, запрокинув голову, и вдруг к нему сами собой пришли знакомые слова:

Губы сулят бесконечность,
Руки сулят тепло.
Единственной ночи вечность –
И старости время ушло.

Пей бесконечности брагу,
Вечность губами лови,
Найдешь и мечту, и отвагу,
И тысячу ликов любви.

Он даже вскрикнул во сне. Нет! А после: «О боже, да!» И последние строчки скрепили его сон:

Где-то играет оркестр,
И трубы его слышны
Подсолнухам и матросам
На службе чужой луны.

Потом наступило пробуждение. Губы выдохнули:

Где-то играет оркестр.
Кто слышит, тот вечно юн.
И в танце кружится с ветром
Июнь... И опять... июнь.

До прибытия поезда оставалось совсем немного. На пути высились лишь какие-то взгорки. С первыми лучами солнца он понял, что передумал.

Рассвет за окном полыхнул кроваво-красным, город залился прощальным румянцем, а погода сделалась такой прихотливой, что и через тысячу дней не забудешь.

Он пошел бриться, увидел в зеркале над раковиной свое лицо, и глаза наполнились неизбывной тоской.

На завтрак подали гору блинчиков, но он к ним не притронулся.

Неф, сидя напротив, заметила то, что сам он видел только в зеркале, и отстранилась.

– Все раздумываешь? – спросила она.

Он сделал глубокий вдох. Даже в это мгновение ему было невдомек, какие слова слетят у него с губ.

– Оставайся, – сказала она, не дав ему ответить.

– Я бы с радостью, но не могу.

– Оставайся.

Тут она подалась вперед и взяла его за руку.

И веяло от ее пальцев теплом, а от его пальцев – холодом. Она, словно божество, склонилась над могилой и протянула туда руку, чтобы его вызволить.

– Пожалуйста.

– Сколько можно! – вскричал он. – Оставь меня в покое, Богом прошу! – Его сотрясали невидимые взгляду рыдания. – Как ты не понимаешь? Ну не создан я для того, чтобы презреть старость.

– Откуда тебе знать?

– Да это всякий знает. Мой удел – прожить лет до семидесяти и умереть. Потому что тяга кончится. Огонь жизни, доброе пламя всегда рвется вверх, в печную трубу. А грехи, обиды и прочая грязь оседают в дымоходе, как сажа. От копоти дымоход забивается. На меня налипло слишком много сажи. Как можно прочистить свою душу?

– Ершиком, – сказала она. – Доверься мне, я прочищу и отскоблю этот дымоход, чтобы ты снова научился смеяться. Я знаю, как это сделать, ты положишься на меня.

– Этого не будет.

– Понятно, – негромко сказала она. – Ты, как я погляжу, просто трусил. Господи, у меня даже глаза щиплет. Но плакать нельзя. Прощай.

– Я еще не ухожу.

– Зато я ухожу. Не хочу смотреть тебе вслед. Ты возвращайся когда-нибудь.

– А сама считаешь, что я не вернусь?

Она кивнула, не размыкая век.

– Прости, – сказал он. – Трудно решиться. Не знаю, готов ли я жить до ста с лишним. Не поручусь, что другой бы на моем месте запрыгал от радости или хотя бы ответил согласием. Все дело в том, – продолжал он, – что уж очень мне будет... одиноко. Идти по жизни без тех, кто был рядом. Видеть, как последний из твоих друзей сходит в могилу.

– У тебя появятся новые друзья.

– Старый друг лучше новых двух. Друзей не меняют.

– Это верно. Друзей не меняют.

Она покосилась на дверь.

– Если ты все же решишь вернуться и нас разыскать, долго не тани.

– Иначе ничего не выйдет? Понимаю. До старости откладывать нельзя.

Когда нужно принять решение: лет до... пятидесяти?

– Ты просто возвращайся – и все, – сказала она.

И ее место вдруг опустело.

Глава 30

У перрона, прямо на рельсах, лежали подсолнухи. Кто-то его опередил: может, Элиас Калпеппер, может, кто другой – поди знай.

На этот раз поезд сделал остановку; в вагоне, покупая билет, он заговорил с проводником:

– Узнаете меня?

Тот пристально изучил его черты, нахмурился, взгляделся еще раз и сказал:

– Что-то не припоминаю.

Поезд запыхтел и тронулся, оставляя позади город Саммертон, штат Аризона.

Глава 31

Полетев через ровные кукурузные поля, за горизонт, вдоль водной глади, поезд достиг большого, шумного города на озерном берегу.

Глава 32

Поезд, прибывший направлением с востока, не задумывался о пространстве и времени: он только сбавил ход, чтобы проследовать без остановки эту местность, примечательную лишь пыльными ветрами, колючками, ворохами прошлогодней листвы да накрошенной билетным компостером россыпью конфетти, которая приветственно взмыла в воздух и плавно опустилась на землю.

Между тем по обветшалому перрону запрыгал, как серфингист на песчаной волне, знакомый саквояж, а следом – в акробатическом прыжке, с торжествующим криком – приземлился, хотя и качнувшись, но не переломав ноги, его владелец в измятом летнем костюме.

– Ай да я!

Он подхватил обшарпанный саквояж, вытер лоб, оглядел безлюдную местность и задержал взгляд на стойке для писем, торчавшей в конце платформы. В стальном зажиме белело единственное послание, и он поспешил в ту сторону, чтобы высвободить конверт из почтовых тисков. На конверте стояло его собственное имя. Тогда он повернул голову в одну сторону, в другую, пристально взгляделся в тридцать тысяч акров, продуваемых пыльными ветрами, – и не обнаружил ни одной дороги, которая вела бы в это богом забытое место или куда-нибудь прочь.

– Вот так раз, – пробормотал он. – С возвращением. Выходит...

Распечатав конверт, он начал читать:

Здравствуй, Джеймс.

Выходит, ты снова здесь. Чему быть, того не миновать!

Но со времени твоего отъезда многое изменилось.

Ненадолго прервавшись, он еще раз обвел глазами унылую аризонскую пустыню, где некогда стоял городок Саммертон.

Потом вернулся к письму.

Когда ты это прочтешь, нас уже здесь не будет. Останется только песок, а на нем следы, да и те скоро заровняет ветром. Мы не стали дожидаться прибытия дорожной бригады и техники. Просто снялись с места и растворились. Доводилось ли тебе слышать, что вокруг

маленьких калифорнийских городков прежде цвели сады? По мере того как из этих городков вырастали мегаполисы, апельсиновые рощи таинственным образом исчезали. А вот поди ж ты: в наши дни, если глянуть из окна машины в сторону гор, станет видно, что сады эти – ветром, что ли, их принесло – каким-то чудом переместились к предгорьям, зазеленели, разрослись вдали от бензиновых табунов.

Вот и мы так же, милый Джеймс. Мы – что эти сады. На протяжении многих лет наш слух по ночам улавливал приближение огромного удава – страшной, бесконечной асфальтовой змеи, которая почти беззвучно – не так, как бранятся и кричат соседи, не так, как рычат грузовик и трактор, а так, как шуршат рептилии, – с жутким вкрадчивым шипеньем приминала травы и бороздила пески; одна, никем не взнузданная и не погоняемая, она сама себе указывала путь и устремлялась к теплу живого тела, к человеческому очагу. Так вот: притягиваемая нашим теплом, она, как любая рептилия, грозила лишить нас покоя и согнать с насиженных мест. Нас давно посетило такое видение, задолго до того, как ты приехал с дурными вестями. Поэтому не терзайся. Чему быть – того не миновать, это лишь дело времени.

Много лет назад, милый Джеймс, стали мы готовиться к смерти нашего городка и к исходу горожан. Запасли сотни гигантских деревянных колес, невероятное количество бревен, железные скобы. Колеса, как и бревна, годами рассыхались под солнцем, сложенные на окраине.

А потом грянул трубный глас, нарушив твоими устами пир во время чумы; ты видел, как бледнели наши лица при каждом откровении. В середине твоей речи мне подумалось, что ты вот-вот отступишь, сломаешься и обратишься в бегство, преисполнившись нашей тревогой. Но ты остался. Договорил до конца. Мне казалось, ты упадешь замертво и не увидишь нашей гибели.

Ты поднял голову, а нас уже и след простыл.

Мы знали: у тебя в душе разлад, и поэтому я дала тебе единственное лекарство, которое знала, – свою заботу и слова утешения. А когда ты, не дожидаясь остановки, вскочил в тамбур дневного поезда и умчался прочь, мы поглядели на сложенные возле города жезлезяки, деревянные колеса,

припасенные для помостов бревна – и воображение нарисовало, как наши дома, амбары и сады перекочевывают в неведомую даль, чтобы никто уже и не заподозрил, что в этом месте некогда текла жизнь, которая больше не вернется.

Не правда ли, тебе ведь приходилось видеть одинокое бегство: дом, водруженный, словно игрушечный, на деревянный помост, плывет вслед за тягачом по городским улицам на отведенный для него пустырь, а на прежнем месте остается одна пыль? Умножь эту картинку на сто – и увидишь настоящий караван: это целый город с плодовыми деревьями в арьергарде ретируется к подножьям гор.

Такое вполне возможно. Однако к любому походу нужно готовиться: разрабатывать планы, завершать начатое, строить тысячи кораблей, выпускать десятки тысяч танков и пушек, сотнями тысяч делать ружья и отливать пули, штамповать миллионы касок, шить десятки миллионов кителей и шинелей. Как все это было нелегко и как пригодились, когда грянула война, обратившая нас в бегство. Сегодня наша задача куда проще: снять с места город, поставить его на колеса и возродить заново.

Со временем наши скитания обернулись не похоронным маршем, а триумфальным шествием. Нас подгоняло громоыханье воображаемого грома и угрожающее шипенье этой новой магистрали, выползающей из-за восточных отрогов. По ночам мы слышали, как она тянется что есть сил в нашу сторону, чтобы не дать нам уйти.

Короче говоря, поставщики бетона, которые, собственно, и вращают землю, нас не настигли. В последний день нашего исхода здесь остался – вот как раз где ты сейчас стоишь – только ветхий перрон в окружении апельсиновых и лимонных деревьев. Этим предстояло уйти последними: дивной колонной тонко благоухающих крон, по четыре в ряд пересечь пустыню, чтобы подарить тень нашему – отныне тайному – городу.

Оцени сам, как у нас это получилось, милый Джеймс. Снявшись с места, мы не оставили за собой ни камешка, ни булыжника, ни съестных припасов, ни могильных плит. Перевезли все, все, все.

Вот дотянут сюда шоссе – и что найдут? Да и был ли когда-нибудь в штате Аризона такой городок Саммертон –

здание суда, ратуша, пригородный парк, опустевшая школа?
Нет, ничего похожего здесь не было. Глядите: одна пыль.

Оставляю это письмо на вокзальной почтовой стойке;
надеюсь, ты его получишь, если часом занесет тебя в эти края.
Что-то мне подсказывает: ты вернешься. Сейчас поставлю
подпись, запечатаю конверт и словно передам его тебе из рук в
руки.

Когда дочитаешь до конца, дорогой мой друг и
возлюбленный, развеи эти строчки по ветру.

Внизу стояла ее подпись: Неф.

Он разорвал листок на четыре части, потом еще и еще раз – и
подбросил конфетти в воздух.

«Ладно, – подумал он, – теперь-то куда?»

Прищурившись, он вгляделся в пустынную даль, где тянулась низкая
гряда наполовину зеленеющих гор. Воображение дорисовало сады.

«Вот туда», – решил он.

Сделав первый шаг, он обернулся.

Как старый облезлый пес, в привокзальной пыли лежал саквояж.

«Нет, – подумал он, – ты из другого времени».

Саквояж выжидал.

– Лежать, – скомандовал он.

Саквояж остался лежать.

А сам он зашагал дальше.

Глава 33

Когда день уже стал клониться к закату, он дошел до первых апельсиновых деревьев.

Когда над городом сгустились сумерки, в палисадниках возникли знакомые стайки подсолнухов, а над крыльцом закачалась вывеска «Герб египетских песков».

С последними лучами солнца он прошагал наконец по гравию, взбежал по ступенькам и, постояв перед дверью-ширмой, нажал на кнопку звонка. Послышались негромкие трели. В холле, на лестнице, появилась тонкая тень.

– Неф, – тихо выговорил он, помолчав. – Неф, – сказал он. – Я вернулся домой.

Левиафан-99

Радиомечта

В тысяча девятьсот тридцать девятом году, когда мне было девятнадцать, я безоглядно увлекся радиоспектаклями Нормана Корвина^[11].

Позднее, когда мне уже стукнуло двадцать семь, мы с ним познакомились, и он вдохновил меня на создание марсианских историй, из которых потом выросли «Марсианские хроники».

Много лет я мечтал, чтобы Норман Корвин поставил радиоспектакль и по какому-нибудь из моих произведений.

Вернувшись из Ирландии, где в течение года шла работа над сценарием к фильму «Моби Дик» Джона Хьюстона, я не мог выбросить из головы Германа Мелвилла^[12] и его левиафана-кита^[13]. Вместе с тем я по-прежнему был околдован Шекспиром, который покорила меня еще в школе.

По приезду из Ирландии я стал подумывать о том, чтобы взять да и перенести мифологию Мелвилла в космическое пространство.

Незадолго до этого Эн-би-си подвигла нас с Норманом Корвином на совместную работу над часовым радиоспектаклем. Закончив первоначальный вариант сценария «Левиафан-99», где корабли стали космическими, место мореходов заняли одержимые капитаны этих космических кораблей, а гигантского белого кита заменила ослепительная белая комета, я передал текст Норману, который, в свою очередь, отослал его на Эн-би-си.

В то время радио постепенно сдавало позиции, отступая перед натиском телевидения, и от Эн-би-си пришел ответ следующего содержания: «Просим вас разбить сценарий на трехминутные эпизоды, чтобы постановку можно было транслировать по частям».

Совершенно убитые, мы с Норманом отозвали сценарий, и я послал его в Лондон, на Би-би-си, где и была осуществлена радиопостановка с Кристофером Ли^[14] в роли безумного капитана космического корабля «Сетус»^[15].

Радиоспектакль вышел просто великолепным, однако мечта о том, чтобы режиссером моего произведения стал именно Корвин, так и осталась мечтой. Под влиянием своей, если можно так выразиться, «шекспиромании» я осмелился расширить текст «Левиафана-99» вдвое, и весной 1972 года по нему был поставлен спектакль в одном из павильонов на студии Сэмюэла Голдвина. Но, к сожалению, те дополнительные сорок

страниц разрушили мой первоначальный замысел. Потерялась сама суть этой истории. Критики были единодушны в своих саркастических оценках.

В последующие годы «Левиафан-99» ставился то здесь, то там; я мало-помалу снимал, как стружку, ненужные страницы в надежде когда-нибудь привести материал к первоначальному одночасовому варианту, который лег в основу радиоспектакля.

Сегодня, тридцать лет спустя, эта повесть представляет собой мою заключительную попытку справиться с силами и вернуть к жизни то, что начиналось как радиомечта, надежда на Нормана Корвина. Заслуживает ли эта мечта того, чтобы явиться в нынешнем воплощении, – решать вам.

Посвящается Герману Мелвиллу, с восхищением

Глава 1

Зовите меня Измаил. [\[16\]](#)

Измаил? Это в две тысячи девяносто девятом году, когда поражающие воображение новые корабли, уже достигнув звезд, продолжают свой путь дальше? Разрушают звезды, вместо того чтобы благоговейно трепетать перед ними? И вдруг такое имя – Измаил?

Да.

Мои родители были среди первых смельчаков, отправившихся на Марс. Когда смелости поубавилось и появилась тоска по Земле, они вернулись домой. Меня зачали в том рейсе, и родился я в космосе.

Мой отец, досконально знавший Библию, вспомнил еще одного изгоя, который странствовал по мертвым морям задолго до Рождества Христова.

Никто бы не выбрал лучше, чем это сделал отец, имя для меня, в то время единственного ребенка, выношенного и рожденного в космосе. А он и вправду назвал меня... Измаилом.

Несколько лет назад решил я пересечь все моря ветров, что странствуют по этому свету. Всякий раз, когда в моей душе наступает слякотный ноябрь, это значит, что пришло время опять бросить вызов небесам.

Так что в субботу, в конце лета две тысячи девяносто девятого, среди птичьего гомона, ярких воздушных змеев и грозовых фронтов, я оторвался от земли, уносимый ввысь моим реактивным ранцем. В том неудержимом полете я устремился к мысу Кеннеди оперившимся птенцом в стае памятных мечтаний, которые лелеял старик да Винчи, придумывая свои древние летательные аппараты. Согреваемый пламенем огромных стальных птиц, я чувствовал, как хлынули в мою душу потоки бесконечной и нетерпеливой Вселенной.

Издалека я заметил сильное бурление: мыс Кеннеди раскалился от тысяч ракет, вырывающихся из огнедышащих пусковых установок. Когда пламя наконец утихло, в воздухе остался лишь простодушный шепот ветра.

Я быстро и мягко спустился в город, и меня подхватило течением движущегося тротуара.

Над головой проплывали арки и порталы зданий, а вокруг мелькали тени. Куда я направлялся? Уж точно не в холодные стальные казармы – приют усталых астронавтов, а в прекрасный, тщательно запрограммированный и оборудованный рай. Мне предстояло явиться в

Академию астронавтики для прохождения тренировочного курса перед великим путешествием за пределы звезд, но о своей миссии я до поры до времени ничего не знал.

В этом месте уживаются луговые просторы для игры ума, гимнастические снаряды для укрепления тела и богословская школа, своим учением неизменно зовущая ввысь. Да и то сказать, разве космос не похож на гигантский собор?

Пройдя сквозь зыбкие тени, я оказался в вестибюле академического общежития. Чтобы зарегистрироваться, я приложил ладонь к панели идентификации, которая считала мой потный отпечаток и, словно гадалка, мгновенно выбрала для меня соседа по каюте на предстоящий рейс.

Откуда-то сверху зажужжал зуммер, послышался гул, звякнул колокольчик, и женский голос – шипящий, механический – объявил:

– Измаил Ханникат Джонс; возраст – двадцать девять лет; рост – пять футов десять дюймов; глаза голубые; волосы каштановые; телосложение легкое. Просьба пройти в помещение девять, второй этаж. Сосед по комнате: Квелл.

Я повторил:

– Квелл.

– Квелл? – раздалось у меня за спиной. – Не завидую!

А другой голос добавил:

– Крепись, Джонс.

Обернувшись, я увидел троих астронавтов, постарше меня, не похожих друг на друга ни ростом, ни манерой держаться, – они запаслись спиртным и протягивали мне стакан.

– Держи, Измаил Джонс, – сказал долговязый, худой парень. – Когда идешь знакомиться с таким чудовищем, это не лишнее, – объяснил он. – Для храбрости.

– Но сначала вопрос, – заговорил второй астронавт, придержав меня за руку. – На каких рейсах летаешь – на «кисельных» или на дальних?

– Ну, правильнее будет сказать, на дальних, – ответил я. – В дальний космос.

– Расстояния в скромных милях или в реальных световых годах?

– Обычно в световых годах, – сказал я, поразмыслив.

– Ага, тогда имеете право выпить с нами.

Тут в разговор вступил до сих пор молчавший третий человек:

– Меня зовут Джон Рэдди. – Потом он кивнул в сторону долговязого. – Это Сэм Смолл. А это, – он указал на третьего, – Джим Даунс.

Недолго думая, мы выпили.

Потом Смолл заявил:

– Вот теперь с нашего разрешения и Божьего благословения можете разделить с нами космос. Полетите разгадывать тайну хвоста кометы?

– Думаю, да.

– А раньше кометы искали?

– Мое время пришло только сейчас.

– Хорошо сказано. Посмотрите-ка туда.

Трое новых знакомцев повернулись и закивали на огромный экран в другом конце холла. И, будто в ответ на наше внимание, экран запульсировал, ожил и показал гигантское изображение ослепительно белой кометы, затягивающей в свой хвост целые системы планет.

– Симпатичная разрушительница Вселенной, – прокомментировал Смолл. – Пожирательница Солнца.

– Разве комета на такое способна? – спросил я.

– Не только на это, но и на многое другое. В особенности – такая.

– Знаешь, если бы Господь задумал сойти сюда, Он бы явился в виде кометы. А вы, стало быть, собираетесь нырнуть в глотку этого священного ужаса и попрыгать у него в кишках?

– Вроде того, – ответил я нехотя. – Если иначе никак.

– Ну, тогда давайте выпьем за него, парни? За юного Измаила Ханниката Джонса.

Откуда-то издалека донеслось слабое электронное жужжание, ритмичное подрагивание. Я прислушался – звук усиливался с каждым импульсом, как будто приближаясь.

– Вот это, – сказал я. – Что это такое?

– Это? – переспросил Рэдли. – Звук, будто наказание саранчой?^[17]

Я кивнул.

– Саранча, бич природы? – подхватил Смолл. – Такое прозвание весьма подходит нашему капитану.

– Вашему капитану? – переспросил я. – А кто он такой?

– Оставим пока, Джонс, – отозвался Рэдли. – Ступай к себе – надо еще познакомиться с Квеллом. Да, Бог в помощь – познакомиться с Квеллом.

– Это выходец из дальних пределов Туманности Андромеды, – доверительно сообщил Даунс. – Высоченный, огромный, просто необъятных габаритов, и при этом...

– Паук, – встрял первый астронавт.

– Вот именно, – продолжил Даунс. – Гигантский, высоченный зеленый паук.

– Но вообще-то... – начал Смолл, слегка досадуя на приятелей, – он

безобидный. Ты с ним поладишь, Джонс.

– Точно? – спросил я.

Рэдди сказал:

– Вам пора. Мы еще встретимся. Идите познакомьтесь со своим соседом-пауком. Удачи.

Я залпом выпил все, что еще оставалось в стакане. Потом отвернулся, зажмурился и про себя фыркнул: «Удачи!» Как же, жди.

Нажав на кнопку около двери, мгновенно скользнувшей вбок, я прошел по тускло освещенному коридору до кубрика с номером «девять». Стоило мне коснуться панели идентификации, как дверь плавно ушла в сторону.

Нет, подожди, сказал я себе. В таком состоянии лучше не входить. Посмотри на себя. Господи, даже руки трясутся.

Так я и стоял, не двигаясь. В кубрике – сомнений не было – ждал мой сосед по комнате, я не сомневался. Выходец из далекой галактики, паук-исполин, если верить слухам. Черт возьми, подумал я, давай заходи.

Сделав три шага внутрь комнаты, я замер.

Потому что в дальнем углу разглядел огромную тень. Что-то там было, но непонятно где.

– Не может быть, – прошептал я себе. – Не может быть, что это...

– Паук, – подсказало нечто шепотом из другого конца отсека.

Гигантская тень дрогнула. Я попятился к порогу.

– А тем более, – шепот продолжился, – тень от паука? Конечно нет. Стоять!

Я замер, подчинившись приказу, и смотрел во все глаза: свет в комнате становился ярче, тень растворялась, а передо мной возникало нечто огромно-бесформенное, громада в семь футов ростом, весьма причудливого зеленоватого оттенка.

– Ну вот, – опять донесся шепот.

Я постарался придать своему голосу побольше уверенности:

– Можно кое-что сказать?

– Что угодно, – продолжался шепот.

– Как-то раз, – начал я, – довелось мне увидеть статую Давида работы Микеланджело. Как выяснилось, она гораздо больше человеческого роста. Обошел ее кругом.

– Ну?

– Мне кажется, габаритами ты не уступаешь этой знаменитой скульптуре.

Я приблизился и начал обходить неподвижную массу. Меня все еще

била дрожь.

Тень продолжала таять, и постепенно фигура стала обрисовываться более отчетливо.

– Квелл, – опять донесся шепот. – Так меня зовут. Я проделал долгий путь, без малого десять миллионов миль и пять световых лет. Если судить по твоим пропорциям, ваш творец еще не вполне проснулся и за этим миром присматривает разве что вполглаза. Вот у нас, можно сказать, бог вскочил на ноги с первым криком рождения мира, потому и наделил нас таким ростом.

Существо приосанилось и вытянулось еще больше.

Вглядевшись в его лицо, я выдавил:

– Ты... у тебя почти не заметно движения губ.

Исполин по имени Квелл отвечал:

– Но движение мыслей у нас с тобой почти одинаково. Вот признайся, Джек, – продолжил он, – руки-то чешутся убить великана?

– Как это... – запнулся я.

– У тебя в мыслях вижу бобовый стебель [\[18\]](#).

– Дьявольщина! – вырвалось у меня. – Ты прости, – продолжал я. – Никогда прежде не общался с телепатами.

– Не имей привычки взывать к нечистому, – сказал мой сосед по комнате. – Еще раз: меня зовут Квелл. А тебя?

– Сам знаешь, – ответил я. – Ты же читаешь мысли.

– Да это я так, из вежливости, – ответил Квелл. – Делаю вид, будто ни сном ни духом.

Чудище склонилось, и в мою сторону поползло щупальце. Я протянул руку, и мы дотронулись друг до друга.

– Измаил Ханникат Джонс, – представился я.

– Ну что ж, – отозвался Квелл, – это имя проделало долгий путь из вашей Библии в нынешний космический век.

– Напоминает путь, проделанный тобою, – заметил я.

– Как-никак пять световых лет. Целых пять лет я пролежал в глубокой заморозке – холодный, как смерть. Коротал времечко во сне. Так приятно снова бодрствовать. Считаешь, я жутковат?

– Конечно нет, – ответил я.

– Конечно да, – откликнулся Квелл и вроде бы хохотнул. – Мыслишка вылетела – я поймал. Тебе от этого как пить дать жутковато. И еще ты, наверное, думаешь, что у меня слишком много глаз и ушей, а пальцев и того больше, кожа болотная – это уж точно жутковато. А я вот смотрю на тебя и вижу: каких-то два глаза, пара крохотных ушей, всего лишь две руки

и на каждой пять хлипких пальчиков. Так что каждый из нас, если приглядеться, по-своему смешон. И оба в конечном счете... простые смертные.

– Да, – согласился я, увидев в его словах истину. – Это точно: простые смертные.

Квелла, видимо, пробило на юмор, и он продолжил:

– А теперь выбирай, Исмаил: либо я перемелю твои кости на муку, либо будем дружить.

Я вздрогнул и приготовился к бегству, но, поймав себя на этом, рассмеялся и сказал:

– Сдается мне, лучше нам дружить.

И Квелл повторил:

– Дружить.

* * *

Выйдя из отсека, мы отправились на разведку – посмотреть, что творится на нижних этажах этой огромной академии.

На фоне диодных огоньков выделялись силуэты философствующих роботов; когда мы проходили мимо, они сидели и беседовали на древних языках.

– Платон, – узнал я. – Аристотель. – И обратился к ним: – Посмотрите на нас. Что вы видите?

И робот Платон сказал так:

– Двоих ужасных и великолепных, уродливых и прекрасных детей природы.

– А что есть *природа*? – спросил Квелл.

Ему ответил Сократ, фонтанирующий искрами:

– Любование бога диковинными чудесами живой плоти.

И тут Аристотель, странный маленький робот из пластика, заключил:

– Следовательно, живая плоть этих двоих не чудеснее и не диковиннее любой другой.

Квелл, наклонившись, тронул мой лоб одной из своих длинных паучьих ног, покрытых мягкой клочковатой растительностью, и представил:

– Исмаил.

А я, коснувшись пушистой груди моего нового друга, сердечно отрекомендовал:

– Квелл, с дальних островов великой Туманности Андромеды. Квелл.

– Мы будем вместе учиться, – сообщил Квелл.
– Вместе слушать, вместе учиться, вместе экспериментировать, – добавил я.

В течение следующих дней, недель и месяцев нашей подготовки мы и вправду слушали разноязыкие лекции наших электронных преподавателей философии. Но никто не сказал, что от нас потребуются, куда нам предстоит лететь и сколько еще торчать на Земле, в этих необъятных пещерах знаний.

В один прекрасный день лекции роботов-профессоров, непонятные и потому бессмысленные, прекратились. Как-то утром мы собрались в лекционном зале, но нас встретило безмолвие. На дисплее мы увидели свои имена и следующий текст: «Согласно приказу, явиться для включения в состав экипажа».

Квелл заметил:

– Похоже, наша учеба подошла к концу.
– Если так, – отозвался я, – значит, настоящая жизнь только начинается. Пошли найдем наш корабль.

Мы вернулись к себе в комнату, где нас уже ожидали предписания. Забрав экипировку и надев летательные ранцы, мы взмыли в воздух. Облака расступались, птицы разлетались в стороны, и наконец мы приземлились на мысе Кеннеди, среди суеты и сплошного гула необъятного космодрома. Нас окружали высоченные, как небоскребы, пусковые установки и сверкающие ракеты.

Потрясенный гигантским размахом происходящего, я озибался по сторонам.

– Смотри, что здесь делается, Квелл, а вот туда погляди! Космические корабли! Штук двадцать пять, если не больше. Одни названия чего стоят: «Аполлон – сто сорок девять», «Меркурий – семьдесят семь», «Юпитер – двести пятнадцать». А там...

Квелл не дал мне закончить:

– «Сетус-семь».

Я не мог отвести глаз от сверкающего цилиндра, который высился над всеми остальными.

– Это самый большой межпланетный корабль в истории, – с благоговением произнес я.

Квелл задумался:

– Вот интересно, ваши Бах и Бетховен в своих мечтах создавали хоть когда-нибудь нечто подобное?

Наши мечтательные размышления прервал чей-то голос:

– А как же иначе – конечно, создавали.

Обернувшись, мы увидели, что откуда-то из-под трапа появился старик, облаченный в ветхий, выцветший скафандр. Он обратился к нам запросто:

– Привет, друзья.

Очевидно, Квелл просканировал мысли незнакомца, перед тем как ответить:

– Мы тебе не друзья.

Невесело усмехнувшись, старик продолжил:

– Раскусил меня, телепат. Так держать. Вы зачислены на «Сетусемь»?

– Да, – ответил я.

Старик сокрушенно произнес:

– Эх, стоите на краю пропасти. Остерегитесь, если вы себе не враги.

Квелл выругался на своем инопланетном наречии, а потом потянул меня за локоть:

– Пошли, Измаил. Зачем выслушивать эти бредни?

Старик увязался за нами.

– А ты, юноша, уже встречался с капитаном корабля?

– Пока что в глаза не видел. – Заинтригованный этим вопросом, я обернулся к нему.

– «В глаза не видел». Надо же, прямо в точку! Когда встретитесь, не пытайтесь заглянуть ему в глаза. Знай: их у него нет.

– Нет глаз? – поразился я. – Он слеп?

– Точнее сказать, изувечен. Пару лет назад в космосе ему выжгло глаза. Ну, ты-то и без меня это знал, – добавил старик, покосившись на Квелла.

– Ничего я не знал, – буркнул тот, еще раз потянув меня за рукав. – Больше мы тебя не слушаем.

Но старик не уgomонился:

– А ты уже все слышал, друг мой, коль скоро выведал, что творится у меня в голове. Ты уже все видел. А теперь поделись-ка со своим юным приятелем. Поведай ему, что вас ждет.

Я стряхнул руку Квелла и замер в ожидании.

Старый астронавт приблизился к нам и заговорил, чеканя слова:

– Почему капитан лишился зрения? Когда? Где? Как? Законные вопросы. Может, был он космическим капелланом, погнался за Богом, а Бог не потерпел и единым махом наслал на него тьму? Гладок ли капитан лицом или же обезображен шрамами, по которым видно, где были залатаны рваные раны? Зияют ли чернотой мокрые дыры глазниц, перед которыми врачи оказались бессильны? Родился ли он альбиносом, или это ужас

выбелил его волосы, словно припорошил беспощадным снегом?

Я оглянулся посмотреть на реакцию Квелла; его гигантская тень дрожала в солнечном свете, но сам он не издавал ни звука.

Старый астронавт с торжествующим видом подошел совсем близко.

– А теперь слушайте. Наступит такой миг, когда на борту этого корабля, в дальнем космосе, вы увидите землю – планету на горизонте, но земли не будет; застанете время, когда времени не будет – когда древние цари обрастут новой плотью и вернутся на свои престолы. Тогда, вот тогда и корабль, и капитан, и команда – все, все погибнут! Все, кроме одного.

У меня невольно сжались кулаки. В гневе я шагнул к старику, но он, вознамерившись закончить свою речь, отступил назад:

– Верь мне. «Сетус-семь» – не простой корабль. Он принадлежит капитану. А капитан потерян навеки.

С этими словами он развернулся и зашагал прочь.

– Подождите! – закричал я. – Стойте! Как вас зовут?

– Илия^[19]. Илией зовут. В добрый час, друзья, в добрый час.

Он простер руки, и на его месте через мгновение осталась только тьма.

Мы с Квеллом остолбенели; у нас над головами пронеслась быстрая тень, и откуда-то сверху напоследок послышалось затихающее:

– В добрый час, в добрый...

К нам еще не вернулся дар речи, когда раздался оглушительный грохот: милях в пяти стартовала, вибрируя всем корпусом, ракета, которая при наборе высоты расцветила небо багровыми и белыми вспышками. Как только грохот утих, мы внезапно вспомнили, что вокруг нас кипит работа – туда-сюда сновали механики, роботы и астронавты, слышались звуки радиопередатчиков и электронных сигналов, плыли тени ракет, появляющихся из недр пусковых установок, чтобы унести в космос.

Наконец Квелл нарушил молчание:

– Пора идти. Корабль ждет. Измаил, выполняй приказ, мы должны подняться на борт.

И мы двинулись к «Сетусу-7».

Глава 2

Ох уж эта космическая логистика. Ввести в компьютер миллиард и одно решение на все случаи жизни. Как наполнить десять тысяч рожков для кормления космических младенцев супероднородной, супергомогенизированной смесью. Как обеспечить поступление свежего воздуха из застекленных оранжерей. Как настроить опреснители для перегонки пота в питьевую воду.

Ударить во все колокола, нажать на клаксоны. Зажечь вспышки, приготовить раскаты грома. Спасайся, кто может.

Мы с Квеллом стояли на стартовой площадке, разглядывая гигантский корабль. После тревожной встречи с Илией прошла ровно неделя, и все семь дней члены экипажа, в том числе и мы сами, трудились не покладая рук, чтобы подготовить «Сетус-7» к старту.

– Квелл, – заметил я, – ни разу за целую неделю, среди всей этой суеты и беготни, не встретился нам – ни на борту, ни поблизости – напрошенный капитан, хоть слепой, хоть зрячий.

Склонив набок подобие головы, Квелл закрыл глаза.

– Это он, – услышал я его шепот.

– Что? – забеспокоился я. – Что ты сказал?

Квелл продолжал шептать:

– Совсем близко.

Он повернулся и указал на стартовую башню. Лифт медленно полз наверх, и в кабине мы разглядели одинокий темный силуэт.

– Наш капитан, – сказал Квелл.

* * *

Церковь при космодроме. Накануне старта я пришел помолиться. За мной увязался Квелл, хотя я так и не понял, какому богу он молится и, вообще говоря, осознает ли, что такое молитва. Полумрак успокоил наши глаза, воспаленные слепящими огнями стартовой площадки. В этом тихом священном пространстве мы рассматривали купольный свод и мерцающие на нем полупрозрачные фигуры мужчин и женщин, не вернувшихся из космоса. От них исходил нежный, приглушенный шелест, многоголосый шепот.

– А это что? И зачем? – спросил Квелл.

Понаблюдав за плавающими фигурами, я ответил:

– Это мемориал – образы и голоса тех, кто погиб и навеки остался в космосе. Здесь, под куполом храма, с рассвета до заката воспроизводится облик и речь каждого – в знак памяти.

Мы с Квеллом стояли, слушали и смотрели.

Один из этих потерянных голосов произнес:

– Дэвид Смит, пропал на орбите Марса в июле две тысячи пятидесятого.

Другой, высокий и нежный, вторил:

– Элизабет Болл, дрейфует за Юпитером с две тысячи восемьдесят седьмого.

А третий, звонкий, повторял снова и снова:

– Роберт Хинкстон, убит метеоритным дождем в две тысячи шестьдесят третьем, похоронен в космосе.

Еще шепот:

– Похоронен.

Другой голос издаleка:

– Пропал без вести.

И все эти тихие голоса как один повторяли:

– В космосе, в космосе, в космосе.

Я взял Квелла за паучью лапу и развернул в сторону алтаря.

– Смотри туда, – сказал я, для верности указывая пальцем. – На амвоне сейчас появится человек, умерший почти сто лет назад; но он был настолько выдающейся личностью, что современники оцифровали его душу, взяли записи голоса и при помощи микросхем воссоздали его целиком, вплоть до легчайшего вздоха.

Тут лучи света выхватили из полумрака фигуру, поднимающуюся на амвон.

– Преподобный Эллери Колуорт, – шепнул я.

– Робот? – тихо спросил Квелл.

– Не просто робот, – ответил я, – здесь нечто большее. Перед нами благородная сущность этого человека.

Огней поубавилось, как только невероятный, объемный образ преподобного Эллери Колуорта заговорил.

– Не умер ли Бог? – начал он. – Извечный вопрос. Однажды, услышав его, я рассмеялся и ответил: нет, не умер, просто задремал под вашу пустую болтовню.

Вокруг нас с Квеллом прокатился приглушенный смех, который затих,

как только преподобный Колуорт снова заговорил:

– Лучшим ответом будет другой вопрос: а *вы сами*, часом, не умерли? Не остановилась ли кровь, что движет вашими руками, не остановились ли ваши руки, что движут металлом, не остановился ли металл, что бороздит космические просторы? Будоражат ли вашу душу безумные мысли о путешествиях и переселениях? О да. Значит, вы живы. Значит, жив Бог. Вы – тонкая кожа жизни на бесчувственной Земле, вы – растущая грань Божьего промысла, которая проявляет себя в жажде Вселенной. Так много Божьего ныне покоится в трепетном сне. Сама субстанция миров и галактик еще не знает себя. Но вот Господь во сне шевельнулся. Вы сами – суть это шевеление. Он пробуждается, и вы – Его пробуждение. Бог тянется к звездам. Вы – Его рука. Творение свершилось, и вас влечет на поиски. Он идет, чтобы найти, и вы идете, чтобы найти. Значит, все, к чему вы прикоснетесь на этом пути, будет освящено. В далеких мирах вы встретите свою плоть и кровь, ужасающую и непонятную, но все же вашу собственную. Не причиняйте ей вреда. Под внешней оболочкой у вас одна, общая божественная природа. Вы, словно Иона^[20], плывете во чреве кита, только рукотворного, созданного из металла; вы несетесь по неведомым морям дальнего космоса, так не святотатствуйте, порицая себя и своих непривычных глазу близнецов, которых встретите среди звезд, а просите, чтобы вам было даровано понять чудеса – Космос, Время и Жизнь в затерянных высотах и забытых колыбелях Вечности. Горе тому, кто не сочтет все живое наисвященным и, готовясь склониться перед Богом, не сможет сказать: «Отец наш Небесный, Ты пробуждаешь меня. Я пробуждаю Тебя. Бессмертные, вместе мы пойдем по водам дальнего космоса сквозь новый рассвет, имя которому – Вечность».

Молящиеся – и сверху, и снизу – тихо повторили:

– Вечность, вечность.

Когда преподобный Эллери Колуорт закончил, откуда-то с небес донеслась негромкая музыка, и его потемневший силуэт бесшумно исчез за аналогом.

На нас опустилась долгая тишина, и тут я разрыдался.

* * *

В ту ночь я лежал без сна в своей койке на борту «Сетуса-7».

Квелл уже отключился. Узоры из дождевых струй, смоделированные для замены снотворного, скользили по нашим лицам и по задней

переборке.

Голосовые часы еле слышно бубнили: «Тик-так, час... тик-так, два... тик-так, три».

Наконец я не выдержал:

– Квелл, ты спишь?

И тут из другого конца каюты мне безмолвно ответило его сознание:

– Часть моего разума бодрствует, а другая спит. Мне снится тот старик, что явился к нам с предупреждением.

– Илия? Ты ему поверил – ну, что наш капитан слеп?

– Да. Это общеизвестно.

– А он и вправду безумен?

– Мы сами должны это выяснить.

– А вдруг будет слишком поздно, Квелл?

Тени от умиротворяющих струй дождя все так же стекали по моим щекам и по переборкам каюты. Издалека донесся несмелый раскат грома.

– Квелл? Ты уже целиком заснул, что ли? Ладно, дрыхни, мой прекрасный спутник. Тело странного цвета того мира, который я никогда не увижу. Холоднокровное существо с горячим сердцем; губы твои неподвижны, но разум даже во сне дышит дружелюбием.

Голос Квелла сонно пробормотал у меня в голове:

– Измаил.

– Квелл, хвала Господу, что Он дал мне тебя в товарищи на весь этот рейс.

И тут голос Квелла стал повторять со всех сторон: «Измаил... Измаил».

Глава 3

Громкоговорители заорали:

– Капитан на борту, приготовиться к предстартовому отсчету!

Члены экипажа, надев скафандры, заспешили к штатным местам и пристегнулись ремнями. Огромные люки были закрыты и герметично задраены, стартовые платформы отвезены на положенное расстояние, двигатели запущены.

– До старта одна минута. Время пошло.

Мы замерли, ожидая, что нас вот-вот подхватит огненным ветром и унесет в небо.

Все так и было.

Боже милостивый, думал я. Помоги мне прокричать: «Мы взлетаем, взлетаем!»

Но нас, как монахов, давших обет молчания, приняла в свое лоно тишина.

Ибо даже грохочущая ракета, своим воем рвущая душу на Земле, беззвучно проносится несколько миль вверх, к звездам, будто трепетно вступает в величественный храм космоса.

Свободны, подумал я. Нет гравитации. Нет притяжения! Свободны. Ах, Квелл, как здорово, что мы... живы.

Когда мы благополучно вышли на орбиту и отстегнули ремни, я спросил:

– А теперь что делаем?

– Как – «что»? Собираем данные, – ответил кто-то из экипажа.

– Складываем и вычитаем созвездия, – подхватил другой.

– Фотографируем кометы, – добавил третий. – Иначе сказать, запечатлеваем скелет Господень на рентгеновском снимке.

Еще кто-то продолжил:

– Я ухватил вспышки проносящихся мимо комет. От этих гигантских призраков солнц я беру малую толику энергии для питания наших двигателей. Невинная алхимия, игра, но азарт разгоняет мне кровь. Кругом все мертво, а я – вот посмотри – даже Смерть приветствую широкой улыбкой.

Оказалось, это первый помощник капитана – Джон Рэдди. Коснувшись дисплея, прошептавшего имя этого человека, я получил доступ к его бортовым записям о первых часах нашего пути:

«22 августа 2099 г. Земля уже не видна; да, пропала из виду благословенная Земля, вся планета, а вместе с ней и те, кто нам дорог. Лица, имена, души, воспоминания, улицы, дома, города, луга, моря – все стерто. Все параллели и меридианы, часы, ночи, дни, все промежутки времени, да и само время тоже исчезло. Храни Господи душу мою. Как одиноко».

Тут ко мне пришли мысли Квелла: «Друг, я читаю мысли, а не будущее. Космос необъятен. Говорят, он закручен как спираль. Наверное, для нас этот конец спирали – отправная точка. А конечная цель наша далека, очень далека; в одной созвездии встретятся нам три загадочные кометы. Нанесем на карту их курсы, зафиксируем траектории, измерим температуры».

– А долго будет длиться наш рейс? – спросил я.

– Десятилетие, – прилетел ответ.

– Вот тоска! – вырвалось у меня.

– Как бы не так! – возразил Квелл. – Ваш Бог – сам увидишь – будет посылать нам для забавы метеориты.

– Метеоритный дождь! – раздался крик. – Отсек номер семь. Общая тревога!

Мы побежали. Все остальные тоже бросились на звуки ревунов и сигнализаций, чтобы приступить к устранению повреждений корпуса.

Наконец я смог остановиться вместе со всем экипажем в шлюзовой камере и снять шлем.

Так продолжалось изо дня в день – наш корабль продирался сквозь космос, и каждый из нас согласно предписаниям что-то измерял, сканировал, вычислял или прокладывал безопасный курс среди разрушенных звезд.

Между тем на протяжении сорока дней полета никто ни разу не видел капитана. Он заперся у себя в каюте. Но иногда, около трех часов ночи, я слышал тихое шуршанье лифта, похожее на протяжный вздох, и знал, что это капитан-призрак поднимается мимо жилых и рабочих отсеков на самый верхний уровень, куда не было доступа никому, кроме него.

Мы все обращались в слух.

Как-то раз команда трепалась ни о чем, и Даунс вдруг задал вопрос:

– Чем он там занимается? Я слышу, как он надевает скафандр и в одиночку выходит в открытый космос, пристегнувшись лишь одним страховочным фалом.

– Этот глупец играет там с метеоритами, будто хочет дотянуться до

них и поймать, хотя даже не видит их приближения, – ответил ему кто-то из ребят.

А Квелл добавил:

– Он, похоже, не доверяет экранам радаров. Слепой-то слепой, но считает, что видит лучше и дальше нашего.

– А что он видит-то? – спросил я. – Квелл, ты же улавливаешь его мысли. Скажи!

Немного помолчав, Квелл ответил:

– Разумом улавливаю, но сказать это вслух должен сам капитан. Не мне говорить его устами. Вот найдет то, что ищет, и сразу даст нам знать. Он...

Внезапно Квелл закрыл лицо своими паучьими лапами, и мы услышали крик капитана, прогремевший по системе оповещения.

– Нет, нет! – заорал Квелл и упал на колени.

Он рухнул нам под ноги, зажмутив глаза и сжав кулак.

Мгновение спустя Квелл принялся грозить невидимым звездам.

– Сгинь! – вопил он, будто одержимый. – Хватит, не смей!

Вдруг все стихло. Из динамиков больше не доносилось ни звука; членистые конечности Квелла бессильно упали на пол. Немного погодя он поднялся – ослабший, потрясенный увиденным.

Я подскочил к другу.

– Квелл, – сказал я, – расскажи, что сейчас произошло. Это ведь не ты был, правда? Это был капитан. Ты проник в сознание капитана и действовал как он, так?

– Нет, не так, – выдавил Квелл.

– На самом деле именно так, – настаивал я. – У тебя нет причин бросать вызов звездам. Это он грозил кулаком Вселенной.

Квелл не стал отвечать и только закатил глаза.

* * *

Из бортового дневника Джона Рэдли, первого помощника капитана:

«Прошло пятьдесят дней. Точнее: тысяча двести часов после старта. Школяр, упражняйся в арифметике. Компьютер, сделай электропсихоанализ моей души. Первый штурман Рэдли, поместите палец в сканирующее гнездо. Так, что мы видим? Джон Рэдли, год рождения две тысячи пятидесятый, место

рождения – город Ридуотер, штат Висконсин. Отец занимался производством подвесных лодочных моторов. Мать выпекала детишек, как пирожки, всего напекла их дюжину; самым пресным и незатейливым вышел старый Джон Рэдли. Я не ошибся: старый. В десять лет сделался пожилым, а к тринадцати – и вовсе стариком. В двадцать два женился на миловидной простушке; к двадцати пяти заполнил детскую. Почитывал книжки, подумывал о своем. Как же так, Рэдли, неужели тебе больше нечего предъявить этому дотошному сканеру? Неужели ты настолько черств, скупен, не бит, не задет, не ранен, не растревожен? Разве не преследовали тебя страшные сны, тайные жертвы, похмелье, ломки? Есть ли у тебя сердце, стучит ли пульс? Неужто в тридцать лет ты забил на все большой болт? А может, и прежде был сухарь, вчерашний ломоть, выдохшийся ром? На вкус терпимо, а страстей не пробуждает. Образцовый муж, неплохой компаньон, путешественник, скромняга, приходил и уходил так тихо, что сам Господь Бог тебя не замечал. А когда ты, Рэдли, сыграешь в ящик, протрубит ли хоть один рог? Дрогнет ли чья рука, заплачет ли чья душа, упадет ли хоть одна слеза, хлопнет ли где-то дверь? Давай-ка подождем бабки. Каков итог? Нуль, ровно нуль. Уж не мое ли потаенное «я» вывело тут сплошные нули? Нуль посеешь, нуль и пожнешь? Настоящим я, Джон Рэдли, подвожу итог своей жизни».

* * *

– Эй! – окликнул Рэдли, когда мы с ним столкнулись у дверей капитанской каюты.

– Сэр? – отозвался я.

– Не дергайся. Зачем тут околачиваешься? Разве твое место не на четвердеке^[21]?

– Как бы это сказать, сэр, – начал я, кивая на дверь капитана. – Шесть дней. Не слишком ли долго капитан сидит взаперти? Я уж стал беспокоиться... Все ли в порядке? Вот, думал постучаться к нему.

Рэдли впился в меня взглядом, а потом протянул:

– Ну, разве что...

Я на цыпочках шагнул к двери и осторожно постучал.

– Нет, не так, – сказал Рэдли. – Учись, пока я жив.

Он подошел к двери и грохнул по ней кулаком. Немного выждав, он постучался опять.

– А он хоть когда-нибудь откликается? – спросил я.

– Окажись тут сам Господь Бог, капитан бы соизволил подать голос. А мы с тобой кто? Никто.

Внезапно взревела сирена, и из динамиков разнеслось: «Внимание! Капитанская поверка. Экипажу собраться в центральном отсеке. Построиться для капитанской поверки».

Мы бросились выполнять команду.

Все пять сотен членов экипажа собрались в центральном отсеке.

– Стройся! – скомандовал Рэдли, ответственный за построение. – Капитан идет. Смир-р-р-но!

Раздалось тихое электрическое жужжание, будто поблизости роились насекомые.

Дверь центрального отсека с шипением съехала в сторону, и вошел капитан. Сделав три уверенных, неспешных шага вперед, он остановился.

Рослый и хорошо сложенный, капитан предстал перед экипажем в белой парадной форме.

В седой копне его волос темнело лишь несколько пепельных прядей.

Глаза его были закрыты непрозрачными радиолокационными очками, в которых плясали диодные огоньки.

Все как один мы затаили дыхание.

Наконец он скомандовал:

– Вольно!

И все как один выдохнули.

– Рэдли, – вызвал капитан.

– Экипаж построен, сэр.

Капитан провел руками по воздуху:

– Да, температура поднялась на десять градусов. Действительно, личный состав в сборе.

Он двинулся вдоль первой шеренги, но неожиданно остановился и протянул руку к моему лицу.

– Ага, вот один из тех, кто поддает жару в очаг юности. Имя?

– Измаил Ханникат Джонс, сэр, – ответил я.

– Будь я проклят, Рэдли, – заметил капитан. – Разве это не звук пустыни Голубого хребта или израненных красных холмов Иерусалима?

И, не ожидая ответа, продолжил:

– Так-так, Измаил. Что ты способен видеть такого, чего не вижу я?

Поедая его глазами, я отпрянул и в панике беззвучно воззвал:

– Квелл!

Мне вдруг захотелось сорвать с капитанского лица эти темные электрические линзы: я был уверен, что увижу за ними глаза цвета чеканного серебра, цвета чешуи невиданной рыбы. Белые. Ох, боже мой, этот человек весь бел, совершенно бел.

Тут мелькнувшей в воздухе тенью у меня в голове пронеслись слова Квелла: «Несколько лет назад Вселенная полыхнула вспышкой протяженностью в световой год. Господь прищурился и выбелил капитана до этого цвета бессонницы и ужаса».

– Ты что-то сказал? – Капитан уловил наши мысли.

– Никак нет, сэр, – слетело у меня с языка. – Я не способен видеть ничего такого, чего не видно вам.

Ответа не последовало. Вместо этого он развернулся и зашагал обратно к началу шеренги, спрашивая на ходу:

– Какова первая заповедь космического полета?

Личный состав забормотал что-то нечленораздельное, и лишь один голос ответил:

– Проверяй герметичность и держи наготове кислородный шлем, сэр.

– Хорошо сказано, – одобрил капитан и продолжил: – А каковы действия экипажа при столкновении корабля с метеоритом?

На этот раз ответил я:

– Семь секунд на заварку пробоины – и вся команда спасена, сэр.

После недолгой паузы капитан веско спросил:

– А как проглотить целиком пылающую комету?

Молчание.

– Нет ответа? – прогремел капитан.

Квелл невидимо начертал в воздухе свои мысли: «Они еще не видали таких комет, сэр».

– Не видали? – откликнулся капитан. – Но такие кометы встречаются сплошь и рядом. Рэдли?

Рэдли дотронулся до одной из панелей управления, и перед нами зависла опустившаяся с потолка карта звездного неба. Это была трехмерная картина, мультимедийная мечта о Вселенной.

Капитан слепо вытянул вперед руку.

– Вот здесь в миниатюре изображена Вселенная.

Звездная карта замерцала.

Капитан же продолжал:

– Справятся ли ваши глаза с тем, с чем мои, мертвые, не могут? В

районе туманности Конская Голова среди миллиардов огней горит один особенный. По причине своей слепоты я вынужден убеждаться в его присутствии вот таким способом.

Он дотронулся до центра экрана. Через мгновение перед нами высветилась огромная, великолепная комета с длинным хвостом.

– Я указываю на вихрь, Рэдли? – спросил капитан.

– Так точно, сэр, – ответил тот, а команда ахнула и зашепталась при виде этой бездонной красоты.

– Ближе! Ярче! – приказал капитан.

Изображение кометы стало исполинским ослепительным призраком.

– Итак, – продолжал он. – Это не солнце, не луна и не галактика. Кто скажет, как это называется?

– Сэр, – несмело произнес Рэдли, – это же просто комета.

– Нет! – проорал капитан. – Не *просто* комета. Это бледная невеста с развевающейся фатой возвращается на брачное ложе к своему исчезнувшему, не познавшему ее жениху. Разве она не чудо, ребята? Священный ужас для глаз наших.

Мы стояли молча, в ожидании. Рэдли, подойдя ближе, спросил:

– Капитан, не та ли это комета, что впервые прошла мимо Земли лет тридцать назад?

И я, что-то смутно припоминая, назвал имя:

– Левиафан.

– Точно! – провозгласил капитан. – А ну, повтори! Громче!

– Левиафан, – повторил я, не понимая, к чему он клонит. – Величайшая комета в истории.

Капитан резко отвернулся от звездного экрана, переведя на нас свой пристальный невидящий взгляд:

– Грубая мощь Вселенной в виде света и развевающегося кошмара несется вперед. Левиафан!

– Не тот ли самый Левиафан, – вполголоса начал Рэдли, – выжег ваши глаза?

Люди зашептались, вглядываясь в прекрасное чудовище.

– Только лишь для того, чтобы дать мне великое прозрение! – воскликнул капитан. – Да! Левиафан! Я видел эту комету вблизи. Трогал кромку необъятной, в миллион миль, фаты. А потом эта непорочная белизна приревновала мой влюбленный взгляд и лишила меня зрения. Тридцать, тридцать, тридцать лет назад. И каждую ночь она возникает перед моим мысленным взором: летящая, полная арктических чудес грозная туча, белоснежная Божья посланница. Я стремился к ней. Принес

ей в жертву мою воспаленную душу. Но она погасила меня, как свечу! А потом улетела, не оглянувшись. Хотя смотрите.

Он дотронулся до трехмерной схемы, и комета стала еще больше, загорелась еще ярче.

– Левиафан возвращается, – произнес капитан. – Тридцать долгих лет ждал я этого дня, и время наконец пришло. Из вас, ребята, я составил экипаж своего космического корабля, чтобы помчаться навстречу этому ниспадающему свету, который однажды поверг меня во мрак, но теперь возвращается, чтобы встретить свой конец. Скоро я занесу кулак, ваш общий кулак, чтобы нанести удар.

Люди встревожились, но никто ничего не сказал.

– Что? – спросил капитан. – Молчите?

– Сэр, – обратился к нему Рэдли, – это не наше задание, не наша миссия. Ведь на Земле у нас остались близкие...

– Они узнают об этом! И будут торжествовать, когда мы пустим кровь этому чудовищу и похороним его в могильнике туманности Угольный Мешок.

– Но возникнут вопросы, сэр, – возразил Рэдли.

– А мы на них ответим. И выполним свою миссию. *После* того, как разделаемся с Левиафаном. Будем учиться ремеслу чистого разрушения. Посмотрите на Левиафана! Что это? Летящий ужас, что вырвался из горла Божьего, когда Он, изведав тьмы, спал? Изнуренный временем, изможденный после Сотворения мира, содрогнулся ли Бог в неудержимом приступе кашля, чтобы избавиться от этого обескровленного сгустка? Кто знает, кто способен угадать или рассказать? Мне известно лишь одно: этот древний бич, этот выплюнутый ком, что угрожает Вселенной, гонится за нами по пятам. Теперь умерим свой пыл. Где Бог – там весна и свежие ветры. А Левиафан несет кровопролитие и гибель. Великий Боже, я преклоняюсь пред Тобой. Но Твой старый недуг пришел разрушить тело мое, раздробить кости и полыхнуть в мои мертвые глаза своим зловецким светом. Только безумие даст мне силы для этой последней ночи. Только сумасшествие позволит вести долгую битву по всему фронту. Задохнувшись и погибнув у тебя в лапах, Левиафан, вернусь я к моему Господу.

Мы застыли, словно околдованные.

Наконец Рэдли осмелился высказаться:

– Ад, о котором вы вели речь... он и есть тот самый ад?

– Что тут скажешь, – ответил капитан, – ведь это явилась сама Смерть, чтобы свести старые счета. Бог оценивает Себя на Земле в четыре

миллиарда сил. Но это чудовище собирается нарушить порядок вещей. За какой-нибудь месяц эта тварь длиной в световой год взметнет Тихий океан и затопит все живое на Земле.

– Но наши ученые, сэр... – начал Рэдли.

– Слепцы! – проорал капитан. – Нет, хуже! Ибо даже слепой, как я, способен видеть! Ведь в прежних своих нашествиях Левиафан обходил нашу Землю за миллионы километров.

– А в этот раз, – настаивал Рэдли, – согласно расчетам, комета пройдет на расстоянии в шесть раз большем от Земли.

– Вы, умники, предвидите Выживание? А я предвижу Смерть! – проревел капитан. – Это будут наши похороны. Преображенный, переброшенный на новые орбиты, прикормленный далекими темными мирами, недоступными нашему наблюдению, и подгоняемый силами зла, Левиафан сейчас меняет курс, чтобы обречь нас всех на смерть. Разве никто этого не видит или всем все равно?

Стоя в шеренгах, мы беспокойно переминались с ноги на ногу. Речи капитана отдавали безумием, а между тем он был преисполнен силы и твердости.

– Если все, что вы сказали, – правда, нам следует быть начеку, – выговорил наконец Рэдли.

– Так точно! – гаркнули мы как один.

– Вот доказательства, Рэдли, – сказал капитан. – Здесь все мои выкладки. – Он достал из кармана кителя диск и протянул его на голос Рэдли. – Введите их в компьютер как можно быстрее: призовите на помощь все свои способности и Божий промысел.

– Я сам возьмусь за ваши графики, сэр, – хмуро заверил Рэдли.

– Поспеши, – приказал капитан. – Обработай, изучи – и увидишь.

Рэдли pokrutil диск в руках.

– Ибо здесь ты найдешь Страшный суд, – продолжал капитан. – Но коли случится тебе найти безмятежность, желанный покой и приятные путешествия, дружище... коли найдешь чистые небеса и зеленые райские кущи, подтверди это изящными расчетами! Поиграй на компьютере. Если заключительным аккордом будет радость, я приму ее и распоряжусь повернуть назад, к пастбищам, где резвятся конские табуны; отдам такой приказ без тени сожаления.

– Уговор дороже денег, сэр.

– Где твоя рука? – спросил капитан, протягивая свою руку.

– Вот она, сэр.

Капитан сжал ему руку:

– А теперь, дружище, займись делом. Мы с тобой ударили по рукам. Поддержат ли нас остальные сердцем и душой?

– Поддержим! – раздались наши голоса.

– Всем, чем сможем! – добавил я.

– Мы – за! – неслось из строя.

Не отпуская руки Рэдли и впечатывая в его ладонь диск, капитан прокричал последнюю клятву:

– Раны Христовы да поглотят комету! Благодарствую за эти сладостные звуки. Команда! Наш долг свят. Не будет людей более великих, чем вы, в истории человечества, хотя пески времени вечно бегут в часах, огромных, как берег Творения в далеком Центавре! Спасем же нашу Землю! Навигаторы, по местам! Помните: Левиафан – это длинный белый гнойный рубец на теле космоса, свет, что гасит свет. Исцеление – в наших руках. Проверьте системы слежения. Первый, кто засечет комету, получит двойное жалованье за этот рейс! Вольно. Разойдись!

Все ринулись на свои места – все, только не Квелл. Почувствовав, что мой друг медлит, я обернулся и увидел, что Квелл глазеет на капитана, будто узрел в нем кошмар своей жизни. Рэдли, тоже заметивший эту сцену, остался молча стоять рядом с капитаном.

Капитан, словно почувствовав это молчаливое напряжение, сказал:

– Свободен, Рэдли.

– Есть, сэр.

Рэдли повернулся и вышел.

– Измаил? – внезапно обратился ко мне капитан. – Свободен.

– Есть, сэр!

Я отдал честь под его невидящим взглядом и зашагал прочь, но остановился, чтобы еще раз посмотреть на капитана и Квелла.

От капитана не укрылось, что Квелл подходит все ближе и ближе. А Квелл между тем не поднимал глаз. Капитан потянулся пальцами к его странной зеленоватой физиономии. И вдруг отдернул руку, словно обжегся. Вслед за тем он развернулся и поспешил к выходу из главного отсека; пропустив его, дверь с шепотом закрылась.

Последовала долгая пауза – по лицу Квелла мелькали тени его собственного будущего. Видеть такое было невыносимо.

А потом я услышал голоса членов экипажа, доносившиеся отовсюду, раз за разом.

– Комета «Франциск-двенадцать».

– Комета Галлея.

– Комета «Папа Иннокентий Третий».

– Комета «Великая Индия – восемьдесят восемь».

– Комета Алкивиада.

На огромном звездном экране я наблюдал бесконечное шествие комет, метеоров и звездных кластеров, зависающих в темноте.

– А что такое комета? – услышал я собственный голос. – Нет, правда, кто может знать? – ответил я сам себе. – Испарения Вселенной. Сгусток желчи Творца нашего. Квелл?

Мысли Квелла коснулись моего сознания.

– У меня на родине такие кометы называют паломницами, летучими странницами, голодайками. Соображаешь? В нашей истории столько же романтической чепухи, сколько и в вашей.

– В таком случае, – начал я, – у капитана свои причины искать комету, а у нас свои. Хорошее дело – загадка.

– Загадка, – повторил Квелл. – Пойдем-ка на боковую. Может, увидим сон, а в этом сне найдем и разгадку. Загадка. Загадка.

Посреди ночи я сквозь сон услышал какое-то шевеление. Квелл. Я почувствовал движения его разума у себя в мозгу, а потом уловил призыв: «Восстаньте и слушайте».

А вслед за тем прозвучало имя – и не только у меня в голове. Квелл произнес по слогам: «И-ли-я».

– Квелл, – позвал я шепотом.

Что совсем удивительно – голос, который я услышал посреди ночи, не принадлежал Квеллу: это был голос в его голове. Вызванный из прошлого голос Илии.

– Внемлющий да услышит! – В последний раз этот голос взывал ко мне на Земле – в церкви при космодроме. – Наступит такой миг, когда на борту этого корабля, в дальнем космосе, вы увидите землю, но земли не будет; застанете время, когда времени не будет – когда древние цари обрastут новой плотью и вернутся на свои престолы.

– Что это? – неслось из другого отсека, дальше по коридору.

– Да заткните же его, пусть умолкнет! – орал кто-то другой.

– Нет-нет, подождите, – зашептал я.

И Квелл продолжил голосом Илии:

– Тогда, вот тогда и корабль, и капитан, и команда – все, все погибнут. Все, кроме одного.

– Все? – переспросил кто-то.

– Кроме одного, – ответили ему.

– Все погибнут, – закончил Квелл не своим голосом.

После этого он молча вытянулся на койке и заснул.

Я перевернулся на другой бок, но сон как рукой сняло; меня не покидало ощущение, что вся команда лежала без сна до самого рассвета.

Часы в каждом кубрике тикали, напоминая о времени; наконец, вместо восхода солнца перед нашим мысленным взором появился ореол кометы в призрачной дымке, зависшей над койкой капитана, который оплакивал во сне собственную смерть.

* * *

Из бортового журнала первого помощника капитана Джона Рэдли:

«Записи, датированные 400-м годом до нашей эры. По слухам, предвестием смерти Александра Македонского стало появление кометы Персефоны. Комета Палестрина прилетела в первом году нашей эры; это могла быть и Вифлеемская звезда. Вот и все, что подкреплено документами, а остальное не в счет. Главные составляющие тела кометы – это газ метан и снег, холодный снег».

Мне не спалось; я поднялся с койки, и ноги сами понесли меня к капитанской каюте. Из-за плотно закрытой двери доносился бессвязный бред.

– Ни за что! – слышал я сдавленные стенания. – Нет, ни за что, говорю тебе. Убирайся! Вон отсюда!

В коридоре появилась чья-то фигура: Рэдли. Я отпрянул в темноту, когда первый помощник забарабанил в дверь капитанской каюты.

– Капитан?

Тот отозвался из-за двери:

– Что? Что?

– Вам снился дурной сон, сэр, – сказал Рэдли.

Дверь открылась, и на пороге показался капитан с всклокоченной белой шевелюрой.

– Боже, мне снилось, что я падаю, падаю в космосе и этому нет конца. Дай прийти в себя.

– Прошу расписаться в вахтенном журнале, сэр, – отчеканил Рэдли.

– В четыре часа воображаемого утра? Ладно, Рэдли, хотя бы стряхну дурные сны. Пойду с тобой, распишусь. Как там наши компьютеры? Вычисляют?

– Плавятся, сэр, от такой загрузки.
– Торопишься меня опровергнуть?
– Вы утверждали, что правда на вашей стороне, сэр, – ответил Рэдли. – Я бы предпочел это доказать.

Капитан вышел в коридор, и я попятился еще дальше в темноту, хотя он и без того не мог меня увидеть. Они с Рэдли направлялись в сторону центрального отсека, а я крался следом.

– Я тебя насквозь вижу, Рэдли. Не лежит у тебя душа к этой погоне, ведь так?

– Если под «погоней» вы подразумеваете наши первоочередные задачи – нанесение на карту звезд и исследование миров...

– Нет, нет! Заверни-ка сюда! – произнес капитан, заходя в огромный центральный отсек, почти безлюдный в этот ранний час, и указал на звездный экран.

Светящееся трехмерное изображение парило в воздухе.

– Что тебе известно о путях темных планет и ярких комет?

– Очевидно, вам придется меня просветить, сэр, – ответил Рэдли.

– Что ж, просвещайся, – начал капитан. – Здесь тысячи тысяч звездных карт, утвержденных, заархивированных и рассортированных. Проведи рукой по этому пространству. Дотронься до длинного следа кометы Галлея; почувствуй жар кометы Малый Аллиостро. Вот они, плоды ночных сомнений и терзаний Господа, всех Его долгих дум. Бог видит радостные сны – появляются зеленые земли. Бог испытывает муки – из бескрайних врат Его воспаленных глаз и губ выплывает Левиафан. Он несется сюда! Я знаю способ встретить его лобовой атакой, дать отпор за шесть недель до того, как он уничтожит Землю. Мы должны поторапливаться, чтобы застать его врасплох.

– Врасплох? – Рэдли отвернулся от ярких, светящихся в воздухе карт. – Комету невозможно застать врасплох, сэр. Она неживая, ей все равно.

– Но я-то живой, и мне не все равно, – парировал капитан.

Рэдли пожал плечами:

– И потому вы решили переложить груз знаний на плечи какого-нибудь великого юного скитальца, бича Вселенной, которого носит по разным мирам, как неприкаянного, вечно бездомного. Я...

– Продолжай, – подбодрил капитан.

– Сэр, если, как учит преподобный Колуорт, весь космос – это наша плоть от плоти, а все галактики, солнца, живые твари – ростки одного семени, одной всеохватной воли, тогда призрак, о котором вы говорите, сэр, этот великий и ужасный монстр, то бишь комета, слетает с уст Божьих. Не

болезнь, не отчаяние, но Его светлая воля, озаряющая вселенскую ночь. Готовы ли вы противиться этому дыханию?

– Коль скоро оно перевернуло мне душу и выжгло глаза – да, готов! Прислушайся к его реву, который не умолкает даже сейчас за обшивкой корабля, там, снаружи.

Его протянутая рука коснулась какого-то дисплея. Корабль пронзили токи неукротимой энергии, прокатившиеся по всем отсекам.

Кивком указывая на изображение, капитан продолжил:

– Вот дыхание, о котором ты говорил. От него веет холодом. Это холод всех кладбищ мира, переброшенных в космос, и еще это саван длиною в световой год, накрывший мириады потерянных душ, которые вопиют об избавлении. Мне – нам – предстоит их спасти.

– Этот звук – тупая, безжизненная субстанция, сэр, просто комбинация, рожденная хаосом, притягиваемая и отталкиваемая то одним, то другим приливом. Попытаться остановить эту нескончаемую бледную пульсацию – все равно что попытаться остановить свое сердце.

– А что, если оба остановятся одновременно? – спросил капитан. – Не будет ли моя победа над этой пульсацией столь же сокрушительной, как ее победа надо мной? Маленький человек и необъятный Судный день, летящий в пространстве: вес их одинаков, если на другой чаше весов – смерть.

– Но, разрушая ее, – убеждал Рэдли в тихом отчаянии, – вы, капитан, разрушаете и свою плоть, которая на время дана вам Богом.

– Для меня эта плоть – оскорбление! – вскричал капитан. – Раз мир един, значит, Бог проявляется в минералах, в лучах света, в движении, во тьме или в человеке разумном; но ежели комета, моя кровная сестра, была призвана испытать мое терпение, подобное терпению Иова^[22], не совершила ли она богохульство, когда для начала меня изувечила? Если я – плоть от плоти Божьей, отчего был я поражен слепотой? Нет, нет! Эта сила неудержима и греховна. Ее страшный лик беспрепятственно парит над бездной. За слепящим сиянием я чую кровь, что смазывает шестерни и засовы ночных кошмаров. И неважно, где явится мне эта сила: то ли при виде бедняги, сгорающего в геенне огненной, то ли в схватке с акулой, перемазанной человеческой кровью, то ли при встрече со слепящей белой маской, брошенной среди звезд для устрашения людей и нанесения удара, который не убьет человека, но сломает ему хребет и душу, – я дам отпор. Так что избавь меня от ханжеских увещаний, любезный. Эта сила попробовала меня на завтрак. Я закушу ею нынче за ужином.

– Раз так, – прошептал Рэдли, – да поможет нам Бог.

– Поможет, – отозвался капитан. – Если мы – живые Божьи твари, значит, мы укрепим Его длань, простертую, чтобы остановить чудовище длиною в световой год. Ты же не устроишься от этой величайшей схватки?

– Устранюсь, – пробормотал Рэдли, – тем более что надо компьютеры проверить, сэр.

Он уже собирался уйти, но был остановлен словами капитана:

– Тогда отчего тобою владеет ярость, подобная моей? Нет, твоя еще сильнее. Ибо я не доверяю «реальности» и ее слабоумной матери, Вселенной, а ты хочешь остаться праведником и выбираешь для себя хлипкие подпорки, кои сулят счастливый финал. Но с волками жить – кастратом быть. Еще немного – и тебя возьмут в хор Папы Римского. От такой праведности я весь трепещу.

– Сэр, – отозвался Рэдли, – я вам не союзник. Но вы меня не бойтесь. Пусть капитан убоится капитана. Бойтесь самого себя... сэр.

Рэдли снова развернулся – и на этот раз смог удалиться без помех.

Глава 4

Вконец подавленный, я вернулся к себе. За время, оставшееся до рассвета, мне так и не удалось заснуть – я только метался и крутился с боку на бок; а Квелл безмятежно посапывал и видел свои инопланетные сны.

Вскочив по первому звонку побудки, я помчался на радиолокационную палубу. Там мне попался на глаза мой знакомец Смолл, склонившийся над пультом.

– А ты знаешь, что ракета подпитывает себя в космосе? – спросил он.

– Подпитывает? Это как?

– Барахтается, – объяснил он. – Как огромная рыба в потоках солнечного ветра, космических лучей, межзвездных радиоактивных излучений. Вечно голодные, мы – я имею в виду этот корабль – рыщем в поисках пиршеств крика, голосов и отголосков. Я сижу тут день за днем, чтобы своевременно засекать стремительные атаки из окружающего нас космоса. Обычно улавливаю только безымянные звуки в разных сочетаниях – шумы, радиопомехи и резонанс. Но иногда ни с того ни с сего... вот послушай!

Смолл тронул кнопку, и из динамика на пульте понеслись голоса – отчетливые человеческие голоса. Он повернулся ко мне, и его лицо приняло непривычное выражение.

Мы с ним стояли и слушали радиопередачи, адресованные земной аудитории двухсотлетней давности. В эфире выступал с речью Черчилль, бесновался Гитлер, делал ответное заявление Рузвельт, ревели уличные толпы, гремели трансляции футбольных и бейсбольных матчей ушедших дней. Звук то нарастал, то затихал, набегал океанской волной и откатывался назад.

Потом Смолл заговорил:

– На самом деле ни один звук, единожды вырвавшись, никуда не исчезает. Он поглощается электрическими облаками, и, если повезет, мы в одно касание сможем вернуть себе эхо суровых забытых войн, долгих дней лета и теплых месяцев осени.

– Знаешь, Смолл, – оживился я, – нужно записать эти передачи, чтобы прослушивать их снова и снова. У тебя есть что-нибудь еще? Что удалось поймать?

– Как-то нашли мы целый фонтан, бьющий из прежних дней Земли. Голоса минувших столетий. Станные какие-то радиоведущие, смешки не к

месту, политические недомолвки. Послушай.

Смолл опять поколдовал над настройкой пульта. И мы услышали: дирижабль «Гинденбург»^[23] охвачен пламенем. В тысяча девятьсот двадцать седьмом Линдберг приземлился в Париже. Некто Демпси победил некоего Танни в тысяча девятьсот двадцать пятом^[24]. Толпы захлебывались криком, демонстранты ликовали. Потом звук стал затухать.

– Ладно, проехали, – сказал Смолл.

– Верни обратно! – вскричал я. – Это же наша история!

Из динамика на пульте уже несли другой голос:

– Сегодня днем в резиденции на Даунинг-стрит премьер-министр Черчилль...

Тут на палубу вошел капитан.

– Сэр, – повторил для него Смолл, – мы нашли целый фонтан, бьющий из прежних дней Земли. Голоса минувших столетий. Странные какие-то радиоведущие, смешки не к месту, политические недомолвки. Послушайте!

С большой грустью капитан кивнул:

– Да-да. – И вдруг отрезал: – Смолл, Джонс, отставить! Эти люди общаются между собой. Нам с ними не играть, не смеяться, не плакать. Они мертвецы. А нас ждет встреча с настоящим.

Смолл опять потянулся к настройкам, и последний голос успел выкрикнуть:

– Передача по линии! Мантл^[25] благополучно добрался до первой базы!

А потом – тишина.

Я смахнул со щеки слезу. Что меня проняло? – подумалось мне. Эти голоса не принадлежали ни моим близким, ни моему времени, ни моим демонам. И все же они когда-то были живыми. Их прах забился мне в уши, попал в глаза.

Внезапно по громкой связи прогремело: «Степень готовности – «синяя». Всем сканирующим станциям. Перейти на визуальное наблюдение. Звездный сектор СВ-семь. Перейти на визуальное наблюдение. Степень готовности – «синяя»!»

* * *

Мы с Квеллом стояли перед его смотровым экраном, потрясенные увиденным.

– Боже милостивый, – выдавил я. – Что там?

– Какая-то луна, – ответил Квелл.

– Это понятно, – отозвался я. – Только уж очень необычная. Совсем древняя на вид. Гораздо старше нашей, облепленной большими и малыми городами, вековыми садами. Как по-твоему, долго эта луна в одиночку крутилась в космосе?

Квелл сверился с приборной панелью и увеличил картинку.

– Десять тысяч витков за миллион лет, – сообщил он. – Ах, любо-дорого посмотреть... шпили, витражи, безлюдные и запущенные дворики, припудренные пылью.

Потом мы услышали голос Рэдли:

– Приготовиться! Торможение.

Тут вмешался голос капитана:

– Рэдли!

– Сэр, луна! Очень древняя, красивая. Наша задача – исследовать, находить, докладывать.

– Да, Рэдли, твой тон дает о ней полное представление. Это одинокий, затерянный, блуждающий мирок, обаяние старины; жаль пролетать мимо, но ничего не поделаешь. Идем прежним курсом.

По громкой связи раздался приказ:

– Полный вперед! Отставить «синюю» степень готовности!

Изображение незнакомой луны, транслируемое на все бортовые дисплеи, стало медленно таять.

– Опять затерялась, – сказал Квелл.

И корабль погрузился, как прежде, в космический мрак.

Глава 5

Из динамика на пульте Смолла раздались голоса – далекие, еле слышные, перекрываемые радиопомехами:

– «Луч-один» вызывает «Сетус-семь». «Луч-один» на связи. Возвращаемся после двенадцати лет полета. «Сетус-семь», как слышите?

«Вот это да! – подумал я. – Встречный корабль».

Мои мысли передали ответ Квелла:

– Уму непостижимо. Среди всех этих миллиардов космических миль. Какова вероятность встречи...

– С другим кораблем? – договорил я вслух.

– Говорит «Луч-один», – зазвучал тот же голос. – «Сетус-семь», просим сигнала к снижению скорости.

Все члены экипажа сбежали на главную палубу и приникли к мониторам.

– «Сетус-семь», дайте добро на сближение, стыковку и посещение вашего борта.

– Да! – заорала команда.

– Нет! – прогремел капитан.

– «Сетус-семь», как слышите? Прием.

Капитан приказал Смоллу выйти на связь.

– «Луч-один», говорит «Сетус-семь». В сближении отказано.

– «Сетус-семь», просим подтвердить: в сближении отказано? Мы правильно поняли?

– Да, – отрезал капитан.

– К вам обращаются мои люди, капитан, выслушайте их!

И по каналу связи, за несколько тысяч миль, до нас донеслись возмущенные протесты с другого корабля.

– Что за детский сад! – буркнул наш капитан. – Времени нет. Время не позволяет.

– Время?! – вскричал голос с «Луча-1». – Опомнитесь, времени в космосе навалом. У Бога прорва времени. Поставьте себя на мое место! У меня за спиной годы скитаний, чужие звезды, смертоносные кометы.

– Кометы? – встрепнулся наш капитан.

– Величайшая комета во Вселенной, сэр! – сказал капитан «Луча-1».

– Начать сближение, – скомандовал наш капитан. – Посещение нашего борта разрешаем.

Не отрываясь от экранов слежения, мы наблюдали за стыковкой. Два корабля протянули навстречу друг другу механические руки и обнялись, как друзья. Стыковка сопровождалась глухим лязгом; уже через час капитан «Луча-1», ступив на борт «Сетуса-7», отсалютовал:

– Иона Эндерби с «Луча-один» прибыл.

Он вышел из переходного шлюза, а позади него оказалось около десятка членов его команды: белые и черные, мужчины и женщины, рослые и приземистые, земляне и инопланетяне – все с любопытством оглядывались вокруг. Мы встретили их улыбками, желая поскорее услышать их историю.

* * *

Позднее, во время обеда в кают-компании, старший офицер Эндерби провозгласил тост за нашего капитана, с которым сидел за центральным столом:

– За ваше здоровье, сэр. Нет, за мое. Господи, девять месяцев не было случая выпить от души. Я на сносах. И ребеночка зовут – жажда!

Капитан «Луча-1» осушил свой стакан.

– Надо повторить! – потребовал он.

– Разумеется, – согласился капитан, – а потом побеседуем.

– Хотите узнать о кометах? – спросил Эндерби.

– Сгораю от нетерпения, – ответил наш капитан, сверкнув глазами.

Чтобы послушать рассказ, мы все придвинулись ближе, насколько позволяла субординация.

– Бога вытошнило мне в морду, – начал Эндерби. – До сих пор не могу отмыться. Потому что это был жирный, длиннющий, слепящий...

Наш капитан договорил за него:

– Левиафан?!

Эндерби так и ахнул:

– Откуда вы знаете?

– Значит, вы его выследили?

– Да уж, выследили! Он пустил мне кровь, переломал кости – я чудом уцелел!

– Ага! – вскричал капитан. – Слышал, Рэдди?

Эндерби продолжал:

– Это не шутки, сэр. Он меня пожрал, изжевал, сгрыз. Проглотил вместе с кораблем и командой, в один присест. Мы жили у Левиафана во

чреве!

– Во чреве! Слыхал, Рэдли? В брюхе!

Командир «Луча-1» заметил:

– Вам лишь бы посмеяться, сэр.

В гробовой тишине наш капитан поднялся:

– Я не хотел вас оскорбить. Мне, как никому другому...

– А мы и сами посмеялись всласть! – не дослушал Эндерби. – Чем еще заниматься у чудовища в брюхе? Джигу отплясывали у него в кишках!

– И все же вы сейчас здесь, с нами!

– Сэр, он с самого начала нас не переваривал! Потому как мы травили его смехом. Все нутро ему оттоптали: то поднимались, то падали, то опять поднимались, а сами дивились судьбе и уповали на случай. Наш хохот пушечными ядрами разил его в сердце!

Капитан содрогнулся.

– Хохот? Пляски? – усомнился он.

Тогда Эндерби с «Луча-1» коснулся своего правого глаза.

– Уж поверьте! Однако для начала он едва не лишил меня зрения. Вот. Чистой воды ирландское хрустальное стекло. Вставной глаз! Клянусь. Могу вынуть – сыграем с вами в камешки, хотите?

– Нет-нет. Не утруждайтесь, – вздохнул наш капитан. – Я вам верю.

– Понятное дело, верите! – ответил Эндерби. – Левиафан решил меня ослепить, но справился лишь наполовину. Будь у него хоть малейшая возможность, он бы и второго глаза меня лишил. Но мы такой бунт устроили, что Левиафана стошнило, и он изрыгнул нас обратно, к звездам!

Наш капитан стиснул руку Эндерби:

– Где это было?

– В десяти миллионах миль от самой дальней точки орбиты Сатурна.

– Слышишь, Рэдли? – подскочил наш капитан. – Враг идет строго по курсу!

– По курсу? – Капитан «Луча-1» хохотнул. – По какому еще курсу? Думаете, он соображает, что делает, куда направляется? Мыслимо ли составить график хаоса, рассчитать его движение, задать ему курс? У нас еще остался джин? Хорошо идет.

Рэдли поспешил наполнить его стакан.

– Мои расчеты выверенны и точны. – Схватив Рэдли за локоть, наш капитан расплескал джин. – Я желаю встретиться с этим демоном!

– Уж не по нашему ли примеру? – изумился Эндерби. – Может, я рисую чересчур яркими красками? А зря. – Он покачал головой. – Ладно, давайте: за шутовские колпаки с бубенчиками и развеселую джигу. За вас с

Левиафаном, сэр. Чтоб ему захлебнуться желчью, когда он вас изрыгнет! Да, если будет на то воля Небес, он, будем надеяться, вас изрыгнет.

– Нужно продолжать путь, и прямо сейчас, – сказал капитан, внезапно покрывшись испариной. – Аврал!

Вставая из-за стола, Эндерби спросил:

– Капитан, нельзя ли нам еще чуток погостить? Команда жаждет увидеть новые лица, завести новые знакомства, узнать, что творится на Земле. Мы выжжены и иссушены, как песок.

– Моя жажда сильнее, – бросил капитан. – Нам пора.

Эндерби осушил свой стакан и в сердцах стукнул им по столу:

– Ну и катитесь! Ищите ветра в поле, сэр, если вам приспичило.

По знаку Эндерби его команда последовала за ним. Прошагав коридорами до дверей переходного шлюза, гости надели скафандры и покинули борт.

Прошло совсем немного времени, и «Луч-1» уже скрылся из виду, унося свой экипаж обратно, в космическое безмолвие.

Глава 6

Глубокой искусственной ночью наш капитан расхаживал по коридору вдоль кают экипажа. Просканировав его мысли, Квелл нашептал их мне: «Притворяетесь спящими? То-то же – прикусили свои поганые языки, которые меня хаяли, когда не дал вам разгуляться. Пусть даже сам Иисус Христос явится нынче в космосе...»

И Квелл, уже своим голосом, поправил:

– Христос не Христос, а один из его заплутавших пастырей.

* * *

С утра пораньше Рэдли вызвал меня и Квелла к радиолокационной установке Смолла. Там нас ждал старый знакомый – Даунс.

– Эти переговоры записаны прошлой ночью, – сказал Рэдли, кивая Смоллу, который подрегулировал настройки на своем пульте.

Мы обратились в слух, но не различали ничего, кроме обыкновенных радиопомех и пульсации космоса, пока наконец кто-то не заговорил внятным голосом.

– Говорит космическая шхуна «Рахиль»^[26], – донеслось издалека. – Богословская шхуна «Рахиль» под командованием Пия Скитальца вызывает «Сетус-семь». «Сетус-семь», как слышите? Прием.

Тут в эфир вышел наш капитан:

– «Сетус-семь» на связи.

Безрадостный голос Пия заполнил эфир:

– Не встречалась ли вам небольшая аварийная ракета в дрейфующем полете? Ее унесло космической бурей. На ней были достойнейшие священнослужители, которые настигли комету...

– Левиафан?! – вырвалось у капитана. Капитан «Рахили» отозвался без промедления:

– Да! На борту оказался и мой сын, мой единственный сын, доброе дитя Господа. Отважный, пытливый. «Большая Белая Невеста» – так прозвал он комету. С двумя другими добрыми людьми ушел он по следу Белой Невесты. А теперь я сам ищу его след. Вы поможете?

– Даже и сейчас я теряю время, сэр, – отрезал наш капитан.

– Время! – вскричал капитан «Рахили». – Да я потерял целую жизнь.

Вы обязаны мне помочь.

Капитан заговорил опять:

– Летите! Я сам поквитаюсь за вашего сына. Бог вам в помощь, капитан.

Голос капитана «Рахили» угасал:

– Бог вам судья, командир «Сетуса-семь».

Запись окончилась. Мы только переглянулись, потрясенные услышанным. Потом я сказал:

– Получается, что «Рахиль», которая плачет о детях своих, исчезла, а мы несемся навстречу... чему? Уничтожению?

Мои товарищи отводили глаза.

Общее молчание нарушил Квелл:

– Вызывали, мистер Рэдли?

Где-то у нас над головами открылась дверь герметичного отсека, и мы скорее ощутили, нежели услышали ни на что не похожую, гипнотическую поступь капитана.

Даунс посмотрел вверх и спросил:

– Речь о нем?

– И не только, – сказал Рэдли. – Мы пренебрегли старым радиоэфиром, который взывал к нам на разных языках. Не обогрели измученных и одиноких космических скитальцев, а ведь они нам родственные души. Отказываемся спасти богословские корабли. Забросили дела...

Даунс перебил его:

– Но, сэр, капитан говорит, что эта комета и есть наше главное дело.

– В таком случае, – сказал Рэдли, – посмотрим на карты капитана. Левиафан нацелен на Землю, верно?

– Пожалуй, да, – согласились все мы. – Верно.

– Вот Земля, – сказал Рэдли, указывая на карту. – Ну-ка, Даунс, подсвети ее. А теперь подсветим Левиафана, вот так. Двигай и Землю, и белое облако по их траекториям – поглядим, что получится. Компьютер все просчитает и выдаст ответ. Следите!

Огромная звездная карта вспыхнула огнями. Мы видели нашу планету. Видели комету. Земля поплыла сквозь пространство. Поплыл и Левиафан. Вселенная пришла в движение. Левиафан прорезал космос, Земля вращалась вокруг Солнца.

– Вот, уже видно, – восторгнулся Даунс. – Столкновение неминуемо! Комета действительно уничтожит Землю! Капитан не зря говорил.

– Не гони, – осадил его Рэдли.

Мы неотрывно смотрели на меняющуюся звездную карту, и у нас на

глазах огромная комета пролетела мимо, не задев Землю.

– Смотрите, уходит, – прокомментировал Рэдли. – Комета продолжает полет, не причинив Земле никакого вреда.

Мы проводили глазами меркнувшее изображение кометы.

Рэдли выключил карту.

– Капитаны не лгут, – заявил Даунс.

– Не лгут, – согласился Рэдли, – если не поражены безумием. В этом случае ложь – это их правда. Квелл?

Мы посмотрели на Квелла, который беспокойно топтался на месте.

– Кто-кто, а Квелл знает, – сказал Рэдли. – Квелл, эти люди тонут. Дай им воздуха глотнуть.

Но Квелл стоял с закрытыми глазами и молчал, а потом заговорил – будто бы сам с собой:

– О, да простят меня отцы времени. – Вслед за тем он жестом подозвал нас ближе и обнял своими паучьими лапами. – Сюда. Дайте мне объединить ваши мысли. Вот так. Хорошо.

Мы ощутили единение. Подняли головы. Квелл, прижав нас к себе, связал каждого с душой, сознанием и голосом капитана.

Тут с самой верхней палубы корабля, из-под звезд, донесся крик нашего капитана: «Кажется, вижу!»

Нас поразила отчетливость его речи, хотя он находился невероятно далеко.

Квелл покачал головой и отступил назад; голос капитана затих.

– Квелл, – потребовал я, – давай дальше! Пожалуйста. Мы должны слышать это.

Квелл опять привлек нас к себе. В его глазах горел огонь, щеки зеленели больше обычного. Голос капитана, прошедший через Квелла, опять зазвучал в полную силу.

– Да, я почти уверен. Далекие безжизненные миры проносятся перед моими незрячими глазами, снова и снова повторяя: «Мы живы! Помни о нас! Не забывай. Да простятся грехи наши! Да восславятся наши добродетели, даром что нет у нас ни плоти, ни крови, ни сладостных токов. А с ними ушла и безысходность, что звалась надеждой и будила нас по утрам. Помни о нас!» Я вас помню, хотя и не знаю. Ваши неизбывные муки и страшные сны не забыты... Они хранятся у меня как мои собственные; это я облакаю в плоть ваших демонов гнева; ваша духовная битва направляет мою руку для удара; вашими устами говорит со мною день и наставляет меня ночь. И придет пора мне воззвать к иным мирам, как нынче вы воззвали ко мне, и тогда свершения этой ночи, слова и дела наши

на одиноком пути, отделенные миллионом лет от этого часа, прорастут и расцветут на далеком берегу, где вам подобные начнут поднимать головы, и прозреют, и узнают о наших обретениях и потерях, и увидят, как пробуждается жизнь или клонится ко сну смерть.

Дальше капитан заговорил совсем тихо:

– Подобно им, скитаемся мы вечными призраками, стучимся в ворота, заглядываем в двери, говорим своими делами, в который раз обещая исполнение старых снов, дурных или добрых. И все же мы движемся вперед, преодолевая один световой год за другим, никого не зная впереди. Подобно им и их близким, мы с нашими близкими будем показывать вечность в театре теней: два разных фильма на разных экранах, а между ними – пустота, пустота и пустота. Здесь, грядущей ночью, я убью или буду убит. Но там, в сетях и тенетах световых бурь, я еще не рожден. О Боже, дай мне стать этим младенцем, чтобы начать сызнова, а начав, обрести хоть малую толику покоя в чистое крещенское утро.

С закрытыми глазами Квелл отпустил нас, резко опустив паучьи руки.

– Одному Богу известно... – забормотал Рэдли, взволнованный и подавленный.

– Вот именно, одному Богу, – сказал Смолл. – Только больше не надо этого, не надо. Хватит.

Квелл перевел дыхание, и тут вновь раздался голос капитана:

– Бесконечными днями я взывал к Господу. И бесконечные ночи были мне наградой. О, эта белизна! Мое бледное, странствующее наваждение. Восстань, о мертвый дух! На сей раз я не дрогну. Даже силы тяготения не уведут меня в сторону! Подобно мирам, что светятся вокруг солнца, моя душа летит по одной орбите. Пусть я слеп, но моя истерзанная плоть стала мне глазом. Я наведу затмение, чтобы погрузить в вечную тьму то зло, которое посмело меня ослепить. Фата станет саваном. Никчемный покров обовьется вокруг бледной шеи. Левиафан! Левиафан!

Мы явственно ощущали, как его руки тянутся схватить, удержать и задушить.

И наконец:

– Позволь мне сделать это и загасить мои огни.

Квелл, словно усталое эхо, повторил своим собственным голосом:

– Огни.

Мы умолкли; капитан больше не сказал ни слова.

Глава 7

Первым заговорил Рэдли:

– Что скажете?

Даунс поднял взгляд на первого помощника:

– Подслушивать – это немыслимо, недопустимо, преступно. Мы не имеем права!

– Но и опасность немыслимая!

– Уж не думаете ли вы поднять мятеж, сэр? – спросил Смолл.

Рэдли отпрянул; его лицо исказилось ужасом.

– Мятеж?!

Тут вмешался Квелл:

– Он думает... совершить захват власти.

Мы замерли, и наши лица исказил тот же ужас.

Рэдли спросил:

– Разве вам не ясно, какой разлад у него в душе и на что он готов пойти?

Ему ответил Даунс:

– Нам все ясно. Но эти мысли капитана, которые мы позаимствовали... чем они отличаются от наших? У каждого в душе живут поэт и убийца, только это принято скрывать.

Смолл не выдержал:

– Вы требуете, чтобы мы судили о человеке по его мыслям!

– Не нравится – судите по делам! – ответил Рэдли. – Левиафан приближается. Мы меняем курс, чтобы пойти на столкновение. При этом кто-то взлезает в компьютер: только сутки назад результат был один, а сейчас – другой.

Даунс не уступал:

– На то они и машины. Им что одна астрономическая задачка, что другая. Но кровь в жилах – куда лучше. Плоть податливей. А разум и воля – вообще ни с чем не сравнимы. И капитану их не занимать. Разве компьютер знает о моем существовании? А капитан знает. У него все под контролем, он делает выводы, принимает решения. И отдает мне приказы. А поскольку он мой капитан, я пойду туда, куда он прикажет.

– Прямиком в ад, – заключил Рэдли.

– Да хоть бы и в ад, – пожал плечами Даунс. – Комета, между прочим, оттуда родом. Капитан отслеживает эту тварь. Я и сам ее ненавижу.

Капитан при мне сказал ей «нет!». А я – его верное эхо.

Смолл поддержал:

– И я!

– А ты, Квелл? – Рэдли повернулся к зеленому инопланетянину.

– Я и так слишком много сказал, – ответил Квелл. – И все это были слова капитана.

– Измаил? – спросил Рэдли.

– Мне... – начал я, – мне страшно.

Даунс и Смолл отступили назад:

– Мы можем идти, мистер Рэдли?

– Нет! – вскричал Рэдли. – Господи прости, он и вас ослепил. Как мне открыть вам глаза?

– День-то прошел, Рэдли, глаза скоро закрывать пора, – сказал Смолл.

– Но я вас заставлю видеть, черт побери! Я иду к капитану. Прямо сейчас. Не хотите стоять рядом со мной – стойте позади. И услышите все из его собственных уст.

– Это приказ, сэр?

– Да.

– Раз так, – ответил Смолл, – есть, сэр.

– Есть, сэр, – повторил за ним Даунс.

Эти трое зашагали к трапу, и нам с Квеллом ничего не оставалось, как пойти следом, прислушиваясь к странным электронным ритмам капитана, таким близким и таким далеким.

Глава 8

– Подстрекаете к бунту, мистер Рэдли.

Впустив нас к себе в каюту, капитан остановился лицом к нам; даже не верилось, что его жуткие белые глаза ничего не видят.

– Сэр, – отозвался Рэдли, – для меня самоочевидно...

Капитан не дал ему закончить:

– Самоочевидно? Температура Солнца равна двадцати тысячам градусов. Самоочевидно, что оно спалит Землю. Так? Я не доверяю людям, которые приходят с самоочевидными фактами, а потом пророчат беду. А теперь, Рэдли, слушай внимательно. Я передаю тебе командование этим космическим кораблем.

– Капитан! – Рэдли не поверил своим ушам.

– Уже не капитан. Грядущие великие свершения будут твоей заслугой.

– Я не стремлюсь к великим свершениям, – ответил Рэдли.

– Раз ты сам это признаешь, значит, стремишься. Пришел с фактами в руках? Унесешь с собой нечто большее, чем факты. Кто из вас хоть раз видел комету вблизи?

– Никто, сэр, только вы.

– Кто дотрагивался до ее тела?

– Опять же никто, насколько нам известно.

– Что же в ней такого, что мы спешим ей навстречу с распростертыми объятиями?

– Вот вопрос, капитан.

– Вопрос! Мы забрасываем невод, как рыбаки. Мы спускаемся, подобно горнякам, в богатые, неистощимые, бездонные копи. Левиафан плывет сквозь космос, как стая рыб, сверкает, как ценнейшее сокровище всех времен. Забросим же наши сети и вытащим великое множество рыбы^[27], незамутненные слитки энергии – перед этим уловом померкнут все богатства Галилеи^[28]. Отопчем необъятную сокровищницу и возьмем, что пожелаем. У нас будет десять миллиардов алмазных жил, слепящих взгляд своим блеском. Таких черных алмазов должно хватить на всю нашу жизнь: они еженощно сыплются из космоса, но сгорают дотла. А мы станем ловить этот дождь. Сбережем самые яркие слезинки, чтобы с выгодой продать на обычных рынках самым необычным способом. Кто от такого откажется?

– Как сейчас – я бы не отказался, – осторожно сказал Рэдли.

– Тогда выкачаем каждый вздох из этого огромного чудовища. Его дыхание – это водород и смеси горючих паров, которых хватит всем цивилизациям, на всю жизнь наших детей и внуков. Такая энергия, взнузданная, контролируемая, накапливаемая, хранимая, высвобождаемая, будет творить атомные чудеса для рода человеческого и принесет еще более сказочные прибыли. Едва ли банковский счет раньше времени столкнет кого-нибудь из нас в пучину безумия.

– Безумия?

– Безумия наслаждений, сытой жизни и сладкой праздности. Дыхание и тело Левиафана принадлежит вам – это будет ваш банковский вклад под проценты и кредиты. Что до меня – прошу лишь об одном: оставьте мне его душу. По рукам?

– Ну, если такой дождь сам падает с неба, – сказал Даунс, – я не прочь побегать под его струями.

– Да! Как дети бегают под весенними ливнями!

Про себя я подумал: его метафоры меня убеждают, а факты – нет.

Теперь капитан повернулся в сторону Квелла:

– Любезный Квелл, ты читаешь мои мысли. Видишь ли ты в них мягкую погоду, ласковый дождик и чеканные серебряные монеты, разбросанные среди свежей, высокой травы?

Квелл не нашелся с ответом.

– А ты, Рэдли?

– Да провалитесь вы, сэр.

– Как проважусь, так и снова появжусь, – парировал капитан. – Колокол спасения меня не оставит. Внимайте его звону. Смолл? Даунс? Слышите?

– Так точно, сэр! – выпалили оба.

– Квелл? Измаил? – Пауза. – Ваше молчание – знак согласия. – Капитан повернулся к Рэдли. – Ну и где теперь твои бунтовщики?

– Вы их купили, сэр! – ответил Рэдли.

– А ты поторгуйся да выкупи обратно, – предложил капитан.

* * *

Поздно вечером, лежа у себя в койке, я сделал такую запись в дневнике:

«Мы бежали от старых радиоголосов, обошли стороной

затерянные луны с затерянными городами, отказались разделить доброе вино и душевное веселье с истосковавшимися астронавтами, отмахнулись от достойных священников, что искали своих пропавших сынов. Длиннен список грехов наших. О боже! Значит, надо слушать космос, чтобы предвидеть, какие встречи он сулит и какие еще преступления мы можем совершить по неведению».

Отложив тетрадь, я включил местную радиоточку. Вначале слышалось только равнодушное потрескивание, но потом зазвучала музыка – более удивительной симфонии я еще не слышал.

Я сделал погромче и, закрыв глаза, стал слушать.

От звуков музыки Квелл заворочался во сне. Я выключил радио, но до меня донесся настойчивый голос Квелла:

– Включи немедленно.

Еще раз нажав на кнопку, я вернул музыку. Она была невероятна – реквием по живым, которых оплакивают, как мертвых.

Я понял, что Квелл погрузился в эту мелодию с головой, потому что его сознание охватило мое.

– Только не выключай, – шептал он. – Слышишь? Музыка из моего далекого мира.

– Из твоего мира? – переспросил я. – За миллиарды миль отсюда? Уму непостижимо!

– И правда, уму непостижимо, – согласился Квелл. – Музыка, что создавалась в моей галактике, а то и в более далеких пределах. Повесть о страданиях и смерти отца моего отца.

Из динамика лились звуки, торжественные и скорбные.

Почему-то, без всякой причины, у меня защемило в глазах, а Квелл продолжал:

– Это погребальная песнь, которую мой дед сочинил для своих похорон, его великая элегия.

– Что же это получается? – размышлял я вслух. – Выходит, я слушаю и оплакиваю самого себя?

Тут Квелл протянул невидимую руку и коснулся невидимым разумом отсутствующего Даунса.

– Даунс, – позвал он, – можешь отложить на время свои дела и смастерить для меня особый скафандр?

– Всегда пожалуйста, только, боюсь, не справлюсь, – пришел ответ Даунса.

– А я тебе дам набросок, – сказал Квелл, – и чертежи сделаю. Иди сюда.

– Квелл! – встревожился я. – Это еще зачем?

Я приподнялся в койке и увидел, что Квелл сидит за компьютером, а его паучья рука выводит на мониторе замысловатые фигуры.

– Готово, – заговорил Квелл. – То, что надо: скафандр с символикой моего далекого мира.

– В нем тебя и хоронить будем? – спросил Даунс, входя к нам в каюту и глядя на творение Квелла.

– Любое существо, надев скафандр, уже ложится в будущий гроб, подогнанный по размерам и потребностям. Но мне нужен потемнее. Скроенный из ночи, запаянный тенями.

– Но зачем? – не унимался Даунс. – Зачем тебе понадобился костюм смерти?

– Вот послушай, – сказал я.

Я прибавил звук. Даунс слушал музыку других миров; у него дрогнули ресницы, беспокойно дернулись руки.

– Господи, что у меня с пальцами? Будто живут своим умом. Это все ваш реквием. Эх, Квелл, дружище Квелл, как я понимаю, другого выхода нет, придется мне скроить этот жуткий костюм.

– Квелл, – вмешался я, – эта музыка летает из конца в конец Вселенной. Почему она пришла к нам именно сейчас?

– Потому что настало время.

– Квелл!

Но он замер в молчании, уставившись в пустоту.

– Квелл! – Мне захотелось его растормошить. – Оглох, что ли?

Даунс положил руку мне на плечо:

– Он тебя не слышит.

– Да ведь он нутром чует мои мысли! – ответил я.

– Он не с нами, – сказал Даунс. – Я уже сталкивался с чем-то похожим. И на Земле, у туземцев-островитян, и на другом краю галактики я видел примерно то же самое. Сейчас с ним говорит Смерть.

– Не слушай, Квелл! – вскричал я и зажал ему уши ладонями.

Это была дурацкая затея; не зря же Даунс сказал:

– Он слушает всем телом. Как ты этому помешаешь?

– Вот так! – закричал я. – Вот так!

И, обняв Квелла, прижал его к себе что было сил.

Даунс шепнул:

– Отстань от него. Он сейчас как мраморный истукан.

– Не отстану! – упорствовал я. – Эй, Квелл, это я, Измаил! Твой друг. Черт возьми, Квелл, прошу тебя, нет, я требую – хватит! Прекрати немедленно! Не зли меня. А то дружба врозь! Я тебя... я буду... – Тут у меня перехватило дыхание. – Я буду горевать.

Как ни странно, у меня увлажнились глаза; я отстранился, и несколько соленых капель упало мне на ладони. Тогда я протянул к нему руки, показывая свои слезы.

– Квелл, посмотри, ну пожалуйста, посмотри, – умолял я.

Но Квелл ничего не видел.

Нужно было придумать что-нибудь другое.

Я повернулся и с силой ударил по кнопке радио. Далекая погребальная музыка смолкла.

Не сводя глаз с Квелла, я ждал, что будет дальше. В каюте висело эхо погребальной песни.

– Его слух еще не здесь, – объяснил Даунс.

Внезапно тишину разрубил вой сирены, пронзительный звонок, удар колокола – и голос:

– Степень готовности «красная»! Команда, по местам! Степень готовности «красная»!

Я повернулся и вслед за Даунсом побежал коридорами на главную палубу.

Добежав до своего поста, я включил полную подсветку многоуровневого дисплея. У меня перед глазами замелькали многоцветные огоньки.

– Что происходит? – спросил я вслух.

Сзади подошел Рэдли, остановился у меня за спиной и произнес только одно слово:

– Левиафан?

Капитан тоже не заставил себя ждать – его приближение сопровождалось, как обычно, неживым пульсирующим звуком.

– Нет. Огромная комета пока не здесь, до нее еще далеко. Но чтобы нас запугать, она шлет предупреждение. Она извергает шторм тяготений, атомные вихри, пыльные бури метеоров, ураганные космические дожди, солнечные протуберанцы. Не обращайтесь внимания. В сравнении с самим Левиафаном это жалкие песчинки.

Я настроил сенсорные датчики на своем пульте – все оказалось именно так, как сказал капитан. Где-то на границе радиуса действия в нашу сторону летел демон, космический Бегемот^[29] невообразимой величины и мощи.

Наш корабль содрогнулся.

Глава 9

Вибрация становилась все более судорожной, а свет на экранах мигал все чаще. Звук сделался громче, но мы знали, что это еще не тот всепоглощающий звук, что издал бы Левиафан при своем приближении.

– Капитан, – обратился Рэдли, – разрешите взять обратный курс. Нам грозит гибель.

– Отставить, Рэдли, – сказал капитан. – Нас просто испытывают на прочность.

Буря на дисплее то крепла, то стихала, то опять усиливалась. А потом вдруг наступила тишина.

– Как это? – спросил Рэдли.

– Да вот так! – бросил капитан.

– Пронесло. – Боясь поверить, я не сводил глаз с картинки. – Буря, летевшая перед кометой, улеглась. Но где сам Левиафан?

Я запустил еще несколько сканеров, обшаривая огромное пространство вокруг нашего корабля на предмет опасности.

– Комета – она тоже исчезла! Датчики не могут ее засечь.

– Не может быть! – возразил капитан.

– Это так, – сказал я. – По всем параметрам, окружающий нас космос пуст.

– Слава богу, – тихо, почти неслышно сказал Рэдли.

– Нет, я сказал, этого не может быть! – Капитан перешел на крик. – Мои глаза незрячи. И все же она явно где-то здесь. Еще немного – и я до нее дотронусь. Я ее ощущаю. Она...

Вдруг его перебил знакомый голос.

– Ушла, – негромко произнес Квелл, уставившись в пустоту космоса на экране компьютера. – Ушла.

– Квелл! – закричал я. – Ты очнулся! Слава богу.

Квелл промолчал.

– Квелл, что там стряслось? – спросил я.

Тот медленно двигался вперед:

– Реквием – он исчез. Наш космический погост исчез. Комета, этот кошмар, все... все исчезло.

– Да, это так, – ответил я. – Но почему?

Квелл промолчал.

– Ну, выкладывай! – не выдержал капитан.

В конце концов Квелл оторвался от экрана и заговорил:

– Эта буря ранила Время. Мы свернули за угол Вечности. Сама сущность пустоты, эта пропасть была... вывернута наизнанку... атом за атомом... молекула за молекулой... частица за частицей... я чувствую это... именно так.

И Квелл выбросил вперед руку, как безумный.

– Не может этого быть! – услышал я свои слова.

– Вот и я говорю! – воскликнул, не веря, капитан.

– А космос говорит иначе, – невозмутимо продолжил Квелл. – Буря подхватила нас и отбросила на два тысячелетия. Прошлое стало нашим настоящим.

– Если мы сейчас в прошлом, – заговорил Рэдли, – то какой сейчас год?

Прежде чем ответить, Квелл задумался:

– До Колумба? Да, несомненно. До Рождества Христова? Скорее всего. До того, как Цезарь проложил свои римские дороги через британские торфяники, до того, как Аристотель стал учеником Платона? Возможно. Эта огромная звезда, эта тварь – она сжалась над нами.

– Сжалась? – переспросил капитан. – Ты воображаешь, что говоришь?

Глаза и разум Квелла обыскивали космос:

– У нее нет желания с нами сражаться. Предпочитает запрятать нас подальше, чтобы не обременять себя войной. Она дала нам шанс выжить, указала путь, по которому можно от нее спастись. Иначе говоря, сжалась, сэр.

– Я не нуждаюсь в жалости! – отрезал капитан.

– Илия, – пробормотал я.

– Что такое? – Капитан повернулся на мой шепот.

– Илия. Накануне нашего старта. Илия сказал...

– Сказал что? – нетерпеливо спросил капитан.

– «В дальнем космосе наступит такой миг, когда вы увидите землю, но земли не будет; застанете время, когда времени не будет – когда древние цари обрastут новой плотью и вернутся на свои престолы».

– И этот миг сейчас наступил? – поразился Рэдли.

Квелл ему ответил:

– Да, только что. Ибо посмотри. И... почувствуй.

И я завершил пророчество Илии:

– Тогда, вот тогда и корабль, и капитан, и команда – все, все погибнут! Все, кроме одного.

«Все, кроме одного», – вертелось у меня в голове, а капитан разразился гневом.

– Глупцы, жалкие глупцы! – вскричал он. – Мы не поддадимся прошлому, не примем глухую древность. Не спрячемся в пирамидах, не подумаем спастись бегством от нашествия саранчи, склоняться перед плащаницей Христовой! Мы выстоим.

Он повернулся и зашагал к лифту, ведущему в верхние отсеки:

– Открыть шлюз! Хотя я и слеп, выйду на поиски врага в одиночку!

Глава 10

Разум Квелла устремился вовне и отыскал капитана – в одиночку.

Мне не дано было этого видеть, но я слышал – капитан напоследок сказал:

– Что? Ничего? Все тихо, сгинуло, прошло? Это конец? Нет больше погони, странствий, цели? Вот что ужасает меня сильнее всего: нет больше цели! А зачем тогда нужен капитан? Какой от него прок, если время и случай сровняли все преграды с землей до унылой, плоской, бескрайней равнины, до одного долгого, по-зимнему холодного дня, не скрашенного ни чаем, ни простым хлебом? Господи Иисусе, думы о бессмысленных днях, которые не знают конца или оканчиваются разбродом; засохший спитой чай на дне чашки, по которому не нагадаешь убийств и крови, а значит, и жизни, – вот что для меня невыносимо. Шорох перелистываемой книжной страницы способен переломить мне хребет. Одна пылинка, горящая на залитом солнцем камне, способна расплавить мою душу. Но эти простые вещи нынче обитают во владениях слишком чистых, слишком укромных или покоятся на мягких ложах и улыбаются бессмысленными улыбками слабоумных! Не смотри в их сторону. Такой мир, словно давящий пресс, сокрушит твою душу. И все же... Заклинаю, почувствуй... как в этот миг сама Вселенная наполняет меня тихой радостью. Невидимый мною, один огонек погас, но уже зарождается другой, набирая силу. Это полночь моего сердца, но подкидыш-солнце спешит напомнить, что где-то в миллионе световых лет отсюда, невзирая на родниковый утренний холод, с кровати вскакивает мальчонка, потому что сегодня приезжает цирк, а с ним ученые звери, разноцветные флаги, яркие огни. Готов ли я лишиться его этого права, этой радости – вскочить с кровати и побежать навстречу празднику? Готов, да, готов! Ан нет, Богом клянусь, конечно нет. У меня разрывается сердце, когда я думаю, что его ждет немощная старость; готов ли я сказать ему об этом, предупредить, чтобы он не переворачивал эту страницу и не вступал в жизнь? Да, готов! Ибо жизнь наша есть грех, преступление против самой себя! Ан нет, я бы придержал язык и не стал удерживать этого мальчонку. Беги, малыш, сказал бы я ему в том далеком мире. Взведи пружину дня, запусти радость на полную катушку. О, познай восторг. А на меня не оглядывайся. Мне жить в ночи.

Внезапно позади меня возник Смолл и потянулся через мое плечо, чтобы отрегулировать настройки. Экран слежения ожил, и мы воочию

увидели капитана, привязанного к кораблю воздушным шлангом. Рэдли, в таком же скафандре и тоже привязанный шлангом к кораблю, парил в нескольких ярдах позади капитана. В руке он держал лазерный пистолет, но на его лице, за щитком шлема, читалась нерешительность. Разум Квелла ощупью продвинулся дальше, прикоснулся к мыслям нашего доброго Рэдли, и в них я прочел:

– Когда он так говорит, что я должен делать? Стрелять на поражение или не стрелять? Во время этих метаний между светом и тьмой его безумство становится переменчивым, а потому и мое здравомыслие колеблется. Надо стрелять. Нет, нельзя.

– Левиафан! – заорал капитан в окружавшую его черную бездну. – Выходи! Я знаю, ты здесь!

До моего мозга доносилось его тяжелое дыхание, сверлившее беззвучную пустоту: он ждал ответа, но ответа не было.

– Боже милосердный, – продолжал он, – даруй мне, о, пошли мне всего лишь одну миллионную часть видений моей юности. Верни мне зрение. Только на одно мгновение этой длинной ночи дай мне прозреть, чтобы я нашел силы довести дело до конца – увидеть мрак своими глазами, распознать смертоносную белизну, свершить правосудие вот этими руками! Верни – прошу, заклинаю, взываю, молю!

Тут капитана завертело, будто в невесомости космоса он падал под непосильной тяжестью собственных слов.

– Капитан! – вскричал Рэдли. – Осторожнее!

– О... вернулось. – Капитан барахтался, пытаясь остановиться. – Силы небесные, ко мне вернулось зрение! Мой взгляд незамутнен. Мне открыта Вселенная. Я вижу! Звезды! Бог мой, эти звезды, мириады звезд!

Тут капитан зарыдал.

Рэдли, наблюдавший те же звезды, заговорил сам с собой:

– О, благодарю Тебя, Господи, за чудеса, что преподают нам урок. Вот только усвоит ли он этот урок?

– Кто там? – спросил капитан. – Рэдли? Ты ли это? Неужто я вижу лицо друга?

Он протянул руку и почти прикоснулся к щитку гермошлема своего первого помощника.

Рэдли отозвался сразу:

– Лицо друга. И этот друг вам говорит: возвращайтесь, пока не поздно. К нам вернулось время. Вы обрели зрение. Чего еще желать? Это знак, чудо. Истинный дар для вас, сэр. Сообразно этому и действуйте.

– Идет, – согласился капитан. – Но сперва хочу выпить. И

насмотреться. О Рэдли, это словно горный родник. Холодный, кристально чистый – этот дар видеть. О боже, моя жажда неутолима. Вселенная – как прекрасная незнакомка. Изголодался я по ней за тридцать лет. Не могу насытиться. Теперь я смогу нести вахту. Пусть мои глаза будут открыты широко и даже еще шире.

На мониторе перед нами возникла мягкая пульсация зеленого и желтого, послышался далекий звон колоколов, тихое причитание волн и людских голосов.

Я слушал, придвинувшись ближе.

– Квелл, – спросил я, – что это?

– Время, – ответил Квелл, – повернуло вспять.

– Наблюдай и чувствуй! – сказал капитан. И Квелл стал рассказывать все, что наблюдал и чувствовал:

– Узел развязан... великое Время освободилось. Годы идут назад. Мы вернулись. Левиафан отдает наш век и год. Сейчас две тысячи девяносто девятый.

– Две тысячи девяносто девятый, – повторил капитан. – Ты слышал это, Рэдли?

– Так точно, слышал!

– Мы опять в своем времени! Целых два дара, Рэдли. Дар прозрения и дар возвращенных лет.

– Господь милосерден. Он подправил календарь и коснулся ваших глаз, – сказал Рэдли.

– А вдруг бы это стало правдой?

– Это и есть правда!

– Нет, это лишь видимость, – сказал капитан. – Дары не Бога, а зверя. Он подкупает меня, чтобы не путался под ногами. Умасливает пиршеством зрения, чтобы залатать мне душу, а потом оттолкнуть прочь с дороги. Такие благодеяния отдают гнильцой. Оно и понятно. Вот возьму да и зашью себе глаза или вырву их вот этими руками. Я взятку не даю. И сам не беру. Просто не люблю сидеть на одном месте. Если мне будет дано время, начну строить планы. Если мне будет дано зрение, распоряжусь им с пользой: подыщу своему врагу место для могилы. Левиафан, твои дары станут кинжалом в твоей груди!

– Капитан, он говорит: бегите!

– Куда? Повернем к Земле – а время вдруг опять даст задний ход, и мы приземлимся возле останков Карла Великого^[30] или, к примеру, истечем кровью вместе с Цезарем прямо у него на форуме?

– Мощи Христовы! Дух Господень, о, дай мне силы нажать на курок.

Теперь лазерный пистолет в руке Рэдли был наведен на капитана.

– Ты не посмеешь!

– А если посмею? – отозвался Рэдли. – Как было бы прекрасно вернуться домой, спуститься в пещеру первобытного человека и прожить куда более спокойно, чем в здешнем кошмаре? Господи, прилечь бы рядом с саблезубым тигром и успокоиться.

– Успокоимся мы, Рэдли, только в мертвом сердце кометы.

– Понимаю, – сказал Рэдли. – Но сейчас я мертв. Минуту, зачехлю оружие. А вот и Левиафан – мчится сюда, чтобы обглодать мои кости. Прикажете салютовать ему вместе с вами, капитан?

Тут полыхнула вспышка, раздался оглушительный рев – и слепящий блеск стал приближаться.

Квелл эхом повторил:

– Обглодать мои кости.

Глава 11

– Дружище!

Квелл тут же переключился на Даунса, который появился в отсеке.

– Заказ готов. – Бортинженер протягивал ему скафандр из негнущегося черного материала.

– Ну спасибо, – сказал Квелл. – Знатная работа.

Даунс постучал по металлическому щитку:

– Прямо хоть сам ложись да помирай в этот треклятый гроб.

– Ты держись меня, – сказал Квелл, – и твое желание, скорее всего, исполнится.

– Квелл! – позвал я.

Тот, насторожившись, резко повернулся ко мне:

– Ты же сам все слышал.

– К капитану вернулось зрение, – сказал я, – но он слеп, как никогда прежде.

– И мы разделим с ним его слепоту, – продолжил Квелл. – Показываю!

И Квелл поместил в мою голову нарастающий шквал света. Та же картина хлынула на все мониторы.

– Всему личному составу! – скомандовал капитан. – Надеть аварийные скафандры! Собраться у спасательных челноков! Рэдли, вернуться на борт! Всему личному составу!

Загалдев, команда ринулась выполнять приказ.

«Вот оно, – сказал я себе, – комета приближается. Это и есть тот необъятно-белый священный ужас, что наполняет Вселенную и заглатывает звезду за звездой. Господи, это надо видеть! Экипаж! Люди носятся как расшалившиеся дети».

– Послушай их мысли, – сказал Квелл, указывая на неудержимое людское кишение. – Разрешаю. У них в жилах закипает кровь. Послушай, что есть на самом деле!

Он дотронулся до моего лба, и у меня в голове вихрем закружились чужие мысли. То здесь, то там я чувствовал и слышал восклицания, ликующие крики, радостные вопли людей, несущихся напрямик в ад.

Когда среди нас возник капитан, все устремили на него взоры, горящие от нетерпения.

– Доводилось ли вам видеть нечто подобное?! – воскликнул капитан. – О боже, это пламя ярче тысячи солнц. Все по местам.

– Есть, сэр! – гаркнули все как один.

– А теперь, – обратился капитан по радиосвязи к команде, облаченной в скафандры, – запомните: в каждом спасательном челноке имеется оружие разрушения. Мое нетерпение подскажет вам, как сожрать эту комету, – не церемоньтесь! Каждый челнок оснащен тепловым лучом, превосходящим любой адский лазер. Захват шире, радиус действия длиннее, скорострельность выше, точность попадания лучше. Используйте его мощь! Тряхните это чудовище. Сотрите в порошок. Первому челноку приготовиться. Даунс?

– Даунс на связи, – отрапортовал тот. – Спасательный челнок номер один к пуску готов!

– Старт!

Я слышал, как взлетел первый челнок, унося Даунса и его товарищей.

– Второму челноку приготовиться! – прокричал капитан. – Смолл?

– Смолл на связи, – раздался отзыв. – Спасательный челнок номер два... к пуску готов!

– Старт!

Удар – Смолл, и его голос, и его товарищи исчезли.

– Рэдли, – повернулся капитан к своему первому помощнику, – назначаю тебя командиром третьего челнока. Используйте его с толком.

– Есть, сэр! – отдал честь Рэдли.

– Квелл, – позвал капитан, и я увидел, что Квелл уже облачился в свой черный скафандр. – Квелл, полетишь вместе с Рэдли. Измаил остается со мной, на борту. Третьему челноку приготовиться к старту.

– Квелл, – сказал Рэдли на выходе из главного отсека, – на тебе костюм смерти.

– В самый раз, мистер Рэдли, костюмчик в самый раз будет.

– А я к тебе не втиснусь?

– Смерть, – ответил Квелл, – готовит просторный гроб. В нем не придется толкаться локтями.

– Ладно, – сказал Рэдли, – тогда шевелись. Перед тем как уйти, Квелл повернулся ко мне, будто хотел что-то сказать.

– Квелл, – вырвалось у меня, – можно мне с тобой? Капитан! Разрешите обратиться...

Но Квелл перебил:

– Нет. Останься. И живи. Знай: ты будешь жить до глубокой старости. Это говорю тебе я – смотрящий вдаль. Живи долго, Измаил. Будь счастлив. Прощай, дорогой друг.

– Квелл, – прошептал я, – оставь свой разум со мной, чтобы нам быть

вместе до конца.

Я чувствовал, как его сознание, его мысли задержались у меня в ушах и в мозгу.

– Мой разум принадлежит тебе, – напоследок сказал Квелл. – Он твой.

Через несколько секунд раздался приказ капитана:

– Спасательный челнок номер три, старт! Удар. Квелл и Рэдли катапультировались во Вселенную.

– Измаил, подойди, – сказал капитан.

– Есть, сэр! – откликнулся я.

– Они летят, – сказал капитан. – Смотри, как летят спасательные челноки.

Монитор показал нам все челноки, уже далеко от нас; мы слышали их радиоголоса, перекрывающие друг друга. В этих одиноких челноках были Квелл, Рэдли, Смолл и Даунс. В эфире неслось:

– Первый челнок, полный вперед! Второй челнок, полный вперед! Третий, на цель!

– Ты только взгляни, Измаил! – воскликнул капитан. – Это же целая Антарктида, вся белая, как по волшебству заброшенная во Вселенную, чтобы потрясти наш взор! Левиафан!

– Слепит! – закричал я. – Невозможно смотреть!

– Пусть белизна сожжет твои глаза, как сожгла мои, – сказал капитан. – У нас останутся руки, чтобы ее задушить!

– Квелл! – закричал я.

Потому что услышал музыку предков Квелла, погребальную песнь его деда. Она звучала в голове Квелла и каким-то чудом прилетела ко мне.

Через многие мили на мой крик отозвался голос Квелла:

– Слышу тебя, мой юный друг.

– О Квелл, эта музыка!

– Знаю, – пришел ответ. – Левиафан разучил мелодию... и отлично ее играет.

Теперь музыка звучала не только у меня в голове – она разносилась по всему кораблю, из всех динамиков: громкие, рокошующие, печальные волны.

Вдруг капитан сказал:

– Я прекращу этот вой! Убью чудовище! Первый, второй, огонь на поражение! Третий, огонь на поражение! Рэдли, огонь на поражение!

Голос Рэдли откликнулся в унисон с остальными:

– Есть огонь на поражение!

Музыка нарастала – оглушительный звук сопровождался вибрацией. Она нарастала, становилась громче и стихала.

– Уничтожь – и уничтожен будешь, – произнес я вслух, что-то припоминая.

А капитану сказал следующее:

– Сэр, наши челноки слишком малы. Эта комета уничтожит их! Я вижу скелеты своих товарищей, словно в рентгеновских лучах. Лазерное оружие, из которого они целятся, – как пламя от спички против огромного огненного кулака, занесенного для удара.

С мониторов исчез первый челнок, за ним второй и третий.

– Началось, – прошептал я. – Зрение слабеет. Я почти ничего не вижу. Челноки терпят крушение один за другим, с них содрана кожа, металлические кости обнажены, люди срываются в поток радиации. Сверкают метеориты... все проглочено... исчезает.

– Нет, мой добрый Измаил, – донесся тихий шепот Квелла. – Просто мы все заброшены в разные витки Времени.

– Куда, скажи, направляется экипаж челнока номер один, – спросил я, – если его оружие смолкло?

Квелл продолжал шепотом:

– Наш друг Даунс, очевидно, послан на смерть, чтобы быть похороненным вместе с Ричардом, безумным потерянным королем, среди его зеленых равнин; к его ногам брошены монаршая корона и кровь^[31].

– Команду второго челнока вихрем уносит все дальше. Без малейшей надежды на спасение они падают – куда?

– В Иллинойс. Кто бы мог подумать, – донеслись безмолвные слова Квелла.

– В Иллинойс, где покоится Линкольн. А Рэдли? Что с ним, Квелл?

– Пока здесь. Неизвестно, куда нас занесет. Мы во власти кометы. Время – ее оружие!

Я повернулся к капитану.

– Время, – повторил я. – Комета разбросала их во Времени. Квелл говорит, ее оружие – Время.

– И мое – тоже! – ответил капитан. – Мою команду разбросало кого куда, мое боевое снаряжение пропало, но осталось еще одно, более мощное оружие – оно у нас на борту. Время! Время – это все! Я создал устройство, способное, как Левиафан, раскрутить Время, словно волчок. Теперь при помощи моей огромной машины я обращаю силу кометы против нее самой. Так же как звезда на востоке, мы низвергнемся, увлекая за собой нашего убийцу, используя громаду его против него. Эту пасть, что хочет нас поглотить, мы заставим раскрыться до предела и вывернуться наизнанку. Что больше Левиафана? Вечность! Пустота! Бездна тьмы! Межзвездная

ширь! Они и станут моей пастью. Мое оружие пропорет в космосе дыру и сбросит туда Левиафана.

В тот же миг пальцы капитана заскользили по кнопкам пульта на главном компьютере, и двигатели нашей ракеты забились, словно в истерике.

– Левиафан! – кричал капитан. – Познакомься-ка с Левиафаном! Разрушение, встречай разрушение! Комета, узрей свое отражение! Истребление, познай истребление!

Вселенная вокруг нас содрогнулась. До меня донесся затихающий среди звезд голос Квелла:

– Ох, Измаил.

– Квелл!

Сквозь жуткие заключительные раскаты грома прорвался зычный голос капитана, успевший прокричать:

– Что? Моему кораблю тоже конец? Его плоть растерзана? Его кости разбросаны? Я опять слеп? Пусть так, но я тебя схватил! Мертвый, я бьюсь против тебя. Где твое сердце? Вот оно, там, а теперь тут, я его задушу. О проклятый и ужасный Левиафан, вот как все обернулось!

Тут прогремел последний взрыв – град осколков корабля, человеческих тел и неуправляемых лучей. Меня подбросило вверх, и я, заключенный в скафандр, поплыл над обломками, среди миражей, видений, энергий, теней, звезд.

Все исчезло, да, исчезло, думал я. В бездонное и черное дышло Вселенной уплывала, торжествуя, свадебная фата отчаяний и печалей, безрассудная тайна в вечном движении, но... подождите... вправду ли все исчезло? Исчезли наши корабли, исчезли люди – большие и малые, здоровые и блаженные, а с ними и капитан, безумец из безумцев. Продырявил ли он Вечность, как обещал, пропорол ли шов, сбросил ли туда Левиафана? Потеряны ли навсегда те, кто исчез? А может, спрашивал я себя, Левиафан еще вернется? Вернется через тридцать лет и принесет с собою всех, кто его убил?

Через много лет, проскользив до конца пропасти, не вернется ли этот монстр, а с ним и вся наша команда, все до одного... охотник и добыча, испуганный и пугающий, безумие и вздыбленный сон безумия, сплавленные воедино в еще не рожденных веках? Окажутся ли они в этом месте или пройдут стороной, когда Земля состарится и начнет высматривать Левиафана, наши корабли, команду, капитана – бесконечный кортеж призрака?

Мимо меня плыла, медленно вращаясь, какая-то темная форма. Я

узнал похоронный скафандр Квелла.

– Квелл!

Протянув руку, я ухватил этот негнувшийся скафандр, развернул его и обнаружил, что он пуст. Тогда я заговорил в пустое пространство:

– Нет, здесь только скорлупа, оболочка. Мой добрый друг пропал. Где же ты, Квелл?

Я обнял пустой скафандр, и у меня в голове опять зазвучала странствующая погребальная музыка предков Квелла.

Плывя в полном одиночестве, я вспоминал Квелла, который ушел туда, где обитают кометы и их боги. Так я и продолжал свой бесцельный дрейф, держась за черный скафандр, диковинный спасательный плот, и зная, что скоро у меня в гермошлеме закончится воздух. Сколько еще? – раздумывал я. День, от силы два... а потом?..

* * *

Где-то наверху я вижу свет и сквозь помехи разбираю позывные:

– Космическая шхуна «Рахиль», говорит космическая шхуна «Рахиль»...

Шхуна, исследующая обломки, наконец-то приближается, чтобы меня подобрать. «Рахиль», которая, блуждая в поисках своих пропавших детей, нашла только еще одного сироту. Я отпустил гроб. А вместе с ним отпустил и воспоминания о Квелле, чтобы они проплыли через световые годы и опустились на его могилу.

Трагедия подошла к концу. Остался лишь один. Это я, Измаил, остался в живых, чтобы поведать вам эту историю.

– Шхуна «Рахиль» идет на сближение. Вас видим. Готовы принять вас на борт. Готовы принять вас на борт.

notes

СНОСКИ

В 1956 году... она снялась в фильме «Лето». – Кинофильм «Лето» снят в 1955 году режиссером Дэвидом Лином по мотивам пьесы Артура Лоренца «Время кукушки».

...египтян, в здешних песках не встретишь... – Помимо прямого смысла, в этой фразе есть и переносный: «египтяне» (Egyptians) – шутливое прозвище жителей южной части штата Иллинойс, населяющих г. Кейро (Cairo, Каир) и его окрестности.

Вальхалла (Вальгалла, Валгалла, др.-исл. Valholl) – в германоскандинавской мифологии – небесный чертог для павших в бою воинов. Согласно легенде, представляет собой гигантский зал с крышей из позолоченных щитов. Одни источники трактуют Вальхаллу как рай, другие сближают ее с адом.

Кардифф?.. Был такой великан, давным-давно... – 16 октября 1869 года рабочие, копавшие колодец за амбаром фермера Уильяма Ньюэлла близ города Кардифф, штат Нью-Йорк, наткнулись на окаменевшие останки трехметрового великана. Фермер не упустил своей выгоды и начал показывать эту диковину всем желающим за 25 центов (позже, когда количество любопытствующих стало превышать все разумные пределы, плата была повышена до 50 центов). Ученые заявили, что кардиффский великан – подделка, но их доводы были весьма шатки. Церковь, напротив, считала находку подлинной, так как о древних исполинах говорилось в Библии. Вскоре Ньюэлл продал великана Кардиффа неким дельцам за 37 тысяч долларов. Те перевезли его в г. Сиракузы (штат Нью-Йорк) и организовали весьма прибыльное шоу. Популярную окаменелость захотел купить оборотистый владелец цирка-шапито Финеас Барнум. Получив отказ, он нанял человека, который сумел снять слепок с окаменелости и изготовить ее копию. Барнум начал выставлять свое приобретение в цирке, распуская слух, что великан в Сиракузах – подделка. Судебная тяжба владельцев двух гигантов провалилась, поскольку судья требовал, чтобы подлинность «настоящего» исполина была подтверждена под присягой. Решающее слово в этой истории сказал выдающийся американский палеонтолог О. Марш. Тогда «отец» кардиффского великана был вынужден выйти из тени и сознаться во всем. Им оказался некий Джордж Халл (по другим источникам – Холл). Владелец табачной лавки, он имел неплохой доход и мог позволить себе некоторые чудачества. Однажды, затеяв теологический спор о библейских исполинах, он решил доказать свою правоту на практике и нанял каменщика, чтобы тот смастерил трехметровую статую. Она была состарена с помощью кислот и закопана в землю за амбаром Ньюэлла. Марк Твен написал о кардиффском великане юмористический рассказ «История с привидением», а Фрэнк Баум (автор «Волшебника из страны Оз») посвятил ему стихотворение. Эта история, видимо, подсказала Брэдли сюжет рассказа «Подлинная египетская мумия работы полковника Стоунстила» (см.: Р. Брэдли, «К западу от Октября». М., СПб., 2005). История кардиффского великана была рассказана также в романе Харви Джейкобса «Американский голиаф» (1996; русский перевод – 2008).

Мистик-Сипорт (Музей Америки и моря) – музей под открытым небом, расположенный на территории в 15 га у берега реки Мистик в городе Мистик, штат Коннектикут. Основан в 1929 году, когда в Мистике была создана Морская историческая ассоциация. Мистик-Сипорт представляет собой макет американского портового городка XIX века с 60 зданиями (многие из которых были перевезены из других уголков США и отреставрированы), ремесленными мастерскими, моделями парусных кораблей. Первым экспонатом музея стал приобретенный в 1941 году китобой «Чарльз У. Морган», спущенный на воду за сто лет до этого.

Ты ведь слышал про полевые лилии. Мы не трудимся, не прядем. – Ср.: «Посмотрите на полевые лилии, как они растут: не трудятся, не прядут» (Мф. 6:28).

Нантакет... – это флотилия, матросы, вдовы китобоев. – Порт Нантакет неоднократно упоминается в романе Генри Мелвилла «Моби Дик».

Свенгали – злодей-гипнотизер из романа Джорджа Дюморье «Трильби» (1894).

Carpe diem («Лови день») – изречение римского поэта Горация (65–27 гг. до н. э.), призыв наслаждаться жизнью.

...оказывается в Чикаго... прямо перед Институтом искусств... останавливается у огромного полотна «Воскресная прогулка в парке». – Картина французского импрессиониста Ж. Сёра (1859–1891), известная также как «Воскресная прогулка на острове Гранд-Жатт» (1884–1886). Хранится в музее Института искусств (Чикаго).

Норман Корвин (р. 1910) – американский радиодраматург и писатель, автор романа «Собака в небесах», пьес «Явление богини», «Опасная встреча» и др.

Герман Мелвилл (1819–1891) – выдающийся американский писатель. Во всех своих произведениях провозглашал примат иррационального. Так, в романе «Моби Дик» (1851) Мелвилл повествует о том, как капитан Ахав преследует гигантского белого кита, который довлеет над всем и всеми, обнаруживая себя «результатами своих действий».

Левиафан – морское чудовище, описанное в Библии (Книга Пророка Исайи 27:1; Книга Иова 40:20).

Кристофер Ли (р. 1922) – знаменитый английский актер, известность которому принесло участие в фильмах «Проклятие Франкенштейна» (1957), «Дракула» (1958), «Собака Баскервиль» (1959). Сыграл небольшие роли в таких блокбастерах XXI века, как «Властелин колец» и «Звездные войны».

...космического корабля «Сетус». – Кит (лат. Cetus, Cet) – созвездие Южного полушария, находящееся в «водном» регионе неба, недалеко от созвездий Водолея, Эридана и Рыб.

«Зовите меня Измаил» – фраза, которой открывается первая глава романа Мелвилла «Моби Дик». Текст романа Брэдбери «Левиафан-99» чрезвычайно богат сюжетными и образными реминисценциями из указанного произведения, и в первую очередь параллельными отсылками к библейским сюжетам, персонажам, изречениям. Таким образом, многие библейские мотивы получают у Брэдбери своеобразное полифоническое звучание.

Звук, будто наказание саранчой? – Библия подробно повествует о десяти египетских казнях (Исход 7:8–12:31), а также ссылается на это событие в книге Псалтирь. Десять казней, которые Господь наслал на Египет, включают: 1. Превращение воды в кровь. 2. Нашествие жаб. 3. Наказание мошками. 4. Наказание песьими мухами. 5. Моровая язва. 6. Наказание нарывами. 7. Град. 8. Нашествие саранчи. 9. Тьма. 10. Смерть первенцев. Наказание саранчой было одним из самых страшных. Саранча налетела большими тучами и съела всю зелень, которая выжила во время седьмой казни. А в конце дня саранча покрывала землю толстым зловонным слоем. Данная казнь была в первую очередь направлена против богов земли, урожая и плодородия. Вот лишь некоторые из них: Осирис – бог жизненных сил природы и плодородия, владыка подземного мира; Птах (Пта) – бог плодородия земли; Апис – символ плодородия; Мин – бог плодородия, производитель урожая; Нехебкау – бог времени, плодородия и податель пищи. Египтяне увидели, что все эти многочисленные божества были не в состоянии защитить свой народ от очередной казни Бога Израиля, в результате которой вся страна осталась без урожая и практически была обречена на страшный голод. Ярким достижением данной казни явилось признание фараоном своего собственного бессилия и греховности пред Богом Израиля, а также бессилия египетских богов защитить их сады и поля от нашествия саранчи: «Фараон поспешно призвал Моисея и Аарона и сказал: согрешил я пред Господом, Богом вашим, и пред вами; теперь простите грех мой еще раз и помолитесь Господу Богу вашему, чтобы Он только отвратил от меня сию смерть» (Исход 10:16–17).

У тебя в мыслях вижу бобовый стебель. – Упоминается английская народная сказка «Джек и бобовый стебель», или «Джек – победитель великанов».

Илия – библейский пророк. В Книге пророка Малахии сказано, что Бог пошлет пророка Илию на землю перед наступлением дня Господня, великого и страшного. Илия имеет облик нищенствующего аскета-подвижника. Его появление приходится на время правления израильского царя Ахава.

Иона, сын Амафии (Амита́я) – библейский пророк (относящийся к так называемым малым пророкам), автор Книги пророка Ионы. О том, что пророк Иона был во чреве кита три дня и три ночи, рассказано в Библии: «Ибо как Иона был во чреве кита три дня и три ночи, так и Сын Человеческий будет в сердце земли три дня и три ночи» (Мф. 12:40).

Квартердек – морской термин: приподнятая часть верхней палубы в кормовой части судна во времена парусного и гребного флота. На квартердеке располагались средства управления судном: штурвал или румпель, компас; здесь обычно находился капитан корабля.

Иов – библейский персонаж, герой Книги Иова. Величайший праведник, образец веры и терпения.

«Гинденбург» – трансатлантический пассажирский дирижабль класса люкс, построенный в Германии в 1936 году. Обслуживал линию, связывавшую города Франкфурт-на-Майне и Лейкхерст, штат Нью-Джерси, США. За первый год эксплуатации число перевезенных пассажиров достигло полутора тысяч. 6 мая 1937 года, во время посадки в Лейкхерсте, дирижабль загорелся; в огне погибло 36 человек. Пожар на «Гинденбурге» стал крупнейшей воздушной катастрофой тех лет, и с ним закончилась короткая эра использования дирижаблей для трансатлантических перевозок.

Некто Демпси победил некоего Танни в тысяча девятьсот двадцать пятом. – Демпси, Уильям Харрисон (Джек) (1895–1983) – боксер, чемпион мира в тяжелом весе с 1919-го по 1925 год. В молодости был шахтером, затем начал заниматься боксом и ушел в профессионалы. На ринге почти всегда побеждал. Был невысокого роста, но настолько силен, что получил прозвище «Джек – победитель великанов». Танни, Джин (полное имя Джеймс Джозеф Танни, 1897–1978) – американский боксер-профессионал, чемпион мира в супертяжелом весе.

Мантл, Микки Чарльз (1931–1995) – американский бейсболист.

Богословская шхуна «Рахиль»... – Рахиль – в Библии одна из двух жен патриарха Иакова, младшая дочь Лавана, сестра Лии, мать Иосифа и Вениамина. Рахиль символизирует не только мать, которой рождение ребенка стоило жизни, но и мать, до конца сострадающую своим детям. Шхуна «Рахиль» фигурирует в романе Мелвилла «Моби Дик».

Забросим же наши сети и вытащим великое множество рыбы... – Упоминается чудо, совершенное перед призванием Иисусом первых апостолов – Симона (Петра) и Андрея. Христос «учил народ» у озера Генисаретского и, окончив проповедь, «сказал Симону: отплыви на глубину и закиньте сети свои для лова». Симон, опытный рыбак, сказал: «Наставник! мы трудились всю ночь и ничего не поймали, но по слову Твоему закину сеть». Закинув сеть, они поймали «великое множество рыбы, и даже сеть у них прорывалась». После этого, как повествует далее евангелист, первые апостолы «оставили все и последовали за Ним».

Галилея – историческая область на севере Палестины (Израиля), на границе с Ливаном. Ограничена Средиземным морем на западе, горой Кармель на юге и Иорданской долиной на востоке. Традиционно делится на Верхнюю, Среднюю и Нижнюю Галилею. Родина Иисуса Христа и апостолов.

Бегемот – мифологическое существо, демон плотских желаний (в особенности обжорства и чревоугодия). В Библии описан как одно из двух чудовищ (наряду с Левиафаном), которых Бог демонстрирует праведнику Иову в доказательство Своего могущества в Книге Иова: «Вот бегемот, которого Я создал, как и тебя; он ест траву, как вол; вот, его сила в чреслах его и крепость его в мускулах чрева его; поворачивает хвостом своим, как кедром; жилы же на бедрах его переплетены; ноги у него, как медные трубы; кости у него, как железные прутья; это – верх путей Божиих; только Сотворивший его может приблизить к нему меч Свой; горы приносят ему пищу, и там все звери полевые играют; он ложится под тенистыми деревьями, под кровом тростника и в болотах; тенистые деревья покрывают его своею тенью; ивы при ручьях окружают его; вот, он пьет из реки и не торопится; остается спокоен, хотя бы Иордан устремился ко рту его. Возьмет ли кто его в глаза его и проколет ли ему нос багром?» (Иов 40:10–19).

Карл I Великий (фр. Charlemagne, 747–814) – король франков с 768 года (в южной части с 771-го), король лангобардов с 774 года, герцог Баварии с 788 года, римский император с 800 года. Старший сын Пипина Короткого и Бертрады. По имени Карла династия Пипинидов получила название Каролингов. Прозвище «Великий» Карл получил еще при жизни.

...Ричардом, безумным... королем... к его ногам брошены монаршая корона и кровь. – Имеется в виду «Ричард III» – историческая хроника Шекспира, написанная около 1592–1594 годов. Ричард, заглавный персонаж пьесы, убивает всех, кто стоит на его пути к власти. Впоследствии ему являются призраки тех, кого он лишил жизни.